

с т о л и ч н ы й
к о л л е к ц и о н н ы й
ж у р н а л о м о с к в е
р а з н о о б р а з н ы е
МОСКОВСКОЕ ф а к т ы
о п л о т л е г о к н а п о м и н е
НАСЛЕДИЕ о к р а и н а

к о д е к с в л а д е н и е
т о п и к н а с л е д и е
у в л е ч е н к р ы ш и
л е с т н и ц а о г о р о д о в
а р к а э х о ч е л о в е к
д о р о г а р е с т а в р а т о р
п р е к р а с н о е

№ 3 (45)

2016

я шагаю по москве
по Мясницкой улице

практика
Место «нашего всего» и его окружение

тема номера
1859–1891 годы

горожане
Дела московские в конкретном приближении

Адреса распространения

Книжные магазины

Книжный магазин «Циолковский»
Пятницкий пер., д. 8, стр. 1
Книжная лавка «Кириллица»
Черниговский пер., д. 9/13, стр. 2
Гиперион
Хохловский пер., д. 9, стр. 3, под. 12, 16

Кафе, рестораны, бизнес-центры, гостиницы

Джао Да
Лубянский пр-д, д. 25, стр. 1
Faq-cafe
Большая Полянка ул., д. 65/74, стр. 1
Рэд Код бар
Большая Полянка ул., д. 7/10, стр. 1
Братья Третьяковы
Лаврушинский пер., д. 10
UpsideDownCake CO
Большая Грузинская ул., д. 76
Жан-Жак
Никитский бул., д. 12

Музеи, арт-площадки

Музей архитектуры им. А.В. Щусева
Воздвиженка ул., д. 5
Центральный дом художника
Крымский Вал ул., д. 10/14
Государственный музей
А.С. Пушкина
Пречистенка ул., д. 12/2
Музей русской усадебной культуры
«Усадьба князей Голицыных
“Влахернское-Кузьминки”»
Тополевая аллея, д. 6
Музей Москвы
Зубовский бульвар, д. 2
Императорское Православное
Палестинское Общество
Забелина ул., д. 3, стр. 2
Музей археологии Москвы
Манежная пл., д. 1а
Музей «Старый Английский двор»
Варварка ул., д. 4а
Музей космонавтики
Проспект Мира, д. 111
Государственный музей Востока
Никитский бульвар, д. 12а
Музей «Московский транспорт»
Рогожский вал ул., д. 9/2
Центральный Манеж
Манежная пл., д. 1
Выставочный центр «Рабочий
и колхозница»
Проспект Мира, д. 123б

Библиотеки, научно-исследовательские и учебные заведения

Московский архитектурный институт
Рождественка ул., д. 11
Московский государственный строительный университет
Ярославское ш., д. 26

Российская академия архитектуры и строительных наук
Большая Дмитровка ул., д. 24, стр. 1
Строительный колледж № 26
Трофимова ул., д. 27, корп. 2
Строительный техникум № 30
Ак. Петровского ул., д. 10
Московский городской педагогический университет
Сельскохозяйственная ул., д. 4, корп. 1
ГБУК «Центральная городская молодежная библиотека им. М.А. Светлова»
Садовая-Кудринская ул., д. 23,
Большая Садовая ул., д. 1
Политехнический техникум № 2
Тимура Фрунзе ул., д. 28
Политехнический техникум № 2
1-й пер. Тружеников, д. 12, стр. 4
Центральная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова
Бауманская ул., д. 58/25, стр. 14
Российская государственная библиотека для молодежи
Большая Черкизовская ул., д. 4, корп. 1
Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
3-я Кабельная ул., д. 1,
Введенского ул., д. 1
РГГУ (библиотека)
Миусская пл., д. 6

Органы государственной власти

Правительство Москвы
Тверская ул., д. 13 (5-й подъезд),
Тверская ул., д. 13 (2-й подъезд)
Департамент культурного наследия города Москвы
Пятницкая ул., д. 19 (приемная),
Пятницкая ул., д. 19 (служба «одного окна»),
Пречистинка ул., д. 3
Комитет по архитектуре и строительству города Москвы (Москомархитектура)
Триумфальная пл., д. 1
Московская городская Дума
Страстной бул., д. 15/29, стр. 1
Департамент культуры города Москвы
Неглинная ул., д. 8/10,
Петровка ул., д. 17, стр. 11/13
Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы
Новая Басманная ул., д. 10, стр. 1
Префектура ЦАО
Марксистская ул., д. 24
Управа района Хамовники
г. Москвы
Пречистенка ул., д. 14
Управа Тверского района г. Москвы
Чаянова ул., д. 11/2

ЖУРНАЛ «МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ» № 3 (45) 2016

Учредитель

Департамент культурного наследия города Москвы

Руководитель проекта
Куратор проекта
Координатор проекта

Алексей Емельянов
Леонид Кондрашев
Екатерина Чуракова

Редакция журнала «Московское Наследие»

Главный редактор
Заместитель главного редактора
Административный директор
Консультанты журнала

Филипп Смирнов
Алексей Черепанов
Мария Ксенжик
Александр Можяев,
Станислав Величко,
Наталья Калинкина

Дизайн-макет
Верстка

Филипп Смирнов
Андрей Дегтярёв
Наталья Якубени

Научный руководитель номера

Профессор, доктор искусствоведения, кандидат архитектуры. Заместитель генерального директора Музеев Московского Кремля, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусского и современного церковного искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, профессор МАРХИ и ПСТГУ, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы

Андрей Леонидович Баталов

Генеральный директор ГК «Галерея»
Литературный редактор
Корректор
Административный директор
Финансовый директор ГК «Галерея»

Татьяна Аксёнова
Светлана Павлищева
Анастасия Кондрашова
Дамир Елагин
Елена Комягина

Издатель

Владимир Пирожок

ГРУППА КОМПАНИЙ
ГАЛЕРИЯ

Адрес редакции:
105082, Москва, Спартаковская пл., д. 10, стр. 12
Телефон редакции: (495) 665-48-37

Электронная версия журнала:
<http://dkn.mos.ru/popularization/themagazinemoscowheritage/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года

Тираж 30 тыс. экз.

Журнал распространяется бесплатно по указанным адресам

Телефон горячей линии Департамента +7 (916) 146-53-27

Горячая линия Департамента открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы

© Департамент культурного наследия города Москвы, 2016

Перепечатка материалов журнала невозможна без письменного разрешения редакции

Синодальная типография на Никольской.
Фотография из архива Мосгорнаследия

В НОМЕРЕ

Филипп Смирнов
Из «Третьего Рима» в «Москву купеческую» 4

Тема номера

Алексей Черепанов
Генерал-губернатор. 1859–1891 5

Алексей Черепанов
Московские строения, к украшению города служащие.
1859–1891 12

Татьяна Лиманова
Москва Выставочная 19

Просвещение

Наталья Якубова
Во славу Москвы и Отечества 25

Зарубежный опыт

Олег Фочкин
Леонид Кондрашев: «Мы хотим, чтобы реставраторы
получили свою выставочную площадку» 32

Задачи

Филипп Смирнов
City of Moscow gas company. Unlimited. 35

Практика

Ксения Егорова
Место «нашего всего» и его окружение 42

Я шагаю по Москве

Кирилл Унжа
Мясницкая. От конца к началу,
дополняя путеводители 49

А propos

Алексей Сазиков
«Строгановка»: штрихи к портрету 62

Реставрация

Алексей Дедушкин
Музей прикладных знаний 67

Новости

Татьяна Дроздова
Новости Департамента культурного наследия
города Москвы. 76

Имена

Алексей Зарубин
Князь удельный: Владимир Долгоруков 79

Горожане

Николай Викулов
Дела московские в конкретном приближении 85

Персона

Михаил Коробко
«Сименс энд Гальске». Пионеры московского
освещения 99

Окраина

Вадим Разумов
Сфера влияния одной подмосковной усадьбы 107

Станислав Величко
Савва и Москва 115

Детали

Тимофей Смирнов
Красота и польза. Грядет ли джентрификация? 118

Отражения

Олег Фочкин
Рецензии 126

«Москва нужна России; для Петербурга нужна Россия» – эта фраза Гоголя стала необычайно актуальной в пореформенный период. В 1860-х годах статус столицы остался прежним – «молодой щёголь» Петербург был всё так же до подбородка затянут в форменный мундир, Первопрестольная из добросердечной, милой, хотя и «застойной», «старушки-Москвы» превратилась в главный экономический центр страны.

Из «Третьего Рима» в «Москву купеческую»

в «Письмах о Москве», что дворянская Москва сейчас «составляет только одну пятую “первопрестольной столицы”. Рядом, бок о бок с ней и, так сказать, под ней развилось другое царство – экономическое. И в этом смысле Москва – первенствующий центр России, да и не для одной России имеет огромное значение».

В Москве было проще завести дело, легче найти партнеров, дешевле снять недвижимость и выстроить производство, чем в других городах. В этом была важнейшая заслуга генерал-губернаторов, которые создали условия для расцвета купечества и бережно провели Москву через эпоху перемен – реформы Царя-освободителя и реакцию Царя-миротворца.

Тот же Боборыкин восторгался новой Москвой: «Это – громадный мир, приёмник многомиллионной производительности, проявивший собой все яркие свойства великорусского ума, смётки, мышечной и нервной энергии... Он-то впоследствии и выльется в особого рода столицу всероссийской промышленности и торговли, как Нью-Йорк стал по этой части столицей Американских Штатов».

Новой купеческой прослойке нужны были новые развлечения, а так как предприниматели обладали средствами, они сами заказывали «музыку». Купцы и коллекционеры Мамонтов, Морозов, Щукин жертвовали на изобразительное искусство, театр, музыку, грандиозные промышленные выставки.

Однако не только экономика изменила город. Москва стала центром национальной культуры. «Патриотическое одушевление в начале XIX века закрепило за Москвой значение общерусского культурного центра... – писала в книге “Москва на рубеже столетий” историк Евгения Кириченко, – авторитет Москвы – символа России – образует своего рода почву, на которой вызревают философия и художественное творчество Любомудров, а затем и славянофилов, поглощенных разрешением проблем народности и национальности в общефилософском плане, одушевленных желанием понять существо психического склада русского народа. В этом смысле Москва становится в XIX – начале XX века оплотом идеи народности в той же мере, в какой Петербург был в XVIII веке олицетворением идей государственной гражданственности».

Эти идеи воплотились и в архитектурном облике города. В псевдорусском стиле, который был манифестом идеи народности, выстроено множество зданий – Исторический и Политехнический музеи, театр «Парадиз» и театр Корша...

Обо всех этих переменах, изменениях самосознания и окружения москвича можно прочитать при изучении истории Москвы последней трети XIX столетия... Хотя, как обычно, пространства журнальных страниц очень мало...

Автор: **Филипп Смирнов**, главный редактор журнала «Московское Наследие»

«Москва нужна России; для Петербурга нужна Россия» – эта фраза Гоголя стала необычайно актуальной в пореформенный период. В 1860-х годах статус столицы остался прежним – «молодой щёголь» Петербург был всё так же до подбородка затянут в форменный мундир, Первопрестольная из добросердечной, милой, хотя и «застойной», «старушки-Москвы» превратилась в главный экономический центр страны. Писатель, журналист, критик Пётр Боборыкин говорил о том, что древняя столица стала купеческой, а не барской. В 1881 году он размышлял

Генерал-губернатор. 1859–1891

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ

Строганов Сергей Григорьевич граф, генерал от кавалерии, московский военный генерал-губернатор с 17 апреля по 8 сентября 1859 года

Восемнадцатилетним юношей Сергей Строганов воевал в Отечественной войне 1812 года, отличился в Бородинском сражении, затем участвовал в Заграничном походе русской армии. Однако граф Строганов известен не своими военными подвигами. Потомки знают его как покровителя искусств, коллекционера, археолога, мецената и основателя знаменитой Строгановки – Художественно-про-

мышленной академии имени Строганова. Современники же считали «одним из наиболее видных деятелей русского просвещения».

В 1826 году Строганов был назначен членом «Комитета устройства учебных заведений». Реакционный «Комитет 14 мая» создавался после восстания декабристов с целью «обсуждения мер, необходимых для введения единства и единообразия, на коих должно быть основано как воспитание, так и учение». Аналогии с современностью прямые: обсуждались, например, вопросы единообразия в воспитании юношества и «обязанности учителей от побуждений веры» – председатель комитета князь Ливен предлагал внести таковые во

Автор: **Алексей Черепанов**

Новый корпус Московского университета на Моховой улице возводил Е.Д. Тюрин в 1833–1835 годах. Фото 1884 года. Из архива Музея архитектуры

Портрет графа Сергея Григорьевича Строганова. К.Е. Маковский. 1882 год. Фрагмент. Государственный Русский музей

«введение» к новому дидактическому руководству для учителей. Строганов был категорически против: «введение» напоминало «собой язык того времени, когда под покровом религии скрывалось гонение на просвещение и науки».

Комитет создал новые уставы средних и низших училищ, а также уни-

верситетский устав, который уничтожил автономию университетов, отдавая всю власть в руки попечителей учебных округов. Отныне жизнь высших учебных заведений практически полностью зависела от попечителей, и Московскому университету повезло больше других, потому что в 1835 году на должность попечителя

в Москве был назначен граф Сергей Григорьевич Строганов. Следующие двенадцать лет в истории Московского учебного округа и старейшего университета называли «строгановской эпохой» — синонимом «золотого» времени, а самого графа — «идеальным попечителем».

Строганов привлек к работе лучших профессоров, открыл славянскую кафедру, помогал нуждающимся студентам. Попечитель восставал против планов министерства по ограничению доступа в университеты «лицам низших сословий» и обращал внимание на ненормальные цензурные условия: кроме общей цензуры Министерства народного просвещения право цензурировать книги было еще у четырех министров (двора, финансов, военного и внутренних дел), нескольких ведомств и даже отдельных учреждений. В 1845 году Строганов докладывал начальству: «Писатели наши до крайности стесняются в издании своих сочинений; тем самым нередко благонамеренные и полезные для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными, или выходят в свет совершенно не своевременно».

Обладая колоссальным состоянием (в 1861 году при освобождении крестьян у него было 95 тысяч душ, и 2,5 миллиона рублей из выкупных 7,75 миллионов он уступил крестьянам), Строганов много жертвовал на благотворительность, а также проводил начинания, составившие славу России. В 1825 году он на собственные средства учредил в Москве «Школу рисования в отношении к искусствам и ремеслам», будущую Строгановку, — первую в стране рисовальную школу, куда принимались на бесплатной основе талантливые дети, независимо от их сословного происхождения.

Тридцать семь лет Строганов был председателем Московского общества истории и древностей Россий-

ских, основал Археологическую комиссию и даже помещение для нее отвел в своем доме. Ежегодно граф снаряжал, в том числе и на собственные деньги, археологические экспедиции на юг России, благодаря которым Эрмитаж обладает сейчас коллекциями керченского и скифского золота.

В 1859 году граф был назначен московским военным генерал-губернатором, но прослужил на этой должности всего пять месяцев. Строганов был приглашен ко двору в качестве воспитателя наследника престола Николая Александровича, что можно расценивать как повышение, ведь его предшественниками были Симеон Полоцкий и Василий Жуковский.

Даже Александр Герцен, вообще негативно относящийся к верхушке российского общества, в дневниках отзывался о Строганове довольно лестно: «Один из самых лучших магнатов, граф Строганов, исполненный личного благородства и пр., со всем тем впадает иногда в страшные нелепости, желая à propos de bottes (ни с того ни с сего) — вдруг представить из себя лорда тори и забывая, что полчаса перед тем он посмеялся над английским туризмом и излагал вещи человеческие без всяких предрассудков касты».

КРИСТАЛЬНО ЧЕСТНЫЙ ГУБЕРНАТОР

Тучков Павел Алексеевич генерал от инфантерии, московский военный генерал-губернатор в 1859–1864 годах

«Идя стезёю правды, встречая преграды со стороны любимцев слепого счастья, отражая клевету и злобу, труден был путь Тучковых, и если воздаяние заслуг не всем из них было уделом, то взамен некоторым предназначена награда свыше: умереть во славу своего отчества», — писал в своих «Записках...» Павел Алексеевич Тучков — племянник и полный тезка героя Отечественной войны. К счастью, родина не потребовала жизнь будущего московского генерал-губернатора, а любовь москвичей стала ему наградой.

Уже в четырнадцать лет — в 1817 году — он оставил родительский дом

Павел Алексеевич Тучков. Неизвестный художник. «Альбом пятидесятилетнего юбилея Московского общества любителей конского бега». 1884 год. Российская государственная библиотека

и начал службу. Как и все Тучковы, Павел Алексеевич начал строить военную карьеру. В 1823 году он получил чин поручика, в 1825-м — штабс-капитана, участвовал в боях с турками в 1828 году, с поляками в 1831-м. Тучков был совсем небогат. «Долги обременяли семью, — писал он. — Сначала будучи в самом большом довольстве и даже в роскоши для молодого человека, я должен был умерять до того мои расходы, что были годы, когда я ограничивался одним жалованьем по службе».

В 1840 году Тучков вышел в отставку в чине генерал-майора, но через четыре года по приказу императора стал директором Военно-топографического депо Генерального штаба, а в 1854 году во время Крымской войны был назначен начальником штаба одной из армий.

Однако венцом карьеры Тучкова стала служба вполне мирная —

в 1859 году Александр II назначил его московским военным генерал-губернатором, и Павел Алексеевич стал «главным двигателем введения в Москве общественного управления». В 1863 году на смену шестигласной думе, в которой заседало семь человек: городской голова и гласные от каждого из шести разрядов населения (домовладельцы, купцы, ремесленники, иногородние, именитые граждане, посадские люди), — пришла Всесословная городская дума. Она состояла из 175 гласных — по 35 от каждой из пяти сословных групп (потомственные дворяне; личные дворяне, почетные граждане и разночинцы; купцы; мещане; цеховые ремесленники). Несмотря на то что в думских выборах могли участвовать всего три процента жителей Москвы, а большинство думцев составляли дворяне, создание Всесословной думы было

Школа рисования была открыта на Мясницкой улице в сохранившемся до наших дней доме 13, стр. 4. Фото 1882 года

Ул. Воздвиженка, 8, дом графа С.Д. Шереметева. Фото П. Павлова, 1910–1914 годы

большим шагом вперед в решении вопросов местного благоустройства и городского хозяйства. Кстати, любопытствующая публика могла посетить заседания Думы, которые проходили в особняке графа Шереметева на Воздвиженке, по билетам, а когда новая Дума переставала быть гвоздем сезона — совершенно свободно.

Генерал-губернатор ужесточил наказание нанимателям, которые неисправно выдавали заработную плату рабочим, учредил комиссию для обследования положения малолетних учеников в ремесленных мастерских. По настоянию градоначальника был открыт Городской статистический комитет, учрежден адресный стол, где можно было узнать местожительство любого москвича. При Павле Алексеевиче Тучкове произошло переустройство бульваров Первопрестольной, начал работу телеграф, были открыты Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых и Московский зоопарк.

Недоброжелатели вспоминали только один эпизод, который бросал тень на биографию генерал-губернатора. В октябре 1861 года в Москве студенческие волнения вылились в столкновения с полицией около гостиницы «Дрезден» на Тверской улице. Студенты послали к градоначальнику парламентариев, которых арестовали прямо в генерал-губернаторском доме. «Началась ужасная травля по всем улицам города... Конные жандармы на полном скаку нагоняли студентов, хватили их за шиворот или за волосы и, продолжая скакать, во-

лчили за собою», — описывал Сытин «Битву под “Дрезденом”».

Тучков был невероятно застенчивым человеком, даже благодеяния делал инкогнито. Однажды пришел к губернатору отставной офицер просить прибавки к пенсии. По закону ничего сделать было невозможно, поэтому Павел Алексеевич тайком вложил «катеньку» (сторублевую ассигнацию) в прошение и вернул его с виноватым отказом. Только дома проситель обнаружил подарок. Причем такие благодеяния генерал-губернатор делал, находясь в довольно стесненных средствах. Император Александр II очень удивился, когда узнал, что Тучков не имеет собственной дачи и на лето снимает ее у более богатых горожан в Петровском парке.

Когда кристально честный генерал-губернатор скончался, москвичам пришлось открыть «подписку на расходы по погребению», дабы похоронить Тучкова со всеми почестями. На похоронах священник Алексей Ключарёв говорил: «Власть не проникала в его душу, не приросла в ней и потому не воздымала и не надмевала ее».

ПИИТ

Офросимов Михаил Александрович генерал от инфантерии, московский военный генерал-губернатор в 1864–1865 годах

Пятьдесят лет Михаил Александрович Офросимов был на военной службе. В 1814 году начал подпра-

порщиком и в 1856 дослужился до генерала от инфантерии. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828 года, Венгерском походе 1849-го, Крымской войне... Удивительно, но этот бравый пехотинец улетал порой в поэтические эмпиреи, взгромоздясь на крылатого коня Пегаса:

*«Уединенная сосна,
Товарищ дикий и печальный!
Как грусть души моей сходна
С твоею тенью погребальной!
Тебе судил жестокий рок
Не осенять поток прозрачный...
Как ты мрачна — так мысли мрачны!
Я в мире так же одинок».*

Это, конечно же, эпигонство, и подобные стихи вряд ли когда-нибудь войдут в онтологию русской поэзии XIX века, но ведь и Лермонтов с его «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...» был позже. Здесь важны порыв души будущего градоначальника, склонность характера... Кстати, комедия Офросимова «Мальтийский кавалер» — переложение пьесы Эжена Скриба «Simple histoire» — пользовалась пусть не оглушительной, но популярностью.

В 1864 году Михаил Александрович Офросимов был назначен московским генерал-губернатором. Однако в этой должности прослужил всего лишь полтора года. При нём открылся Художественно-промышленный музей, прошли Всероссийская выставка произведений сельского хозяйства и Мануфактурная выставка. Офросимов попытался улучшить водоснабжение Москвы, запретить строительство деревянных бань, оснастить Первопрестольную «текучим газом», но в 1865 году был отставлен от должности и переехал в Петербург, где оставался членом Государственного совета.

Столь скорую отставку связывают с конституционным рвением московских дворян, которое генерал-губернатор не пресек. Московское дворянское собрание направило на имя императора всеподданнейший

Генерал Михаил Александрович Офросимов. Неизвестный художник. «Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями в войне 1853–1856 годов». 1858–1861 годы

адрес с призывом созвать собрание «выборных людей земли русской для обсуждения нужд общих всему государству». Министр внутренних дел Пётр Валуев решил прикрыть дворянскую вольницу, но московский военный генерал-губернатор его не поддержал, действовать против своих не стал и ушел в отставку.

КНЯЗЮШКА

Долгоруков Владимир Андреевич Князь, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах

«Явление довольно редкое, чтобы кто-либо прослужил двадцать пять

лет в одном и том же месте и на одном поприще, а чтобы кто-либо прослужил четверть века на таком высоком посту, какой занимаете вы, явление исключительное и едва ли не беспрецедентное», — говорил митрополит Московский Иоанникий на праздновании четвертьвекового юбилея губернаторства князя Долгорукова. Он управлял Москвой дольше всех других градоначальников, был единственным генерал-губернатором, удостоенным чести стать почетным гражданином Москвы, и еще при жизни, во время пребывания на ответственном посту, получил в подарок улицу имени себя: в 1877 году Новослободскую переименовали в Долгоруковскую.

Москва князя Долгорукова — это целая эпоха. Недаром Борис Акунин сделал Эраста Петровича Фандорина чиновником особых поручений именно при Долгорукове. Другие московские генерал-губернаторы были фигурами не настолько крупными, чтобы Акунин с их помощью смог решить свои литературные задачи, или же не обладали такими душевными качествами, чтобы благородный муж Фандорин, самурай без пылинки на мундире и пятна на совести, мог у них служить.

Долгорукова величали «хозяином», «князюшкой», говорили, что Москвой он правит «по-отечески»: мягко, но твердо. По выражению публициста конца XIX века Власа Дорошевича, «и щелкнуть, но и обласкать умеет!» Александр Васюкин в книге «Московские градоначальники» привел случай с ресторатором Лопашовым, который заартачился скидываться на очередную благотворительную лотерею: «Надоело платить! Сколько можно!» Долгоруков, прознавший об этом, вызвал Лопашова на прием к девяти часам вечера. Толстосум не прийти не мог и на всякий случай захватил с собой несколько тысяч рублей. Несколькими часами генерал-губернатор

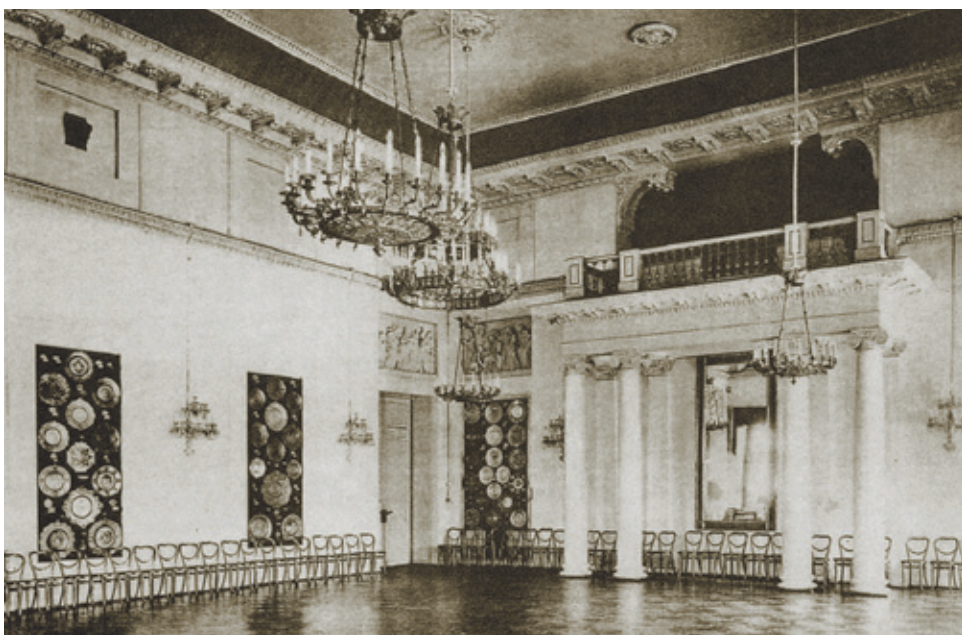
Усадьба Арцыбашевых Пушино на Оке. В начале XIX века имение перешло к Офросимовым. Фото В. Разумова, 1910 год

Портрет московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова в мундире лейб-гвардии Конного полка. В.О. Шервуд. 1882 год

«мариновал» ресторатора. У того уже под ложечкой засосало, спать захотел. Любые бы деньги отдал, лишь бы домой отпустили! Только в два часа ночи двери начальственного кабинета распахнулись. «Заходит рестора-

тор к Долгорукову и сразу с поклоном деньги вынимает: «Примите, Ваше сиятельство! Я не подписался на лотерею потому, что хотел иметь честь передать лично...» А князь — сама любезность — улыбается, благодарит

Белый (Танцевальный) зал генерал-губернаторского особняка. Фото 1890 года

и руку жмет: «От всей души вас благодарю! От всей души! Я так и был уверен, что тут недоразумение. Я всегда знал, что вы человек добрый и отзывчивый! А теперь... Не доставите ли мне удовольствие со мной откушать? Мы, старики, не спим по ночам. Ужинаю поздно. Милости прошу. Чем Бог послал!»»

Возможно, именно благодаря такому патриархальному стилю управления Москва относительно безболезненно пережила эпоху реформ Александра II. В 1865 году открылось Московское губернское земское собрание, которое стало примером для всей России. В 1870 году был принят городской устав и существенно расширены функции Городской думы. Долгоруков был убежденным сторонником реформ Царя-освободителя, но по-семейному ладил со всеми: с либералами и консерваторами, с западниками и славянофилами, с дворянами и даже сомнительной честности купцами. Этому способствовали роскошные балы, которые Долгоруков закатывал в генерал-губернаторском доме, с морем шампанского, оркестром «московского Штрауса» Рябова и живыми цветами из Ниццы.

При Долгорукове население Москвы увеличилось втрое, открылось множество новых больниц, центр города застроили новыми доходными домами, появились конка, телефон, электрическое освещение, проводились грандиозные промышленные выставки. После строительства Московско-Смоленской дороги и открытия Смоленского (ныне — Белорусского) вокзала Первопрестольная превратилась в крупнейший железнодорожный узел, что способствовало развитию промышленности и торговли. При непосредственном участии Долгорукова была завершена стройка века — храм Христа Спасителя. Историк Церкви Николай Розанов писал, что Долгорукова все называли добрым правителем, но «при том указывали и на то, что он любил у богатых

купцов занимать деньги без отдачи, делая и, впрочем, желательные для них компенсации». Говорили и о «благодарностях» — деньгах, которые князь получал от богатых московских евреев за то, что давал их родственникам и знакомым вид на жительство в Москве. Возможно, это повлияло на его отставку в 1891 году, потому что в те годы правительство и двор были настроены к евреям крайне враждебно. Долгоруковскую Москву многие исследователи называют «золотым веком» Первопрестольной. В 1890 году заместитель председателя Исторического музея выдающийся историк Игорь Забелин преподнес Долгорукову поздравительный адрес: «Минувшее двадцатипятилетие в истории Москвы составит замечательную, славную эпоху в устройстве древнего Царского и Царствующего города... Древняя столица совсем изменила свой облик и приобрела не только внешнюю, так сказать, строительную красоту, но и новое, лучшее устройство внутренней жизни».

И.О.

Костанда Апостол Спиридонович генерал от артиллерии, командующий войсками Московского военного округа в 1888–1896 годах, исправляющий должность московского генерал-губернатора с 28 февраля по 5 мая 1891 года

Апостол Спиридонович Костанда был исполняющим обязанности московского генерал-губернатора всего два месяца. Грек по происхождению, повоевавший на Крымской войне и в Польской кампании, к тому времени он уже три года командовал войсками Московского военного округа и после своего стремительного градоначальства вернулся к основной должности.

За два губернаторских месяца Костанда издал несколько приказов, предусматривавших наказания: для ночных сторожей и дворников — за

Вид празднично украшенного и иллюминированного к торжествам коронации дома московского генерал-губернатора. Фото 1896 года

Генерал А.С. Костанда. «Альбом двадцатипятилетия Тверского кавалерийского юнкерского училища». 1890 год

нарушение правил уличного дежурства; извозчиков и кучеров — за неосторожную езду по улицам; владельцев торгово-промышленных заведений — за несвоевременную выдачу рабочим и служащим расчетных книжек. Однако главным его делом на посту генерал-губернатора были подготовка к прибытию и торжественная встреча Великого князя Сергея Александровича — будущего московского градоначальника.

Как сказано в Военной энциклопедии Сытина, «Костанда был очень малого роста, очень красив в молодости, отличался мягким и тихим, отчасти искательным, характером и набожностью, был очень любим при Дворе, находился очень часто под сильным влиянием окружающих». Идеальный кандидат для того, чтобы, как сказали бы сейчас, «погреть кресло» перед приездом настоящего начальника.

МН

Московские строения, к украшению города служащие. 1859–1891

Составитель: **Алексей Черепанов**

Смоленский вокзал (Белорусский вокзал). Площадь Тверской заставы, д. 7. Архитекторы – неизв., Иван Струков. 1870, 1912 годы

«Станция представляет собой довольно красивое здание. С открытием движения по Смоленской дороге вся местность, прилегающая к Тверской заставе и четырем Ямским улицам, сильно оживится: уже теперь цены на дома и пустопорожние земли здесь возвысились довольно значительно», — писала московская пресса в сентябре 1870 года. Смоленским вокзал был всего лишь год. Когда линию довели до Бреста, его переименовали в Брестский.

Город потратил на отчуждение частных участков и снос построек всего пятьдесят тысяч рублей: большая часть земель, выделенных для вокзала и подъездных путей, была заброшена. Единственными пострадавшими оказались коннозаводчики. Пути проходили через ипподром, но московский генерал-губернатор князь Долгоруков, хоть сам и являлся президентом Императорского московского скакового общества, просьбу коннозаводчиков «линию означенной дороги отклонить от ипподромов» не удовлетворил. Ответственным за строительство Смоленского вокзала назначили Михаила Немчинова — действительного статского советника и вла-

дельца крупного кирпичного завода. Возможно, поэтому здание вокзала было выстроено в так называемом кирпичном стиле. Строительство вокзала на площади Тверской заставы и самой протяженной железнодорожной линии в стране (1100 километров от Москвы до Бреста)

Музей прикладных знаний (Политехнический музей). Новая площадь, д. 3/4. Архитекторы – Ипполит Монигетти, Николай Шохин, Георгий Макаев. 1877, 1883, 1907 годы

Музей прикладных знаний был создан на основе Политехнической выставки 1872 года. В Московской думе, где выбиралось место для строительства, говорили, что естественнонаучный музей должен стать памятником веку, украшением Москвы, это должно быть многоэтажное здание, которое могло бы постоянно расти. Так в итоге и вышло, музей рос три десятка лет. В 1877-м выстроили центральный корпус, в 1883-м — южное крыло, а спустя тридцать три года после начала строительства завершили работы по возведению левого северного крыла со знаменитой Большой аудиторией — памятником архитектуры с великолепной акустикой, где в начале XX века выступали Маяковский, Блок, Хлебников, Ахматова, Пастернак...

Здание Политеха стало действительно памятником времени, ведь при сохранившемся общем композиционном решении, предложенном Монигетти, за тридцать лет строительства возникли стилистические изменения

Императорский российский исторический музей (Государственный исторический музей). Красная площадь, д. 1. Архитекторы – Владимир Шервуд, Анатолий Семёнов. 1883 год

Исторический музей — другой материальный результат Всероссийской политехнической выставки 1872 года, которая была посвящена 200-летию со дня рождения Петра I. Изделия

знаменовало новый статус Москвы как всероссийского промышленного центра.

Уже через двадцать лет пассажиропоток настолько увеличился, что Брестский вокзал не вмещал пассажиров даже одного поезда. К реконструкции приступили только

в исполнении корпусов. В южной части здания, выполненной вроде бы в том же русском стиле, что и центральный корпус, появились новые черты: элементы фасада как бы «растянуты», сокращены декоративные элементы, смещен уровень этажей. Северная часть музея стала ярким образцом стиля модерн в национальном исполнении.

Кстати, еще при первоначальном планировании музея возник спор о фасаде. Комиссия выбрала проект приверженца «кирпичного стиля» Иеронима Китнера под девизом «Не богато ли?». Однако почетный председатель музея великий князь Константин Николаевич, одобрив в целом художественные достоинства работы, забра-

и предметы искусства конца XVII — начала XVIII веков, портреты сподвижников Петра во главе с самим царем-реформатором и другие экспонаты стали ядром собрания Исторического музея.

Главную идею музея сформулировали так: «служить наглядной историей главных эпох русского государства», — а потому и здание должно было стать русской историей в архитектуре. Художник Владимир Шервуд и инженер Анатолий Семёнов

в 1907 году. Автор проекта — Иван Струков — сохранил фасад старого вокзала, его лепнину и орнамент. Он спроектировал здание из двух корпусов, сходящихся под тупым углом. Эта — одноэтажная тогда — часть предназначалась под царские покои и называлась «Царский угол».

ковал фасад. Он высказал мнение, что для такого здания в центре Москвы больше подошел бы фасад не во французском, а в русском стиле, и предложил услуги придворного архитектора Ипполита Монигетти как хорошо знакомого с русским зодчеством.

В 1895 году в книге «Спутник зодчего по Москве» было опубликовано: «Можно надеяться, что возрождение русского зодчества, начатое Москвою, будет продолжаться и постепенно прогрессировать; первыми из общественных зданий, построенных в русском стиле, являются Политехнический и Исторический музеи, позднее — театры Корша и «Парадиз», Городская дума, Верхние и Средние городские торговые ряды».

подготовили проект под громким девизом «Отечество». Для оформления фасадов они использовали мотивы и декоративные элементы собора Василия Блаженного, деревянного дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском и других памятников древнерусского зодчества XVI—XVII веков. Здание Исторического музея в псевдорусском стиле должно было «уравновесить» Покровский собор и органично войти в ансамбль Красной площади.

Внутренние помещения Шервуд предложил оформить живописными панно и скульптурными композици-

ями на исторические темы. Правда, собственно экспонатам художник отводил второстепенную роль по срав-

нению с архитектурой и интерьером, за что и получил решительную отповедь от археолога и будущего директора музея Алексея Уварова: «Здание Русского исторического музея должно служить вместилищем тех памятников, в которых выразился весь быт русского народа... Украшенные и расписанные стены музея без памятников будут как труп без души».

Шервуда от строительства отстранили, проектирование музея заканчивал Анатолий Семёнов. Однако знаменитые русские живописцы: Васнецов, Семирадский, Айвазовский, Серов, Коровин, Репин – всё же участвовали в отделке залов. Сейчас полотна русских художников служат прекрасным обрамлением к уникальным экспонатам Исторического музея.

**Памятник героям Плевны.
Ильинский сквер.
Архитектор – Владимир Шервуд.
1888 год**

Изначально «Часовню-памятник гренадерам – героям Плевны» планировали установить на кургане Копаная могила под Плевеном, где 10 декабря 1877 года русские гренадеры и румынские солдаты остановили турок, рвущихся из осажденного города. Военный священник Вахх Гурьев так описывал эту жатву смерти: «Взобравшись на самую вершину Копаной Могилы, я оглянул кругом страшную картину поля битвы и положительно на несколько минут оцепенел от ужаса... Это неопишимо никакими человеческими словами. Точно сжатое поле, покрытое густо разбросанными снопами... Косцы и жницы не успели снести их и сложить в копны, а только местами свалили в кучи... такая куча, целый длинный вал наваленных трупов в ужаснейших положениях виднелся как раз в том месте около артиллерийских землянок, где мы еще так недавно, 8 ноября, так весело и шумно пировали на батарейном празднике». Владимир Шервуд спроектировал памятник погибшим героям двадцатиметровым, ведь если «людные пункты и дороги отстоят от места сооружения на значительное расстояние, то необходимо придать памятнику при-

личную высоту». Однако сметная стоимость часовни составила 70 тысяч рублей, что было значительно больше суммы, собранной Гренадерским корпусом и по частной подписке. В итоге Шервуду пришлось уменьшить размеры памятника и заменить дорогие скульптурные группы на более дешевые горельефы, сохранив «при этом характер и мысль первого проекта». На горельефах «разъяренный башибузук режет болгарскую семью; согбенный старик, русский крестьянин, благословляет солдата... на подвиг христианской любви; мужественная фигура гренадера останавливает бегущего турка; умирающий гренадер срывает с болгарской женщины цепи рабства».

Владимир Шервуд нашел исполнителей среди московских заводчиков и фабрикантов, и даже было получено согласие о бесплатной перевозке памятника из Москвы в Болгарию... Однако «из-за изменения политической обстановки» часовню решили установить в Первопрестольной, что москвичи восприняли с большим воодушевлением, ведь Гренадерский корпус был расквартирован в Москве. В день десятилетия битвы под Плевной памятник гренадерам-героям торжественно открыли. Внутри часовни помещались семь бронзовых плит с именами погибших – 18 офицеров и 542 солдата. У памятника стояли 4 чугунные тумбы с надписями: «В пользу увечных гренадер и их

семейств», а на тумбах – кружки для сбора денег. Удивительно, как под воздействием времени изменялось место: в конце

**Типография А.И. Мамонтова
(Офисное здание).
Леонтьевский переулок, д. 5.
Архитектор – Виктор Гартман. 1872 год**

В 1871 году Анатолий Мамонтов – книгоиздатель и брат промышленника Саввы Мамонтова – приобрел в Леонтьевском переулке белокаменные палаты стольника Автонома Головина. Архитектор и, говоря современным языком, дизайнер Виктор Гартман перестроил их фасады в псевдорусском стиле, взяв за основу народные вышивки. Причем Гартман не делал предварительных эскизов и чертежей, сам влезал на леса и собственноручно выкладывал украшения фасада.

В одном из зданий Анатолий Мамонтов открыл книжный магазин «Детское воспитание», в другом – типографию со станками и печатными машинами, в которой впервые появились детские книжки с рисунками Серова, Поленова, Васнецова, Малютина... Кстати, именно Малютин расписал «Матрёну» – первую русскую «полу-многокомпонентную» фигурку в виде крестьянской девочки в платке и переднике», которую выточил в мастерской магазина «Детское воспитание» токарь В.П. Звёздочкин. В 1900 году жена издателя

**Баня-теремок (Баня-теремок в музее-заповеднике «Абрамцево»)
Московская область, село
Абрамцево.
Архитектор – Иван Ропет. 1878 год**

Баню в псевдорусском стиле Иван Ропет спроектировал по заказу промышленника, мецената и владельца усадьбы Абрамцево Саввы Мамонтова. Как писала Наталья Васильевна Поленова – жена художника, – «в этой постройке, кроме выдающейся талантливости строителя, архитектора Ропета, сказались уже и большое изучение древних образцов русской народной архитектуры,

XIX века это был памятник русскому оружию, в середине XX – ретирода, в лихих девяностых Плешка была местом встречи лиц нетрадиционной

сексуальной ориентации, в 2016 году стала полигоном виртуальной охоты: игроки в Pokemon Go полюбили лодку около памятника покемонов.

Мария Александровна Мамонтова на Всемирной выставке в Париже представила ее как куклу Матрёшку и получила бронзовую медаль и заказ на партию игрушек. Типография Мамонтова – единственное дошедшее до наших дней здание архитектора Гартмана. Многие его проекты не сохранились, не были реализованы или вообще создавались временными. Так, для Политехнической выставки 1872 года в Москве Гартман выстроил грандиозный военный отдел. Кстати, из-за подготовки к Политехнической вы-

ставке Гартман переселился в Москву, где и остался. Крамской писал о нём: «Гартман был человек незаурядный... Когда нужно построить обыкновенные вещи, Гартман плох, ему нужны постройки сказочные, волшебные замки, ему подавай дворцы, сооружения, для которых нет и не могло быть образцов, тут он создает изумительные вещи». После посмертной выставки Гартмана в 1874 году Мусоргский написал цикл «Картинки с выставки» с подзаголовком «Воспоминания о Викторе Гартмане».

и более чуткое проникновение в суть русского народного духа».

Действительно, это была настоящая баня с традиционным делением на три части: «жаркая», «мыльная» и «раздевальная», — как их обозначил архитектор. Баней пользовались и гости Абрамцева, возможно, Репин, Васнецов, Врубель... Так и представляется Шаляпин, заходящий в «мыльную» и напевающий густым басом знаменитый опус Мусоргского: «Блоха! Ха-ха!»

Иван Ропет декорировал фасады и кровлю бани под старинный рус-

ский теремок. Правда, не всё, что задумал архитектор, было воплощено. Савва Мамонтов вычеркнул из эскиза элементы, которые, по его мнению, перегружали будущее строение. А их, скорее всего, было много. К примеру, эскиз ропетовского павильона Русского отдела на Всемирной выставке в Париже — это тоже теремок, но там такое обилие декоративных элементов, что павильон впрямую называть узорочьем в дереве.

Сейчас баня-теремок воспринимается как квинтэссенция псевдорусского стиля и одновременно паро-

дия на него. Декор и конструкция позаимствованы из древнерусской архитектуры, материал исконно российский — дерево, да и назначение здания самое что ни на есть русское — баня. По отдельности всё это национальное, всё исконно-посконное, а вместе — псевдорусский кич! Функция входит в противоречие со стилем. Ведь псевдорусский стиль — это манифест. Это декларация национальной гордости великороссов! Но если возводить в неорусском духе не дворцы и музеи, а бани и сортиры, то получается пародия.

Театр «Парадиз»
(Театр имени В.В. Маяковского).
Большая Никитская улица, д. 19/13.
Архитекторы — Константин Терский,
Фёдор Шехтель. 1885 год

«Москва не может не любить Георга Парадиза. Здесь этот предпринимчивый негг директор скромно начал свою антрепренерскую карьеру, в покойной солодовниковской театральной щели. Благодаря Москве он достиг «степеней известных» и стал обладателем целого театрального замка на Никитской», — писал Влас Дорошевич. «Солодовниковской щелью» журналист называл Пассаж Солодовникова на Кузнецком мосту, где во втором этаже был устроен театр с ложей генерал-губернатора. Там русский антрепренер немецкого происхождения собрал превосходную труппу и в первый же сезон заработал 70 тысяч рублей!

В 1885 году Георг Парадиз замахнулся на собственный театр! По его заказу архитектор Константин Тер-

ский перестроил здание XVIII века на Большой Никитской, которое принадлежало роду Стрешневых. Лицевой фасад здания в псевдорусском стиле с прихотливыми металлическими кружевами и башенками — одна из первых работ начинающего архитектора Фёдора Шехтеля, которого тогда еще называли Франц-Альберт.

Однако после открытия нового театра дела у Георга Парадиза пошли ни шатко ни валко, начались финансовые проблемы, и в 1892 году он объявил себя банкротом. В 1893 году театральный предприниматель Яков Шукин арендовал театр «Парадиз» (в середине 1880-х годов, еще будучи ресторатором, Шукин открыл в театре буфет), организовал спектакли Русской оперетты и гастроли зарубежных театральных деятелей: Людвиг Барная, Габриеля Режана, Эрнесто Росси, Сары Бернар... 1 мая 1899 года здесь показали «Чайку» Станиславского и Немировича-Данченко для одного зрителя. Антон Павлович Чехов не смог быть на пре-

мьеру Московского художественно-общедоступного театра, и спектакль повторили для него одного.

В 1922 году здание передали Театру Революции, который после множества переименований называется Театром имени Владимира Маяковского.

Русский драматический театр Корша
(Государственный театр наций).
Петровский переулок, д. 3.
Архитектор — Михаил Чичагов.
1885 год

Строительство здания «Пушкинско-го» театра Корша было делом благотворительным. Предприниматели и меценаты братья Бахрушины решили помочь труппе первого частного театра в России, которая появилась с отменой монополии Императорских

театров в 1882 году. Бахрушины выделили участок в Богословском переулке и пожертвовали пятьдесят тысяч рублей на строительство. Михаил Чичагов, которого называли «театральным архитектором» и «общим другом артистов», спроектировал здание в псевдорусском стиле с наличниками, нишами-ширинками, поясками. Центральная часть здания была украшена изразцовыми панно. Высокая кровля с башенками, «бочками» и щипцами создавала образ сказочного терема.

Театр Корша был оборудован по последнему слову техники. Зрительный зал, гримерки и фойе освещались электричеством, тогда как в Большом и Малом театрах еще дышали газом. Премьера комедии «Вечный праздник» стала настоящей сенсацией, причем восторг публики и газетчиков вызвали не художественные достоинства пьесы или игра актеров, а декорация второго акта. Сцена представляла собой разрез вагона курортного поезда, мчащегося в Кисловодск. Под

вагоном вращались колёса, а за окнами пролетали телеграфные столбы! «При подходе к станции... колёса за-

Пассаж К.С. Попова (Государственная публичная научно-техническая библиотека — на реконструкции).
Улица Кузнецкий мост, д. 12.
Архитектор — Александр Резанов.
1877 год

Чаеоторговец Константин Попов известен тем, что первым заложил чайные плантации на территории Российской империи — около Батума. Для этого он вывез из Китая чайные кусты и несколько семей китайских рабочих. Первый фунт русского чая он преподнес Николаю II. «Во сколько обошелся вам этот фунт чая?» — спросил император. «В двести тысяч, Ваше Величество», — ответил Попов. Пассаж на Кузнецком мосту для «чайного барона» дистанционно из Петербурга спроектировал ректор Императорской академии художеств Александр Резанов. Сам он не принимал участия в строительстве, возведением здания занимались московские архитекторы Семён Дмитриев и Виктор Коссов. Пятиэтажный Пассаж Попова был вдвое выше окружающей застройки и на долгие годы стал архитектурной доминантой Кузнецкого

моста. Фасад здания был разделен на семь ячеек, богато украшенных лепным орнаментом в духе итальянского ренессанса и барокко. А центральная часть была отделана черным лабрадоритом.

После постройки в здании разместились многочисленные магазины и квартиры, а в июле 1882 года в Пассаже Попова открылась первая в Москве телефонная станция на 800 номеров. Компания Александра

ми. Звуковое оформление довершало иллюзию».

Корш вообще многое делал на потребу публике. В репертуаре преобладали легкие комедии, фарсы с любовной интригой. Появилось даже понятие «коршевская пьеса» — драматургия с штампованными конфликтами и персонажами, где чем больше забавного и смешного, тем лучше. На основе подобной стандартизированной драматургии Корш завел ежепятничные премьеры — каждую неделю в театре представляли новую постановку. Обычно сырую и недоработанную, ведь спектакли репетировались всего три или четыре раза. Однако такой подход до поры привлекал публику, приносил деньги, и Корш наряду с низкопробными фарсами ставил более серьезные постановки Ибсена, Толстого, Чехова... Однако создание в 1898 году Московского художественно-общедоступного театра пошатнуло позиции Театра Корша, публика предпочла Станиславского.

Белла построила на крыше деревянную башню, от которой тянулись провода к абонентам. Изобретатель телефона сам опробовал московскую телефонию: на испытаниях Белл декламировал в трубку монолог Гамлета. Кстати, Попов стал абонентом номер один и платил безумно высокую абонентскую плату — 250 рублей в год. В 1883 году по проекту архитектора Ивана Червенко в здании устроили сквозной проход на Пушечную улицу.

Пассаж превратился в популярную пешеходную зону, где «чайный ба- рон», который был еще и коллекци-

онером, выставлял произведения Айвазовского, Ярошенко и других живописцев. В 1885 году здание укра-

силось первой в Москве световой ре- кламой: из электрических лампочек выложили слово «ПАССАЖЬ».

Особняк Маргариты Морозовой (Банк «Российский кредит»). Смоленский бульвар, д. 26/9. Архитектор – Александр Резанов. 1879 год

Особняк Маргариты Морозовой тоже проектировал Александр Резанов для недавно женившегося частор- говца Константина Попова. На месте снесенной усадьбы генеральши Гла- зовой возник замечательный особняк с изящной полуротондой на фасаде. Здание было решено в стиле неогрек, который отличался от классицизма детальным, чуть ли не археологиче- ским, подходом к воспроизведению греческой античности, очищенной от древнеримской архитектуры и ита- льянского ренессанса.

Константин Попов подарил особ- няк жене, но супруги вскоре разо- шлись, и в 1894 году архитектор Вик- тор Мазырин перестроил здание для других молодоженов, вернувшихся из свадебного путешествия по Евро- пе, – Морозовых. Дом был оснащен собственной электростанцией, кото- рую обслуживал специально нанятый электрик. На приемы и балы съезжа- лось до двухсот гостей, устраивались домашние спектакли, концерты...

В особняке промышленника и кол- лекционера Михаила Морозова стал собираться круг русских художников: Михаил Врубель, Валентин Серов, Константин Коровин были постоян- ными гостями. Веселились с выдум- кой. В мемуарах Коровина «То было давно... там... в России...» описаны похороны мумии, которая хранилась в египетской передней. Однажды в особняк Морозовых пригласили светило европейской медицины, ос- нователя московской клинической школы профессора Захарьина – ос- мотреть захворавших детей купца Кривога. Те на охоте убили рысь, а когда стали снимать шкуру, уви- дели нежнейшее белое мясо. «Задумались – отчего ее не едят? Ерунда, предрассудки, надо съесть. И отдали приготовить в ресторан “Олимпичу”. Так и потравились.

Серьезный эскулап при звезде и с голубой лентой прописал боль- ным постельный режим, устриц и шампанского. А увидев мумию, спросил у хозяина:

– Зачем это у вас в доме покойник? Хозяин испугался: – Как покойник? – А мумия-то. – И приказал ее убрать. Пришлось хоронить. Но как? Египет- ской веры никто не знает... Решили: по русскому обряду, даже иерея на- шли для отпевания... Некто Кольцов, то ли ученый, то ли писатель, то ли революционер “наговорил на похо- ронах мумии о тирании, фараонах, рабах, русских крестьянах, полиции, о полицмейстере, губернаторе и что мумия эта – жертва строя, невыноси- мого и тяжелого произвола. И в конце выковырял у нее сапфировые глаза и взял себе на память...” Эти сапфи- ры долго потом поминались «похо- ронщикам» на полицейском разбира- тельстве. Но обошлось. В 1903 году в возрасте Христа Ми- хаил Морозов скончался, и особняк

достался его вдове Маргарите Ки- рилловне – красавице, владелице трехмиллионного состояния, учре- дительнице Московского религиоз- но-философского общества, хозяйке знаменитого литературно-музыкаль- ного салона и предмету платониче- ской любви поэта Андрея Белого:

*«Вуали – лепетные слёзы;
Браслеты – трепетный восторг;
Во взорах – горный Сведенборг;
Колье – алмазные морозы;
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно-палевые плечи...»*

Особняк является объектом культурно- го наследия федерального значе- ния как «Здание клуба Октябрьской революции, в котором 10 ноября 1918 года Ленин Владимир Ильич выступал на собрании рабочих Ха- мовнического района, посвященном его открытию». Как вопрошал в «Со- бачьем сердце» профессор Преобра- женский: «Кто на ком стоял?» **МНР**

Дом Союзов, знаменитый Дом Союзов, тот самый, что примыкает к Госдуме. Под этим названием все его и знают. Здесь прощались с большинством советских лидеров, провожая их в последний путь, и колонны знаменитого зала помнят гробы, гробы, гробы... начиная с гроба Ленина. Здесь многие из тех, кто читает сейчас эту статью, вспоминают себя детьми и помнят волшебное ощущение праздника Нового года. Ну как же, «Елки!»

Москва ВЫСТАВОЧНАЯ

Дом Союзов, знаменитый Дом Союзов, тот самый, что при- мыкает к Госдуме. Под этим названием все его и знают. Здесь про- щались с большинством советских лидеров, провожая их в последний путь, и колонны знаменитого зала помнят гробы, гробы, гробы... на- чиная с гроба Ленина. Здесь многие из тех, кто читает сейчас эту статью, вспоминают себя детьми и помнят волшебное ощущение праздника Но- вого года. Ну как же, «Елки!» То, что в старорежимные времена дом назывался Благородным собра- нием, помнят уже не все. Как и то, что в этом здании прошла первая в исто- рии Москвы Торгово-промышленная

выставка, которую в советское время назвали бы Выставкой достижений народного хозяйства. Это было началом новой Москвы (ко- нечно, не в том смысле, в котором мы ее, разросшуюся до размеров Люк- сембурга, знаем теперь). Это было на- чалом Москвы Выставочной, нового яркого этапа в жизни древнего горо- да. И так, отправляемся в 1831 год. 17 мая. Открытие выставки. 570, как тогда говорили, экспонентов, то есть участников. Около 6000 экспонатов в 18 залах. За 19 дней туда придут 125 тысяч человек. Ажиотаж был невероятным. Вот что писал в «Московских ведомостях» корреспондент Пётр Вяземский –

Автор: **Татьяна Лиманова**

Император Николай I на выставке российских произведений и промышленности в Москве в Большом Кремлёвском дворце 1831 года. Лубочная картина, 1832 год

Общий вид Художественно-промышленной выставки 1882 года в Москве

поэт из княжеского рода в то время увлекся журналистикой:

«Московская выставка продолжает обращать на себя общее внимание. Каждое утро она сборное место многочисленных посетителей: на бирже, на площадях, в гостиных, в смиренных жилищах простолюдина, в кабинетах ученых, она предмет общих разговоров, наблюдений, пересудов».

Для благородных вход по билетам. По вторникам и пятницам. Остальные сословия, как пишут «Московские ведомости», а именно «простолюдины в шинелях и кафтанах, подпоясанных и благопристойного вида, могут входить в те только дни, когда публика посещает выставку не по билетам. Тогда же могут входить нижние воинские чины в мундире, без шинели и служители без господ в ливрейных фраках и картузах для обозрения выставки».

Помимо коммерческих целей — на выставке торговля и торг шли бойко — и помимо удовлетворения тщеславия — куда ж без этого, — задача была еще и просветить. Показать людям, что Россия создает, что у нее есть и огромный потенциал, и возможности. Текстиль, драгоценности, парфюмерия, хрусталь, оружие, эки-

пажи, техника. Всё это многообразие вдохновляло, всё это великолепие вызывало у посетителей гордость за страну.

Вновь свидетельство Вяземского: «Машины, физические и металлические инструменты, если также недоступны любопытному участию всей публики, то весьма важны для некоторых. Уже замечено было, что в те дни, когда выставка открыта для всех посетителей, то около сих отделений теснее, нежели в другие дни. Сметливость, переимчивость наших мастеровых и вообще простолюдинов, привычка их учиться с глаза объясняет это обстоятельство. Может быть, сим прогулкам по выставке, сему курсу практического учения, обязаны мы будем новым Жакартом, новым Кулибиным».

А вот что отмечал, находясь под впечатлением от выставки, еще один бытописатель того времени, Сергей Глинка: «У русских граждан есть руки, есть ум, есть душа, есть готовность служить общему делу. Посмотрите на выставке, какая сердечная ревность выказывается на лицах их». Подобные выставки проходили потом в Москве в 1835-м, 1853-м, спустя десять лет, в 1863-м, в 1865-м

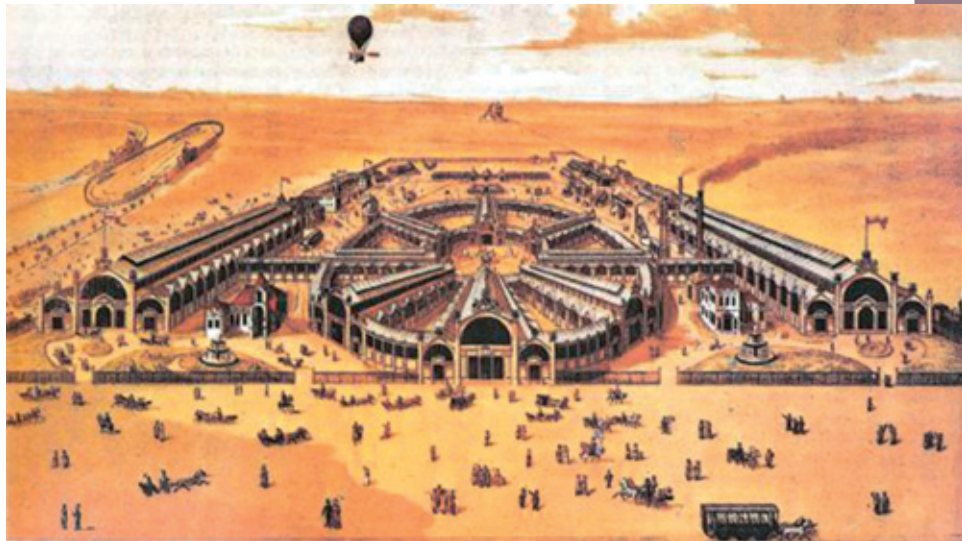
Посещение Императором Александром III и Марией Фёдоровной Художественно-промышленной выставки 9 сентября 1882 года

и 1882-м. В правление Царя-мротворца, в 1882 году, выставка на Ходынке и вовсе была грандиозной. За четыре месяца ее посетили более миллиона человек. И была эта гигантская экспозиция на территории 30 гектаров уже художественно-промышленной. Жителям и гостям города демонстрировались достижения не только в промышленности, но и в искусствах. Архитектура, скульптура, живопись, садово-парковое устройство, музыка, театр, балет. Вот как описывал, что происходило на выставке, публицист Владимир Стасов: «На выставку нынче ходит сам народ — мужики, бабы, солдаты, фабричные — массами, и приходят почти всегда на целый день, с узелками и провизией, с детьми, даже грудными. Это мне напомнило то, что я, бывало, прежде видел на больших выставках в Париже и Лондоне и чего не воображал увидеть у нас на своем веку».

Основой и этой выставки, конечно же, оставалась промышленность. Реклама продукции достигала порой безумных форм. К примеру, особой популярностью пользовалась экспозиция парфюмерной фирмы «Брокер и К». Там из фонтана били струи одеколона. Можно представить, какой вокруг витал аромат!

Но вот как это событие отразилось на жизни Москвы? В патриархальный город, живущий тихой размеренной жизнью, в эту «вдовствующую столицу» хлынули новые свободные граждане, которые хотели зарабатывать. Где? Где только можно. А можно было там, где было пространство. Так московские площади, во множестве появившиеся после 1812 года, заполнились не праздной знатью, а торговым людом из окрестных деревень. Вот, к примеру. Если вам к обеду требовалось мясо-дичь, вы отправлялись на площадь Охотного ряда, потому он и Охотный; на Дровяной площади в районе Таганки можно было купить, естественно, дрова, на Угльной — она была на Садовой-Каретной, — соответственно, уголь, Сухаревская и Смоленская площади были «блошиными рынками», на Тишинке торговали фуражом и сеном, на Болото, то есть на Болотную площадь, москвичи шли за грибами и ягодами. Купец Николай Варенцов, засевавший после революции за мемуары, вспоминал: «Как только ягоды появлялись в Москве, то хозяйки спокойствия не имели: вставали в два часа утра, отправлялись на ягодный рынок, находившийся на Болотной площади, куда подмосковные ягодуники, помещики и крестьяне привозили на возах ягоды в решетках».

Помимо этих будничных базаров, в Москве, конечно же, были ярмарки. О! Эта бойкая, красочная и радостная торговля всем на свете была как раз такой, какой ее и может нарисовать

Вид на территорию Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года с высоты птичьего полета. Литография. Слева от территории выставки видны Место Бега и Место Скачки, за выставкой – Ходынская водокачка

воображение. Главной ярмаркой в городе раз в году становилась так называемая Верба на Красной площади. Базар открывался накануне Вербного воскресенья, за неделю до Пасхи. Писатель Иван Шмелёв вспоминал: «... шумит уже вербный торг, который зовется – “Верба”. У самого Кремля, под древними стенами. Там, по всей площади, под Мининым-Пожарским, под храмом Василия Блаженного, под Святыми Воротами с часами, – называются “Спасские Ворота”, и всегда в них снимают шапку – “гуляет верба”, великий торг – праздничным товаром, пасхальными игрушками, образами, бумажными цветами, всякими-то сластями, пасхальными разными яичками и – вербой». Для крестьян, заселявших после освобождения 1861 года окраины Москвы, поездка в центр на базар

становилась настоящим событием. В пестрой толпе они социализировались, открывали для себя город, становились его частью. И обретали новые знания. Хотя, конечно, ярмарки – это было прежде всего про другое: «на людей посмотреть да себя показать». А вот выставки, на которых, к слову, тоже можно было сделать покупки, и недорого, поторговавшись, выполняли серьезную просветительскую функцию. Князь Пётр Шаликов, издатель, писал о главной цели той первой Московской торгово-промышленной выставки 1831 года: «В чём именно состоит цель выставки? Без сомнения, не в том, чтобы показать, какие товары находятся в лавках, какие изделия на фабриках, на заводах, и чтобы сбыть при этом случае некоторое количество сих товаров... – нет; но – пока-

Русская этнографическая выставка 1867 года

Экспозиция «Дворник постоялого двора». Фигура исполнена академиком С.И. Ивановым

Группа лесных тунгусов около берестяной юрты

Прием ботика «Дедушка русского флота» перед морским отделом Политехнической выставки. Гравюра М.П. Настюкова. 1872 год

ОСНОВОЙ И ЭТОЙ ВЫСТАВКИ, КОНЕЧНО ЖЕ, ОСТАВАЛАСЬ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. РЕКЛАМА ПРОДУКЦИИ ДОСТИГАЛА ПОРОЙ БЕЗУМНЫХ ФОРМ. К ПРИМЕРУ, ОСОБОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ ЭКСПОЗИЦИЯ ПАРФЮМЕРНОЙ ФИРМЫ «БРОКАР И К°». ТАМ ИЗ ФОНТАНА БИЛИ СТРУИ ОДЕКОЛОНА. МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ, КАКОЙ ВОКРУГ ВИТАЛ АРОМАТ!

зять, до какой степени совершенства у нас, в России, Русскими доведено то или другое ремесло, искусство и искусство... А иначе значило бы только перенести лучшее из фабрик, заводов и лавок в дом Благородного собрания и составить комнатную ярмарку». Целям просвещения продолжали служить и все последующие московские выставки.

1864 год. Проходит Всероссийская выставка произведений сельского хозяйства и сельской промышленности.

1867 год. Устраивается Этнографическая выставка.

1872 год. Политехническая выставка. Шла всё лето, 750 тысяч посетителей, 12 тысяч экспонатов, среди которых и паровозы, и пароходы. Потом многие выставочные образцы вошли в коллекции новых музеев – Исторического и Политехнического.

А еще в Москве проходили конезаводческие выставки, антропологическая, ремесленная, рыболовная, археологическая.

Исторический музей. Основан в 1872 году. Первоначальную коллекцию составили экспонаты исторического и севастопольского отделов Политехнической выставки. Фото конца XIX века. Архив РАН

Среднеазиатская выставка в Москве. Железнодорожный и этнографический отделы. 1891 год

Наградная медаль «Среднеазиатская выставка в Москве». 1891 год

К 1860-м годам культурная жизнь Москвы вышла за стены дворянских салонов и особняков. Стремительно менялась художественная и социальная среда, а вместе со всем этим менялось и культурное пространство города. Его новой отличительной чертой стали музеи, библиотеки, концертные залы.

Во славу Москвы и Отечества

В 1891 году в новом здании Исторического музея прошла Среднеазиатская выставка. Мемуарист Николай Варенцов был членом оргкомитета. Он вспоминал, как в один из дней приехал император Александр III: «Среднеазиатская выставка представляла из себя довольно уютный уголок Средней Азии, с хорошо оборудованной показательной стороной положения края того времени... Первая зала, куда вошел государь и все его сопровождающие, была наполнена металлическими изделиями русских заводов, идущими специально в Азию. Стены залы были обвешаны медными подносами с изображениями медресе; в витринах стояли медные кунганы, кувшины, кальяны чеканной работы, сработанные под

вкус азиатских потребителей... Государю некоторые изделия особенно понравились, как, например, ковры туркменские и бухарские, некоторые из них он приказал оставить для него». Как вспоминает Варенцов, в то же время на Ходынке проходила Французская художественно-промышленная выставка. Это была первая выставка в России, организованная иностранным государством. Так вот император, уходя из музея, по словам мемуариста, молвил: «Вот эта — действительно выставка, а французская — базар!».

Такой была Москва Выставочная накануне нового века. Впрочем, картина будет неполной, если не упомянуть еще одно выста-

вочное направление, эксклюзивное для города. Здание Благородного собрания, в котором прошла первая Торгово-промышленная выставка, славилось еще и как ярмарка невест. Свидетельствует Александр Пушкин:

*Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар.*

На балы в Благородное собрание свозили девиц на выданье со всех концов империи. И женихи съезжались отовсюду, зная, что большой выбор им обеспечен. Товар можно было показать лицом. И торг тоже был уместен. **МНР**

Кремлёвская железная дорога во время проведения Всероссийской политехнической выставки. Фото 1872 года

Строгановское училище в Путинковском переулке близ Страстного монастыря. Этот дом известен как дом М.И. Римской-Корсаковой или «Дом Фамусова». Переезд Училища на новое место подтверждается справочником 1861 года, в оглавлении которого указано «Рисовальное Строгановское училище у Страстного монастыря». В этом доме Училище располагалось до переезда на Рождественку в 1892 году

К 1860-м годам культурная жизнь Москвы вышла за стены дворянских салонов и особняков. Стремительно менялась художественная и социальная среда, а вместе со всем этим менялось и культурное пространство города. Его новой отличительной чертой стали музеи, библиотеки, концертные залы.

Акрополь на Моховой

1 июля 1862 года в Москве в присутствии царской семьи открылся первый общественный музей — «Московский публичный музей и Румянцевский музей». Он был создан на основе переведенной из Петербурга в Москву частной коллекции

министра иностранных дел, канцлера Российской империи, мецената и коллекционера графа Николая Петровича Румянцева. Организатором музея стал тогдашний попечитель Московского учебного округа генерал от инфантерии Николай Владимирович Исаков. Именно его стараниями для музея было выделено одно из красивейших зданий Москвы — дом Пашкова на Моховой, построенный архитектором Баженовым. Не требуя денег из казны, на частные пожертвования Исаков стал перестраивать пашковский дворец под музейные коллекции. Ломались старые перегородки и возводились новые. Вместо пожароопасных

Иллюстрация из книги
«Пятидесятилетие Румянцевского музея
в Москве. 1862–1912. Исторический
очерк». Москва, 1912 год

Здание Строгановского училища
(сейчас – Московский архитектурный
институт). Фото 1903–1912 годов

голландских печей устанавливалось пневматическое воздушное отопление. Специально для книжного собрания был обустроен большой зал с верхней галереей. Оборудовались помещения для хранения древних рукописей и старопечатных книг. Уже через год на основе книжного собрания при Румянцевском музее была открыта первая в Москве Публичная библиотека (нынешняя Российская государственная библиотека). Позже Исаков вспоминал: «Румянцевский музей создавался в Москве так, как создаются храмы Божии, – без

всяких средств, только жертвами милостивцев». Действительно, в жертвователях и дарителях у Румянцевского музея не было недостатка. Его главным меценатом стал сам император Александр II – от него в музей поступило большое собрание книг, гравюр, более 200 полотен западноевропейских художников из Императорского Эрмитажа. По-настоящему царским подарком стало гигантское полотно А.А. Иванова «Явление Христа народу», которое Александр II выкупил у наследников художника за 15 тысяч рублей золотом. Высочайшему почину

Дом Пашкова в наши дни.
Фото В. Разумова, 2015 год

Библиотека государыни императрицы
Александры Фёдоровны в Московском
публичном и Румянцевском музее.
Фотография Т.А. Митрейтера, 1881 год

последовали члены императорской фамилии, высшие сановники, предприниматели, московские купцы. Великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич передали музею богатейшую библиотеку своей матери – императрицы Александры Фёдоровны. Генерал-губернатор Москвы князь Долгоруков подарил 552 предмета из золота, серебра и драгоценных камней. Известный издатель, купец-предприниматель К.Т. Солдатёнов на протяжении 40 лет выделял музею значительные средства на приобретение книг и завещал ему свою библиотеку в 8000 томов и коллекцию живописи – более 260 картин. В отчетах музея ежегодно публиковались имена дарителей, среди которых были люди разных сословий – от государственных деятелей до обычных мещан. И каждому из них выражалась признательность, независимо от положения и ценности дара.

Румянцевский музей работал четыре дня в неделю. Ежегодно его посещали 35–40 тысяч человек. Билет стоил 10 копеек, а по воскресеньям посещение было бесплатным. До революции это было общим правилом для всех общественных музеев.

Румянцевский музей и входившая в него библиотека составляли неразрывный культурный тандем. Читальный зал библиотеки был невелик. Первый, открывшийся в 1863 году, – всего на 20 мест. Второй, обустроенный в левом флигеле дома Пашкова в 1879 году, – на 170. И только в 1915 году в центральном корпусе открылся читальный зал на 300 мест.

Но по своему значению библиотека Румянцевского музея претендовала на третье-четвертое место среди книгохранилищ России. Еще в 1863 году, вслед за петербургской Публичной библиотекой, она обрела право на получение обязательного экземпляра. Долгое время штатную должность дежурного при читальном зале занимал основатель русского космизма философ Николай Фёдорович Фёдоров. Читателями библиотеки были Толстой, Достоевский, Менделеев, Соловьёв, Чехов, Ключевский. О царившей там атмосфере можно судить по сделанному с натуры рисунку Л.О. Пастернака, работавшего в читальном зале над книжными иллюстрациями. На нём художник изобразил вместе трех философов, проводивших в библиотеке Румянцевского музея многие часы в беседах друг с другом, – Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёва и Н.Ф. Фёдорова.

Обучать и просвещать

Художественно-промышленный музей – первый в Москве музей прикладного искусства – был основан в 1864 году при Строгановском училище технического рисования стараниями его директора Виктора Ивановича Бутовского. В апреле 1868 года только что организованный музей переехал в здание на Мясницкой улице, а с 1892 года надолго прописался в новом здании Строгановского училища на Рождественке, получив в нём 10 залов. Три из них отводились русскому искусству как представляющему особо значимый интерес.

«Содействовать развитию самобытных художественных способностей в промышленных классах» — так определил цель создания музея сам Бутовский. Его коллекция началась с собрания слепков, которые педагоги и ученики училища делали с архитектурных фрагментов древних храмов Суздаля, Пскова, Владимира, Великого Новгорода, а также с зарисовок орнаментов старопечатных русских книг и рукописей X–XVII веков.

Со временем собрание дополнили копии античного, западноевропейского и восточного искусства, которые специально заказывались в лучших музеях Европы — Лувре, Галерее Уффици, музеях Ватикана, Британском музее, петербургском Эрмитаже. Значительную часть коллекций составляли дары. Император Александр II передал музею 140 предметов из керамики и фарфора. Цесаревич и будущий император Николай II — большое собрание восточного искусства. Выпускник училища писатель Григорович — уникальную коллекцию западноевропейской мебели XV–XVII веков. Но, пожалуй, самым ценным и богатейшим пожертвованием стала коллекция декоративно-прикладного искусства Китая, Японии и Персии, переданная в музей известным московским предпринимателем и чаеоторговцем Константином Семёновичем Поповым. Как и задумывал Бутовский, музей всегда использовался в первую очередь в учебных целях. На изучении музейных экспонатов формировался художественный вкус и закладыва-

лись знания по истории мирового искусства, а постоянное общение с образцами национального искусства формировало уважение к русским традициям. Ученики занимались обмерами, копированием, зарисовками орнаментов, которые потом переводились в гипсовые рельефы, а затем использовались для декорирования изделий. В том числе и благодаря Художественно-промышленному музею Строгановское училище воспитало многих талантливых художников, мастеров изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Таланты и поклонники

Мысль о создании Консерватории витала в московском воздухе давно. Еще в 1819 году ее высказал капельмейстер Большого театра Фридрих Шольц. Но только в 1866 году, во многом благодаря двум выдающимся людям — музыканту Николаю Григорьевичу Рубинштейну и меценату князю Николаю Петровичу Трубецкому, — состоялось это всеми ожидаемое событие.

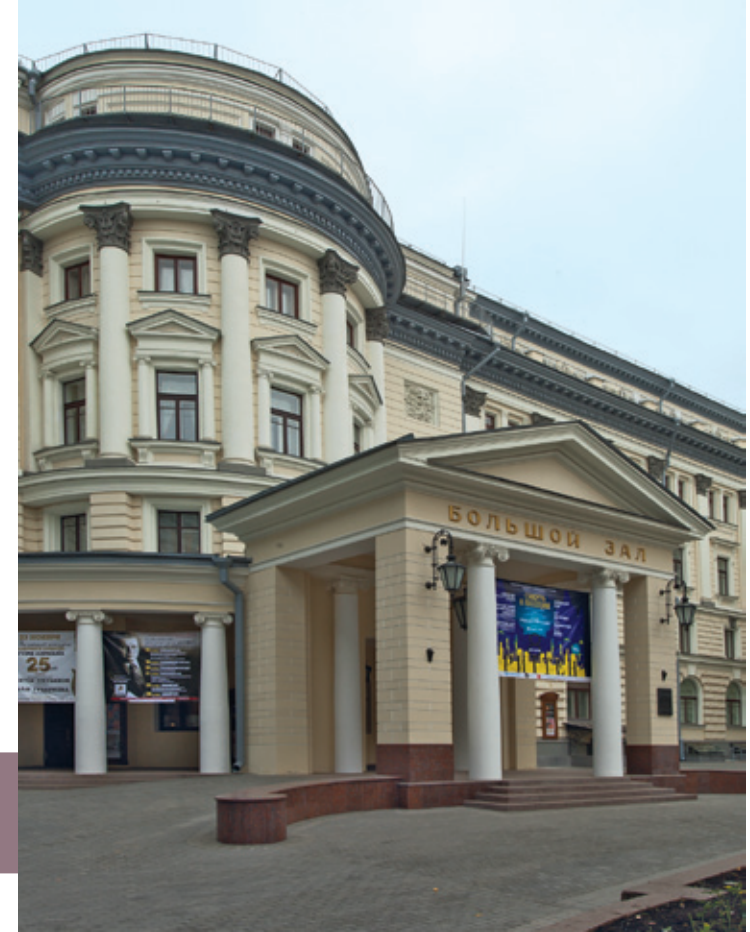
Музыкальная жизнь и музыкальное образование в Москве развивались стараниями Московского отделения Русского музыкального общества, сопредседателями которого были Трубецкой и Рубинштейн. Общество находилось под августейшим патронатом Великой княгини Елены Павловны, хозяйки великолепного Михайловского дворца в Петербурге, покровительницы Брюллова и Айва-

Строгановка в наши дни.
Фото: Е. Чесноков, 2005 год

Фасады Московской консерватории до и после реставрации

зовского. Любившая и знавшая музыкальную культуру, она выделяла значительные средства на содержание Общества, для чего ей однажды даже пришлось продать свои бриллианты. В феврале 1866 года на базе музыкальных классов Московского общества была основана Московская консерватория. Ее первым директором стал Н.Г. Рубинштейн.

Ко дню открытия для Консерватории был арендован дом баронессы Черкасовой на углу Воздвиженки и проезда Арбатских Ворот. Вступительные экзамены начались в августе, а само торжественное открытие состоялось 1 сентября. После традиционного

молебна в здании Консерватории состоялся торжественный обед, на который были приглашены профессоры, преподаватели и члены дирекции Музыкального общества. Завершился он символически — севший за фортепиано П.И. Чайковский исполнил увертюру Глинки к опере «Руслан и Людмила». Таким образом, первым произведением, прозвучавшим в стенах Московской консерватории, стало произведение родоначальника русской музыкальной школы.

Талантливому и обаятельному Рубинштейну удалось создать в Консерватории необычайную творческую атмосферу. Он привлек к преподаванию

Большой зал консерватории до и после реставрации

Новое здание Консерватории. На месте будущего памятника Чайковскому — ограда с воротами по линии улицы. Она сохранялась до 1950-х годов. Фото 1901 года

Комплекс зданий Московской консерватории был отреставрирован в начале XXI века, и сегодня здесь продолжают выступать самые прославленные музыканты России и всего мира

в ней не только московских и петербургских педагогов, но и многих зарубежных мастеров. В первые годы в Московской консерватории насчитывалось около 150 учеников. Были те, кто оплачивал свои занятия самостоятельно, были и такие, кто получал стипендию. Поначалу сроки обучения составляли пять лет для певцов и шесть для инструменталистов, но затем их увеличили до десяти. В 1871 году Московская консерватория переехала в дом князя Воронцова на Большой Никитской. Но со временем, когда число учеников выросло, а Консерватории стал необходим собственный концертный зал, было принято решение о постройке нового здания на старом месте. Работы по его возведению начались в 1893 году, а в апреле 1901 года состоялось торжественное открытие Большого зала Московской консерватории, ознаменовавшее завершение всех строительных работ. Москва получила одну из лучших концертных площадок классической музыки, на которой и сегодня продолжают выступать самые прославленные музыканты России и всего мира.

Кладовые истории

В мае 1882 года Москва готовилась к грандиозным торжествам — коронации императора Александра III. Среди многочисленных праздничных мероприятий было одно весьма примечательное — открытие Исторического музея имени Его Императорского Величества. Решение о создании музея было принято задолго до этого — в 1872 году — императором Александром II по ходатайству организаторов Поли-

технической выставки. Московская государственная дума выделила под застройку собственный участок на Красной площади — лучший в городе. Вслед за этим был объявлен конкурс на возведение здания. Из семи представленных на нём работ победу одержал проект под девизом «Отечество» архитектора Владимира Шервуда и инженера Анатолия Семёнова. Похожее на сказочный терем творение Шервуда стало настоящим эталоном той разновидности русского стиля, который принято называть «стилем Александра III». Несмотря на пышный декор, позаимствованный у московских построек XVII века, Исторический музей гармонично вписался в ансамбль Красной площади с древним Кремлём, Вознесенскими воротами и храмом Василия Блаженного. Декор залов музея был выполнен в духе той исторической эпохи, которой они посвящались. Над их оформлением трудились лучшие российские художники. Два живописных полотна: «Похороны руса в Булгаре» и «Ночные жертвоприношения» — выполнил Генрих Семирадский. Один из залов украсила «Панорама Керченского пролива» Ивана Айвазовского. Особенно впечатляли Парадные Сени с «Родовым древом государей Российских» и фриз «Каменный век» Виктора Васнецова, восстановленные сегодня во всём своем великолепии. Заказ на фриз Васнецов получил от известного археолога, руководителя Исторического музея, графа Алексея Сергеевича Уварова. Консультантами художника стали антрополог Анучин и археолог Сизов, а для исполнения заказа Савва Мамонтов в своем имени Абрамцево

Утвержденный проект здания Исторического музея В. Шервуда и А. Семёнова, 1875 год

8 августа 1875 года проект фасадов здания Исторического музея получил «высочайшее одобрение», и начались работы по возведению фундамента. 20 августа 1875 года состоялась торжественная церемония закладки, на которой император Александр II собственноручно заложил кирпич в фундамент будущего музея

оборудовал для Васнецова специальную мастерскую. Задачи перед музеем стояли грандиозные — раскрыть и возвеличить тысячелетнюю историю Государства Российского. Разработкой его концепции занимались энтузиасты, члены Общества истории и древностей Российских, в том числе профессор Московского университета, знаток Древней Руси Иван Егорович Забелин, который после смерти Уварова возглавил музей и систематизировал его фонды. С первых дней своего существования музей стал принимать щедрые подарки от частных

лиц и государственных учреждений. Московская городская дума передала ему Голицынскую и Чертковскую библиотеки. Огромное собрание — около 300 тысяч предметов старины, в том числе иконы, лицевое шитье, манускрипты, — подарил коллекционер П.И. Щукин. Достойную лепту вносили московские купцы-меценаты Бахрушины, Бурылины, Грачёвы, Постниковы, Сапожниковы. Поддерживать Исторический музей считали делом чести русские аристократы Голицыны, Кропоткины, Оболенские, Бобринские, Масальские, Щербатовы. Первые десять открывшихся залов музея отражали историю России с древнейших времен до конца XII века. В них нашли свое место предметы из мерянских и скифских курганов, собрание сибирских древностей, артефакты из Ананьевского могильника, предметы из царского кургана Куль-Оба, находки из курганов Владимирской и Ярославской губерний. Из-за ограниченных финансовых возможностей отделка помещений шла медленно. Только к 1903 году мастерами из Палеха были оформлены еще пять залов, и экспозиция была продолжена до XVI века, хотя здесь же были представлены предметы XVII—XIX веков. Всё это огромное богатство музея служило и продолжает служить базой для научно-исследовательских работ, подаривших исторической науке немало удивительных открытий. МНР

27 мая 1883 года в ходе торжеств, посвященных коронации Александра III, состоялось открытие Исторического музея

В 2017 году Москва уже в четвертый раз примет у себя авторитетную выставку «denkmal». Это международная специализированная выставка по сохранению, реставрации, использованию и популяризации культурного наследия, до недавнего времени проходившая только в немецком Лейпциге. О том, что нам дает эта выставка и почему она так важна, мы беседуем с Леонидом Викторовичем Кондрашевым, главным археологом Москвы, заместителем руководителя Департамента культурного наследия города Москвы.

Леонид Кондрашев: «Мы хотим, чтобы реставраторы получили свою выставочную площадку»

В 2017 году Москва уже в четвертый раз примет у себя авторитетную выставку «denkmal». Это международная специализированная выставка по сохранению, реставрации, использованию и популяризации культурного наследия, до недавнего времени проходившая только в немецком Лейпциге. О том, что нам дает эта выставка и почему она так важна, мы беседуем с Леонидом Викторовичем Кондрашевым, главным археологом Москвы, заместителем руководителя Департамента культурного наследия города Москвы.

Вопросы: **Олег Фочкин**
Ответы: **Леонид Кондрашев**

– В 2015 году выставка в Москве прошла, по общим оценкам, очень

успешно. А что мы ждем от следующей и что она для нас значит?

– Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала сказать, что такое выставки. Еще в глубокой древности появляются места, прежде всего удобные с транспортной точки зрения, которым властители этих земель дают право осуществлять торговлю. Они пользовались определенными правами, и все купцы знали, что в это место удобно ездить. Вначале это была просто торговля, как и сейчас в выходные дни происходит у нас. Базар – слово восточное, а ярмарка – годовой рынок, где можно спокойно торговать. С ростом рынка большая часть торговли перешла на показ образцов. То есть продавец де-

В открытии выставки «denkmal, Москва-2015» приняли участие Мэр Москвы Сергей Собянин, руководитель Департамента культурного наследия города Москвы Алексей Емельянов, глава Департамента городского развития магистрата Лейпцига Карстен Геркенс, генеральный директор Leipziger Messe International GmbH Маркус Гайзенбергер и другие

монстрировал, что он может сделать, получал заказ, а его репутация служила залогом успешности. А потом уже и образцы перестали показывать, а появилось то, что мы сейчас понимаем под названием ярмарки-выставки.

И так с XVII века на территории Лейпцига сформировалось очень профессиональное и эффективное ярмарочно-выставочное учреждение, которое и называется Leipziger Messe. И в любой отрасли, не обязательно в культуре, наличие такой выставки является инструментом для регулирования рынка. Это место, где поставщики услуг, производители материалов, заказчики могут встретиться без посредников и заключить контракты. Так и происходит в том числе в Лейпциге.

В 1994 году одной из выставок стала «denkmal» (в переводе с немецкого – «памятник»). То есть на ней представлено всё, что касается отрасли сохранения культурного наследия.

И Москва всегда активно участвовала в таких выставках. Возникла идея применить опыт Лейпцигской ярмарки на нашей московской земле.

– Такая ярмарка проходит только в Лейпциге и Москве или где-то еще?

– Поскольку Лейпцигская ярмарка проходит раз в два года, вместе с ней в промежуточные годы мы проводим аналог у нас. Как любое учреждение, Лейпцигская ярмарка хочет раз-

виваться, и эта идея им показалась интересной. И вот уже в четвертый раз выставка пройдет в Москве, на территории ВДНХ. Это не выставка достижений. Это элемент регулирования отрасли, которого очень не хватало. И Департамент культурного наследия Москвы очень заинтересован в том, чтобы реставрационное сообщество самоорганизовывалось и работало эффективно. И мы поддерживаем выставку, выступая и как клиент – у Правительства Москвы на ней есть свой стенд, – и как участник подготовки, и как активный участник. Ведь выставка – это не только статичная работа на стенде, очень важна деловая часть: конгрессы, круглые столы... Мы стремимся к тому, чтобы реставрационное сообщество в рамках выставки высказывало свои проблемы, обсуждало их, находило решения, а возможно – при участии государственных уполномоченных органов и принимало решения на федеральном уровне.

Нам очень важно, чтобы эта выставка была периодической, чтобы она не превратилась в показуху. И мы хотим, чтобы реставраторы превратили «denkmal, Москва» в свою выставочную площадку.

– Что Вы ждете от предстоящей выставки? Есть ли конкретные задачи?

– Мы хотим на ней более широкого решения вопросов. Мы надеемся на подписание соглашения между ВДНХ и Leipziger Messe, поскольку

ВДНХ – это центральная выставочная площадка Правительства Москвы, а Leipziger Messe – крупнейшее выставочное объединение. Им есть что обсудить и полезно обменяться опытом. Мы ждем расширения числа участников. В нынешнем году за дело взялся Союз реставраторов. Если раньше это были отдельные компании, которые преследовали свои интересы, то теперь крупнейшее объединение самих реставраторов заинтересовано в работе. И мы надеемся на их активное участие.

Мы ждем новых технологий и активно работаем с академией Реммерса. Будут показаны новые материалы и технологии других организаций, чтобы наши реставраторы могли использовать последние научные достижения в этой сфере. Наука ведь не стоит на месте.

Мы надеемся, что выставка будет более стабильной и будет продолжаться

В павильоне № 75 ВДНХ прошла международная выставка «denkmal, Москва-2015», учрежденная Лейпцигской ярмаркой в 1994 году

Бизнес-центр на территории комплекса ВДНХ

ся. И надеемся, что накопившиеся за два года вопросы будут активно обсуждаться на деловой части программы.

– Ожидается ли участие зарубежных компаний?

– Мы постоянно работаем над тем, чтобы круг зарубежных участников становился шире. Но это не самоцель. Мы ожидаем тех участников, которые могут быть полезны нашим специалистам. И это тоже индикатор рынка. Чем больше иностранных компаний стремится участвовать в выставке, тем серьезней ситуация на рынке. Зачем зарубежным организациям приходиться на рынок, который стагнирует и разваливается? Значит, мы на правильном пути.

Одним из успешных нововведений выставки 2015 года стало проведение «Биржи реставрации».

Это мероприятие, инициированное организатором – АНО «Национальная гильдия хранителей наследия», – в рамках которого представлены памятники истории и культуры различных регионов России, нуждающиеся в реставрации.

Правительство Москвы всегда представляет на выставке основные векторы нашей политики в сфере сохра-

нения культурного наследия. И мы считаем, что общественности тоже будет небезынтересно воочию посмотреть на то, что мы делаем на выставке.

– Расширение на Восток дальше не планируется?

– Планируется. У нас в этом году при взаимодействии с Лейпцигской ярмаркой будут обсуждения с китайскими коллегами. У нас была большая работа с Китайским культурным центром. Как известно, в отреставрированной усадьбе в Новой Москве открыт Музей китайского съезда компартии. И международный характер выставки не означает, что у нее только западный вектор. И в прошлом году на московской выставке китайские коллеги уже принимали участие.

Справочно:

Выставка «denkmal», история которой началась в 1994 году в Лейпциге, является одной из самых авторитетных площадок для взаимодействия между специалистами в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия. Россия участвует в ней практически с самого начала, а с 2011 года в Москве, раз в два года, проводится ее отечественный аналог.

Выставка «denkmal, Москва» проводится под эгидой ЮНЕСКО, при поддержке и участии Министерства культуры Российской Федерации, Правительства Москвы, в том числе: Департамента культурного наследия города Москвы, Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, а также Союза реставраторов России, Союза московских архитекторов, ВООПИиК, компании Remmers и других профильных и общественных организаций. Организаторами выставки являются АНО «Национальная гильдия хранителей наследия» и Leipziger Messe International GmbH.

Выставка «denkmal, Москва-2015» прошла с огромным успехом. Общее число посетителей за три неполных дня работы превысило 5000 человек. Обер-бургомистр Лейпцига Буркхард Юнг отметил, что у него «просто замечательное впечатление от выставки». Он высказал надежду, что все планы будут реализованы на практике: «Я убежден, что нет предела взаимному обучению, надо не только брать, но и давать. Особенно ценен тот уникальный опыт, которым могут поделиться ремесленники Германии и России».

«Тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, января в двадцать девятый день, мы, нижеподписавшиеся, Голландский подданный Арманд Букье и Великобританский подданный Невиль д'Гольдсמיד, заключили сей контрактъ съ Московскою Городскою Распорядительною Думою на освещение текущим газом столичнаго города Москвы...» – этими словами начинается подписанный контракт на освещение столичных улиц. Известна и цена – 14 рублей 50 копеек за один фонарь. Именно такое снижение цены позволило британцам выиграть.

Автор: Филипп Смирнов

Вид на газовый завод со стороны Курского вокзала. Фото 1950-х годов

City of Moscow gas company. Unlimited

«Тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, января в двадцать девятый день, мы, нижеподписавшиеся, Голландский подданный Арманд Букье и Великобританский подданный Невиль д'Гольдсמיד, заключили сей контрактъ съ Московскою Городскою Распорядительною Думою на освещение текущим газом столичнаго города Москвы...» – этими словами начинается подписанный контракт на освещение столичных улиц. Известна и цена – 14 рублей 50 копеек за один фонарь. Именно такое снижение цены позволило британцам выиграть.

Фонари

В Москве к 1848 году работало и освещало улицы 6000 масляных фонарей, установленных на деревянных столбах. Их обслуживали

фонарщики, набранные из штрафных солдат, которые были в подчинении обер-полицейстера. Еще с 1849 года в генерал-губернаторское управление подавались предложения о газовом освещении улиц Москвы частными предпринимателями и компаниями. Так, например, в октябре 1861 года майнский купец Дитрих вместе с петербургскими купцами Сименсом и Гальске представили уже во второй раз свой доработанный проект освещения газом улиц Москвы в Управление военного генерал-губернатора.

А генерал-губернатор П.А. Тучков, понимая важность вопроса улучшения уличного освещения, создал комиссию под председательством городского обер-полицейстера графа Крейца для рассмотрения проекта. Комиссия не выработала

Московский газовый завод. Ретортное и аппаратное здание (со стороны подъездной ветки). Фото около 1913 года. Архив ЦИГИ

Газгольдеры. Фото начала XX и начала XXI века

положительного заключения. Чуть позже Дума выбрала нового городского голову — им стал князь Александр Алексеевич Щербатов. И была создана новая комиссия по освещению города под председательством графа А. Бобринского.

К тому времени в городе дела с освещением улиц обстояли следующим образом:

- освещение искусственным газом: до 700 фонарей — «Московское товарищество переносного, сжатого газа» — 31 рубль за 1 фонарь (с 1859 года имело газовый завод в Сокольниках на Сокольническом шоссе (на Газовской улице), на котором газ получали из каменного угля);
- керосиновое освещение: 4087 ламп — компания Боаталя — от 19 до 38 рублей за один фонарь в год (в Москве — с 1862 года);
- освещение американским керосином (ранее — спирто-скипидарное освещение): 2100 ламп — компания господ Зотовых — от 32 до 46 рублей за один фонарь в год (в Москве — с 1852 года).

Британцы всех обошли. И заключили «высочайше одобренный» контракт. Внесли залог — 400 тысяч рублей золотом. С 24 июля 1865 года, как и предписывалось контрактом, началось строительство Московского газового завода за Курской железной

дорогой. Почти еженедельно предприниматели в газете «Московские ведомости» печатали объявления и предложения об устройстве в домах газа, но домовладельцы им обзавестись не спешили.

Завод стали строить в Нижнем Сузальном переулке — здесь когда-то была фабрика по производству сузального золота, отсюда и название. В 1872 году соединительная ветка железной дороги отрезала завод от «материка», и лишь много позже был организован проход к Курскому вокзалу под путями — в народе (по вполне понятным причинам: близость к вокзалу, дурная вентиляция и отсутствие в этой местности общественных уборных) его называют «гнилая кишка». 27 декабря 1866 года состоялся торжественный запуск Московского газового завода и символическое зажжение газового фонаря у Архангельского собора в Кремле. Эти операции были доверены для выполнения городскому голове князю А.А. Щербатову. Несмотря на мороз в -20°C , гости и жители Москвы гуляли весь вечер, любуясь газовой иллюминацией. У Кремлёвского дворца светился герб России, а на Воскресенской площади — герб города Москвы, под которым горела надпись «Боже, Царя храни!». Эта иллюминация продолжалась три дня. Господа Букье и Гольдсמיד из-за отсутствия газовых абонентов и пло-

хо горящих в мороз фонарей несли большие убытки. Уже в январе 1867 года они попросили Думу передать контракт на освещение Москвы газом Английскому обществу и 23 января 1867 года получили от Распорядительной думы разрешение на передачу концессии — контракта на освещение Москвы текучим газом — в полное ведение Английскому обществу «City of Moscow gas company, Limited». Главным инженером и уполномоченным директором этого общества в Москве назначен Фредерик Лесли.

В Москве на 1 января 1868 года числилось 3083 газовых фонаря, и Московский газовый завод был полностью принят комиссией в эксплуатацию. Английское общество с 1 января 1868 года завело Книгу № 1 газовых фонарей Москвы и каждому фонарю присвоило свой номер. Общее количество всех видов фонарей в Москве достигло 9327 шт. А Московский газовый завод, по заключению экспертов, был признан самым большим в мире.

Завод

Инженер, которого пригласили строить завод, — Рудольф Бернгард. К этому времени он как раз завершил работы в Санкт-Петербурге, на набережной Обводного канала, 74. Там вместе с сыном он выстроил Газовый завод Общества столичного освеще-

щения. Работы в Санкт-Петербурге были закончены в 1852 году.

Впереди было еще около сорока лет до масштабной реорганизации предприятия. Сорок лет (тридцать по договору и десять добавленных), прежде чем газовое предприятие станет основополагающим в городе и превратится в режимный объект.

В 1905 году, после передачи завода на баланс города, многие правила переменились — в Нижнем Сузальном переулке стали перерабатывать уже не английский уголь — а завод построили рядом с железной дорогой именно потому, что надо было доставлять на предприятие уголь из Англии и другое сырье.

По проекту Александра Роопа выстроили еще несколько цехов, в реконструкции одного из газгольдеров также участвовал В. Шухов, соорудивший новое перекрытие особой прочности для третьего газгольдера. Общая стоимость предприятия оценивалась в 2,5 миллиона рублей золотом. На заводе создали две параллельные системы выработки газа. Первая использовала машины системы Гемфри и Глазго — английские станки, вторая была поставлена берлинской фирмой Пинча и Берлин-Ангальтским машиностроительным заводом.

В 1911 году общая протяженность газовых труб достигает длины в 286 верст и идет по трем маги-

стралям. Первая (труба диаметром 36 дюймов) — к Красной площади, откуда разветвляется на три потока: в Пречистенскую часть, в Тверскую и в Замоскворечье. Вторая (труба диаметром 24 дюйма) идет до Покровских ворот, откуда опоясывает всё Бульварное кольцо, а третья (тоже 24 дюйма) следует от Садовой улицы вдоль всего Садового кольца.

Регулирование давления в каждой ветке производится с завода отдельно. Все магистрали соединены друг с другом, но для удобства (при помощи задвижек) разделяются на несколько отдельных подсетей — городскую, замоскворецкую и северо-восточную.

Корпус 5А Московского газового завода — теперь бизнес-центр «Арма». Фото 2012 года

Бизнес-квартал «Арма».
Фото: В. Разумов, 2016 год

Прометей

Преобразование завода началось еще в 1940-е годы – в Москву пришел природный магистральный газ из Саратова. На Московском газовом заводе стали изготавливать (в переоборудованных цехах) запорную арматуру и детали из тугоплавких металлов.

Территория постепенно приходила в запустение.

В 2001–2002 годах собственники приняли решение о реновации территории. В России процессы ревитализации, реновации и джентрификации в новинку, и не существует адекватных сценариев. Как и 150 лет назад, кому-то надо было стать «пионером». На завод пустили арендаторов нового поколения – модельеров Дениса Симачёва и Катю Гомиашвили. За ними потянулись сочувствующие.

В цехах завода была осуществлена реорганизация: например, в ретортном цеху всё пространство пола было укрыто массивной паркетной доской, на огромные окна пошили бархатные портьеры, и в этом огромном пространстве человек терялся. К тому же было не очень понятно, какова практическая польза от такого помещения. Ну разве что проводить огромные дискотеки или мастер-классы по йоге.

С годами изменялся и подход к территории. К тому же в это время па-

раллельно развивались другие производственные территории в городе. Здесь можно упомянуть и бывшую фабрику Цинделя, и Дизайн-завод «Флакон», и «Винзавод». Высказывались и обсуждались разные версии возможного развития. Иногда градус обсуждения был чрезмерно высок. Сторонники безусловного сохранения всего, что было построено до революции, не предлагали инвестору и собственнику адекватного видения экономики памятника; их оппоненты, апологеты инсталляции новых смыслов, настаивали на расчистке территории от «неудобных» производственных строений и предлагали последовать заветам большевиков – снести, а потом построить. Говорили и о мифической загрязненности почв, писали о жадности и бескультурии инвесторов...

Как всегда, время всё расставило по местам.

Долгое время «Арма» жила очень обособленной жизнью – например, чтобы пройти от «Винзавода» на «Арму», надо было возвращаться пешком через «Курскую» и Садовое кольцо или долго идти вдоль набережной до Елизаветинского переулка и после – по улице Казакова. Теперь же девелоперы поняли, что ни «Винзавод», ни ArtPlay (бывший «Манометр») им не конкуренты, а клиент одного кластера может

стать их клиентом, – и стало значительно легче попасть из одного места в другое.

В 1865 году голландец и британец решились на рискованный шаг – предложили 14 рублей 50 копеек за фонарь. Никто из их конкурентов не был столь самоуверен и смел.

Архитектор, не имевший до того практического опыта организации газового предприятия, построил первый (на тот момент самый большой в мире) газовый завод в Москве, задав стандарт в газовой сфере.

Предприятие (City of Moscow gas company, Limited) стало первым в России заводом с четким сводом правил – первым сводом правил безопасности в газовом хозяйстве страны, предписывая: строительство по проектам; выработку газа четко определенного качества; нижний предел силы света фонарей – не менее 12 свечей; обеспечение сохранности газовых сетей и инженерных коммуникаций; определение ответственности сторон за аварии, вплоть

Ресторан Gazgolder Club & Tea Room – это концертная площадка, лейбл и студия звукозаписи, где всем управляют певец Баста и его команда. Фото: afisha.ru, 2016 год

до штрафов; постоянный контроль давления газа в сети.

В документе на заключение контракта с Думой про завод мы можем прочесть вот такие строки: «Для устройства газового завода, мы, Букье и Гольдсמיד, приобретаем покупкою у города или частных лиц, по обоюдному соглашению, землю, снеся предварительно с Думою об удобстве приобретенной земли. Завод должен быть устроен прочно и непременно каменный, крытый железом; ретортные же здания должны быть с железными стропилами. Вообще мы, Букье и Гольдсמיד, должны принять все меры предосторожности от пожара, а равно для соблюдения гигиенических условий. Каждый завод должен быть непременно снабжен достаточным количеством резервных печей, дабы, в случае порчи реторты, не могло быть остановки в производстве текущего газа. Планы построек должны быть предварительно одобрены Думою и утверждены законным образом. Дума имеет право назначить от себя техников для наблюдения за точностью исполнения построек, соглас-

но утвержденному плану. Земляные работы при прокладке труб должны производиться согласно предварительно представленному в Городскую Думу и ею одобренному плану. Производство земляных работ не должно составлять препятствий свободному проезду, а по укладке труб мы, Букье и Гольдсמיד, обязываемся исправлять поврежденные мостовые надлежащим образом, не позднее 5 дней от дня окончания работ. Мы, Букье и Гольдсמיד, исправляем на свой счет все повреждения, какие могут оказаться при проложении труб в тротуарах, набережных, мостах и вообще при производстве работ по газоосвещению. При прокладке газопроводных труб, отнюдь не должно причинять вреда трубам водопроводным и для отвода нечистот и городскому телеграфу, и наоборот, при прокладке сих последних, отнюдь не должно быть причиняемо вреда трубам газопроводным».

Этих правил в Москве придерживались до революции.

Подобные правила можно сформулировать и применительно к современ-

ному состоянию завода «Арма» (или нового городского кластера). И тогда нынешний собственник завода вернет себе пальму первенства в области развития территорий – вновь станет первопроходцем и Прометеем. Только не газификации нашего города, а его ревитализации.

Проект развития территории, который существует и реализуется, должен удовлетворять взыскательному вкусу и градозащитника, и хипстера, девелопера и диджея, дизайнера и продавца.

Статус ценных градоформирующих объектов есть только у нескольких зданий завода, а вот прозрачного видения будущего всё еще нет. Вот и приходится пока гадать, в какую сторону пойдет развитие этой территории.

Хотя надо сказать, что месторасположение и какая-то особая (британская) эстетика уже сформировали у большинства бывающих на «Арме» особое отношение к заводу. Место «родное», загадочное, творчески-вдохновенное и... какое-то пограничное.

МФ

В 2014 году на территории завода «Арма» открылся специализированный клуб единоборств, кроссфита и функционального тренинга ARMA S.M.C. | CrossFit & Fight Club. Фото 2014 года

Действие рассказа Михаила Булгакова «Спиритический сеанс» происходит в бывшем доходном доме Вешнякова на Чистых прудах – писатель часто бывал там у своих друзей Крешковых. Герои фельетона собрались «покрутить столики» и спросили дух Наполеона: «Сколько времени еще будут у власти большевики?» Дух императора соврал. Большевики не ушли, а наоборот, пришли и «замели» всю честную компанию. Эпиграфом к рассказу был речитатив Мефистофеля: «Не стоит вызывать его! Не стоит вызывать его!» Через несколько лет Булгаков сам «вызвал» Воланда-Мефистофеля на Патриаршие пруды. И вот уже много лет одни пруды путают с другими. Просто по Патриаршим никогда не ходил регулярный трамвай... – там была только техническая ветка. На фотографии – Патриаршие пруды. **Фото из архива Мосгорнаследия**

Если бы сам Александр Сергеевич мог слышать речь историка Василия Ключевского, произнесенную 6 июня 1880 года на торжественном собрании Московского университета по случаю открытия памятника Пушкину, то узнал бы, что относится он уже к таким категориям, как «археология» и «иное поколение».

Место «нашего всего» и его окружение

Если бы сам Александр Сергеевич мог слышать речь историка Василия Ключевского, произнесенную 6 июня 1880 года на торжественном собрании Московского университета по случаю открытия памятника Пушкину, то узнал бы, что относится он уже к таким категориям, как «археология» и «иное поколение». Выпускники Царскосельского лицея задумали создать памятник в 1860 году. В то время в Москве существовал только один скульптурный монумент – памятник Минину и Пожарскому, посвященный русской государственности и военной славе России. Так что создание памятника литератору, лицу частному, означало изменение традиции: оказывается,

слава может быть не только военной, но и литературной. И такая «нерукотворная» слава не менее значима для народа, чем подвиг гражданина Минина и князя Пожарского. Ведь если герой спасает народ, то через поэта народ себя осознаёт! И народ это прекрасно понимал, потому что средства на памятник Пушкину собирали по подписке, точно так же, как и деньги на создание памятника Минину и Пожарскому.

Итак, летом 1860 года на торжественный обед в Царскосельском лицее, устраивавшийся раз в год, собрались выпускники. Обсудить им нужно было многое – вскоре должно было состояться празднование 50-летия их альма-матер. На этой встрече и ре-

Вид на Тверской бульвар. Фото П.П. Павлова. 1891–1900-е годы

шено было отправить ходатайство Александру II о сооружении памятника знаменитому лицеисту. Однако императору предложение не понравилось, что вслух, конечно, сказано не было, да и в прошении начать сбор средств царь не отказал. В 1861 году Министерство народного просвещения отправило во все губернские учебные правления циркуляр, в котором подробно описывалось, как именно можно отправить деньги на памятник Пушкину, и объяснялось назначение перевода: «Бывшие воспитанники всех курсов императорского Александровского лицея, уверенные в глубоком сочувствии соотечественников к памяти питомца сего заведения Александра Пушкина, обратились с просьбою о дозволении открыть повсеместно подписку для сооружения покойному нашему поэту памятника, достойного народной его славы. Государь император высочайше соизволил повелеть открытие подписки поручить Министерству внутренних дел, самый же памятник поставить в Царском Селе, в бывшем лицейском саду...»

Деньги по этой всенародной подписке собирались долго. Крупные чиновники средств почти не пере-

числяли – отсутствие официальной поддержки правительства сказывалось на статусе этого предприятия. В итоге было собрано всего около тринадцати тысяч рублей.

Второе дыхание народная акция по сбору средств получила спустя десять лет – в 1870 году. На очередном летнем торжественном обеде выпускники Лицея пересмотрели подход к делу и избрали новый комитет по сбору средств. В него вошли адмирал и полярный исследователь Фёдор Матюшкин, академик Яков Грот, его брат статс-секретарь Константин Грот, историк и государственный деятель Модест Корф, а председателем комитета сделали принца Петра Ольденбургского – попечителя Лицея, бывшего в родстве и дружившего с императором.

За три следующих года собрали шестьдесят тысяч рублей, и Комитет объявил в 1873 году конкурс на лучший проект памятника поэту. В обращении к претендентам Комитет настаивал на «идеале простоты и единства», ведь поэзия Пушкина «отличалась именно этими чертами». От идеи поставить памятник в Царскосельском саду постепенно отказались – лицеисты прекрасно

Автор: **Ксения Егорова**
Фото: из архива автора,
из документального фонда
Мосгорнаследия

Открытие памятника А.С. Пушкину в Москве 6 июня 1880 года. Неизвестный художник

Страстная площадь. Вид с крыши дома Нирзее в Гнездиновском переулке. Фото 1907 года

понимали, что место это не очень посещаемое. В Петербурге, несмотря на покровительство принца Ольденбургского, установить памятник тоже не получилось — явно чувствовалось молчаливое неодобрение и сопротивление двора. Как писал академик Яков Грот, здесь вряд ли разрешат найти «достойное поэта достаточно открытое и почетное место». Это официальная столица, уже украшенная к тому времени многими памятниками «царственных особ и знаменитых полководцев».

И тогда адмирал Фёдор Матюшкин предложил установить памятник в Первопрестольной, ведь «постановка памятника Пушкину в Москве, где беспрестанно толпятся, сменяясь,

уроженцы всех стран России, особенно была способна придать ему значение вполне народного достояния». К тому же именно здесь поэт провел свое детство и женился.

Предложение поддержали, и уже в марте 1871 года было принято окончательное решение: народный Пушкин будет стоять в Москве. Осталось выбрать место. Статс-секретарю Константину Гроту, писателю Сергею Аксакову, историку Михаилу Погодину предложили два места для возведения монумента — в скверике перед Страстным монастырем или же на краю Тверского бульвара — напротив Страстного монастыря.

Скульптор Александр Опекушин, который победил в конкурсе, выбрал

для себя первый вариант — так памятник хорошо освещался бы солнцем. Но московский генерал-губернатор Владимир Долгоруков одобрил второй вариант — по тем соображениям, что стоять спиной к Страстному монастырю поэту не пристало. В 1872 году место было определено точно — край Тверского бульвара.

Возможность инога Пушкина

Еще до начала конкурса и даже до начала сбора средств стали появляться первые и совсем сказочные проекты памятника Пушкину. Например, скульптор Николай Лаврецкий и художник Александр Бахман предложили изобразить поэта так: Пушкин на скале, два юноши слева от него. Од-

Начинается разбор зданий Страстного монастыря. Фото около 1937 года

ному Александр Сергеевич передает перо, второй прижимает к себе книгу его стихов. Справа муза указывает на лавровый венок, а под скалой размещены три фигуры — символы сказки, лирики и исторической поэзии. Был и другой вариант: скульптор Николай Пименов тоже вообразил Пушкина на скале со сложенными на груди руками, как на портрете Кипренского. Чуть ниже статуи поэта летящий Гений держал в левой руке всё тот же венок, а в правой — раскрытый свиток оды «Памятник». С трех сторон памятника бьют фонтаны, а у основания скалы стоит фигура, вырубаящая надпись: «Пушкину — Россия».

Большинство проектов было многофигурными: Пушкин с героями своих произведений. Даже Александр Опекушин вначале представил богатую пушкинскими персонажами композицию: поэт с гордо поднятой головой стоял на четырехгранной пирамиде, окруженный группами героев из «Бориса Годунова», «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Полтавы».

Победителя в этом конкурсе не было, как и в следующем. Он определился только в третьем конкурсе. Все проекты были чересчур аллегоричными и слишком иллюстративными: поэт и его герои, как дед Мазай и зайцы. Александр Опекушин — единственный из конкурсантов — нашел в себе силы отказаться в скульптуре от повествовательности и слишком буквальной образности. Самым ла-

коничным, глубоким и правдивым комитет счел именно один из его вариантов. Единственный из всех возможных.

Памятник должен был быть простым и единым. Эти качества на открытии памятника особо отметил почвенник Достоевский: «Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иностранцев, которым он стал доступен».

Памятник отливали на бронзолитейном петербургском заводе англичанина Кохуна. Опекушину осталась малая часть забот — вместе с архитектором Богомоловым разработать бронзовые детали постамента — лавровые гирлянды, чугунные фонари, выбрать подходящих цветов гранит. Такой Пушкин знаком нам и сегодня. Почти такой.

Торжество и единство

«Окна домов, окружающих площадь, отдаются внаем по 50 рублей за окно. Кругом устраиваются деревянные эстрады для публики тоже за непомерную цену», — сообщал Достоевский жене накануне открытия памят-

ника Пушкину. Фёдор Михайлович долго готовился к этому событию, специально приехал в Москву из Старой Руссы заранее, чтобы сочинить речь. Торжества превратились в национальный праздник! Газеты описывали это событие так подробно, что день 6 июня 1880 года в Москве при желании можно восстановить по минутам.

Несмотря на дождь, на Тверском бульваре собралось более ста тысяч человек. После панихиды, которую отслужили в Страстном монастыре, все собрались на Тверском бульваре. На трибуну взошли дети поэта — Наталья, Мария, Александр и Григорий. За ними — Достоевский, Тургенев, Островский, Аксаков, Фет — вся литература России, казалось, собралась в этот день в одной точке Москвы. Кроме Гончарова и Салтыкова-Щедрина, не приехавших из-за болезней. И Льва Толстого, оставшегося в Ясной Поляне, несмотря на все уговоры. Толстой, уже переживший свой духовный переворот, объявил Тургеневу, что литература служит только времяпрепровождением для богатых, а народу решительно всё равно — был Пушкин или нет! Возможно, Толстой был бы не так уверен в этом, если бы увидел число москвичей, пришедших на открытие памятника. Но писатель манкировал, и у москвичей родилась острота: «Толстой блистает больше всех присутствующих своим отсутствием».

Тверская площадь. Фото между 1900 и 1910 годами

Пушкинская площадь. Фото 1951 года

А праздник подходил к кульминации. Выступил хор под руководством Николая Рубинштейна, и под звуки гимна парусиновая пелена сползла с бронзового поэта.

Памятник переехал

После торжественного открытия памятник прожил счастливую семидесятилетнюю жизнь на Тверском бульваре. Пережил он, конечно, и своего автора — некогда крепостного крестьянина Александра Опекушина, страшно голодавшего во время революции и по распоряжению наркома просвещения Луначарского отправленного в Ярославскую область к родной сестре. Опекушина не стало в 1923 году. Интересно, что в это самое время в новой России

началась мода на аббревиатуры — и в 1920-е годы памятник, вдохновлявший других поэтов на новые свершения, стал «Пампушем на Твербуле». У Булгакова в «Похождениях Чичикова»: «На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря, перейдя улицу и называется — пампуш на твербуле. Послали запрос куда следует: есть ли там такая штука. Ответили: есть и всей Москве известна». Корней Чуковский в книге «Живой как жизнь» описывал популярное место свиданий: «Этот Твербуль Пампуш был мне особенно мил, потому что в нём слышалось что-то украинское. В 1920-х годах в Москве существовало двустушие:

*На Твербуле у Пампуша
Ждет меня миленок Груша».*

«Дом Фамусова» — тот самый дом, в котором на балах бывали Пушкин и Грибоедов. Фото: В. Ахломов, конец 1960-х годов

ПУШКИН ОБРЕЛ СВОЕ МЕСТО ТАМ, ГДЕ КОГДА-ТО НАХОДИЛАСЬ КОЛОКОЛЬНЯ СТРАСТНОГО МОНАСТЫРЯ. БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ ЗАПОЛНИЛ СОБОЙ, КОМПЕНСИРОВАЛ ТУ ЗИЯЮЩУЮ ПУСТОТУ, КОТОРАЯ ОСТАЛАСЬ ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ ОДНОГО ИЗ САМЫХ СВЯТЫХ МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ. ТЕПЕРЬ ПАМЯТНИК СТАЛ ДОМИНАНТОЙ ПЛОЩАДИ, НАЗВАННОЙ ПУШКИНСКОЙ

Здание «Известий» до реставрации

Здание в процессе реставрации. Фото 2015 года

И уж сколько было там у памятника встреч и свиданий — не счесть. Поэт, ставший бронзовой историей, стал также и городским местом притяжения. Только вот спустя 70 лет — за одну ночь — так любимый москвичами памятник переехал! Это произошло в 1950 году.

В 1937 году Страстной монастырь разрушили, и пространство площади освободилось. Планировалось провести реконструкцию улицы Горького и построить автомагистраль «А» — на новые места решили передвинуть памятники Тимирязеву, Гоголю и Пушкину. Переезд был бы осуществлен раньше, но помешала Великая Отечественная война. К 1950 году площадь, где до 1937 года располагался Страстной монастырь, уже была реконструирована и готова к переезду поэта.

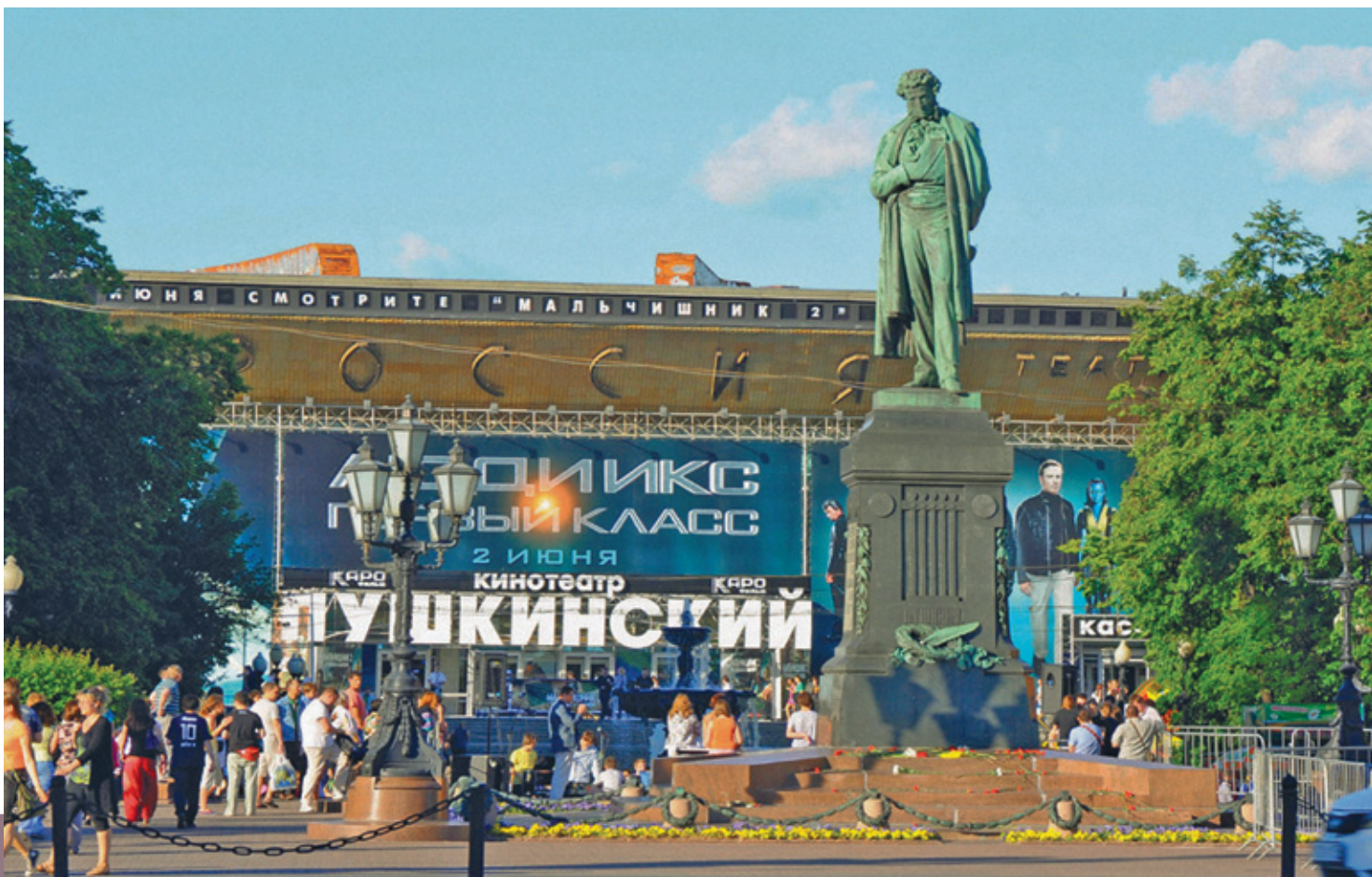
Он начался в 8 вечера 13 августа 1950 года. Через Тверскую были проложены рельсы, на них поставлены специальные ходовые тележки — памятник подняли на домкрате почти на метр, затем погрузили на тележки, и Пушкин начал неторопливое движение со скоростью примерно один метр в час. Причина такого медленного передвижения поэта была в проводах: как только он подъезжал к ним, приходилось их демонтировать. Затем, когда памятник благополучно пересек улицу, его переставили на специальную шарикоподшипниковую поворотную систему — и рабочие вместе с жителями близлежащих

переулков и улицы Горького вручную повернули Александра Сергеевича на 180 градусов — лицом к улице.

Пушкин обрел свое место там, где когда-то находилась колокольня Страстного монастыря. Бронзовый поэт заполнил собой, компенсировал ту зияющую пустоту, которая осталась после разрушения одного из самых святых монастырей Москвы. Теперь памятник стал доминантой площади, названной Пушкинской. Вся операция по переезду заняла шесть часов. На ночной переезд поэта собрались посмотреть, по воспо-

минаниям очевидцев, более трехсот жителей города. Теперь, как когда-то и задумывал автор монумента, лицо поэта стало правильно освещаться солнцем.

Валентин Катаев писал в книге воспоминаний «Алмазный мой венец»: «Для людей моего поколения есть два памятника Пушкину. Оба одинаковых Пушкина стоят друг против друга, разделенные шумной площадью, потоками автомобилей, светофорами, жезлами регулировщиков. Один Пушкин призрачный. Он стоит на своем старом, законном месте, но его

В 1964 году по проекту Э. Гаджинской, Д. Солопова и Ю. Шевердяева был построен кинотеатр «Россия»

видят только старые москвичи. Для других он незрим. В незаполненной пустоте начала Тверского бульвара они видят подлинного Пушкина, окруженного фонарями и бронзовой цепью. А Пушкин сегодняшний для меня лишь призрак.

В XX веке бронзового «призрака» окружили весьма интересные соседи. Слева от памятника — авангардное здание газеты «Известия», которое недавно отреставрировали. Его начали строить в 1925 году, архитектор Григорий Бархин часто следил за строительством, не выходя из квартиры — она находилась с противоположной

стороны площади в доходном доме инженера Нирнзее. Закончили строить «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» к 1927 году — десятилетию Октябрьской революции. Так что к появлению на площади главной доминанты — Пушкина — авангардное здание «Известий» уже прочно обосновались в сознании москвичей.

А между «предмодерном» и авангардом в 1964 году в глубине площади возникло еще одно здание — кинотеатр «Россия». Его архитекторы Эльмира Гаджинская, Дмитрий Солопов и Юрий Шевердяев процитировали авангард двадцатых и клуб Русакова архитектора Константина Мельникова: выдвинутый вперед козырек, застекленный фасад, конструктивистский подход к реальности. Открылся кинотеатр 11 апреля 1964 года — фильмом Георгия Данелии «Я шагаю по Москве» — и это было знаком «Оттепели». Кинотеатр также стал постоянным местом проведения Московского международного кинофестиваля.

Пушкин же и после переезда остался центром городской жизни. Здесь по-прежнему встречаются те, кто оказался в центре, но больше всего памятник по старой московской традиции выбирают влюбленные и чуда-

ки. Возле него всегда жизнь, а уж на день рождения поэта, 6 июня, кроме официальных лиц обязательно встретите одетого как денди Евгения Онегина и даму в кружевах, самозабвенно вальсирующую и читающую скорее себе, чем окружающему миру.

Пушкин продолжил влиять на умы сограждан. В постсоветском пространстве именно «глумливые фотографии» «нашего всего» на фоне рекламы, которая укрывала собой всё здание «Известий», привели к масштабной кампании, инициированной Мосгорнаследием, по избавлению городской среды от навязчивого визуального «мусора».

Несколько лет назад у приверженцев исторической правды возникла идея перевезти памятник обратно — на Тверской бульвар, но делать этого не стали, посчитав, что поэт и на новом месте стоит удачно. Так что сторона улицы, возможно, не так уж и важна. Как сказал в 1880 году Фёдор Михайлович Достоевский, «никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин... Он бесспорно унес с собою... некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

МНР

Вот возьмешься рассмотреть какую-нибудь московскую улицу и маршрут по ней составишь с достопримечательными местами, начнешь собирать материал, и становится понятно, что из-за традиционного подхода в рассказе о ней всё будет как всегда: начали «за здоровье», кончили «за упокой». Да еще и повторяют друг друга. Мясницкая же — улица совершенно другая, к ней и отношение должно быть другим.

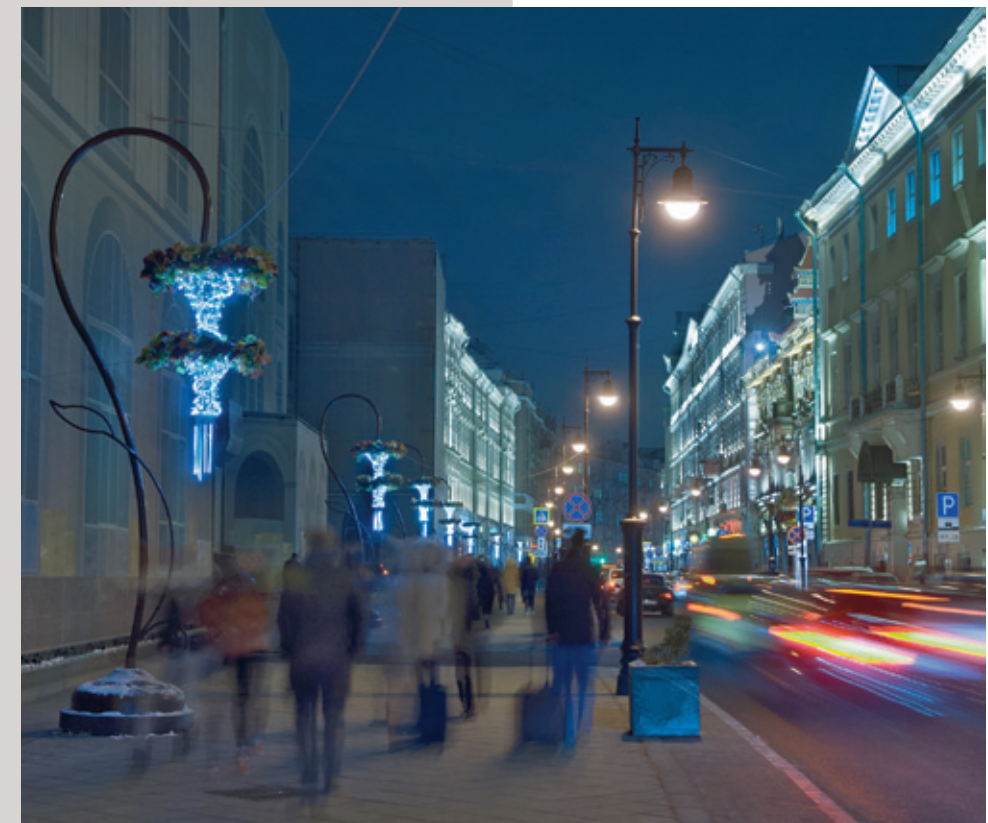
Мясницкая. От конца к началу, дополняя путеводители

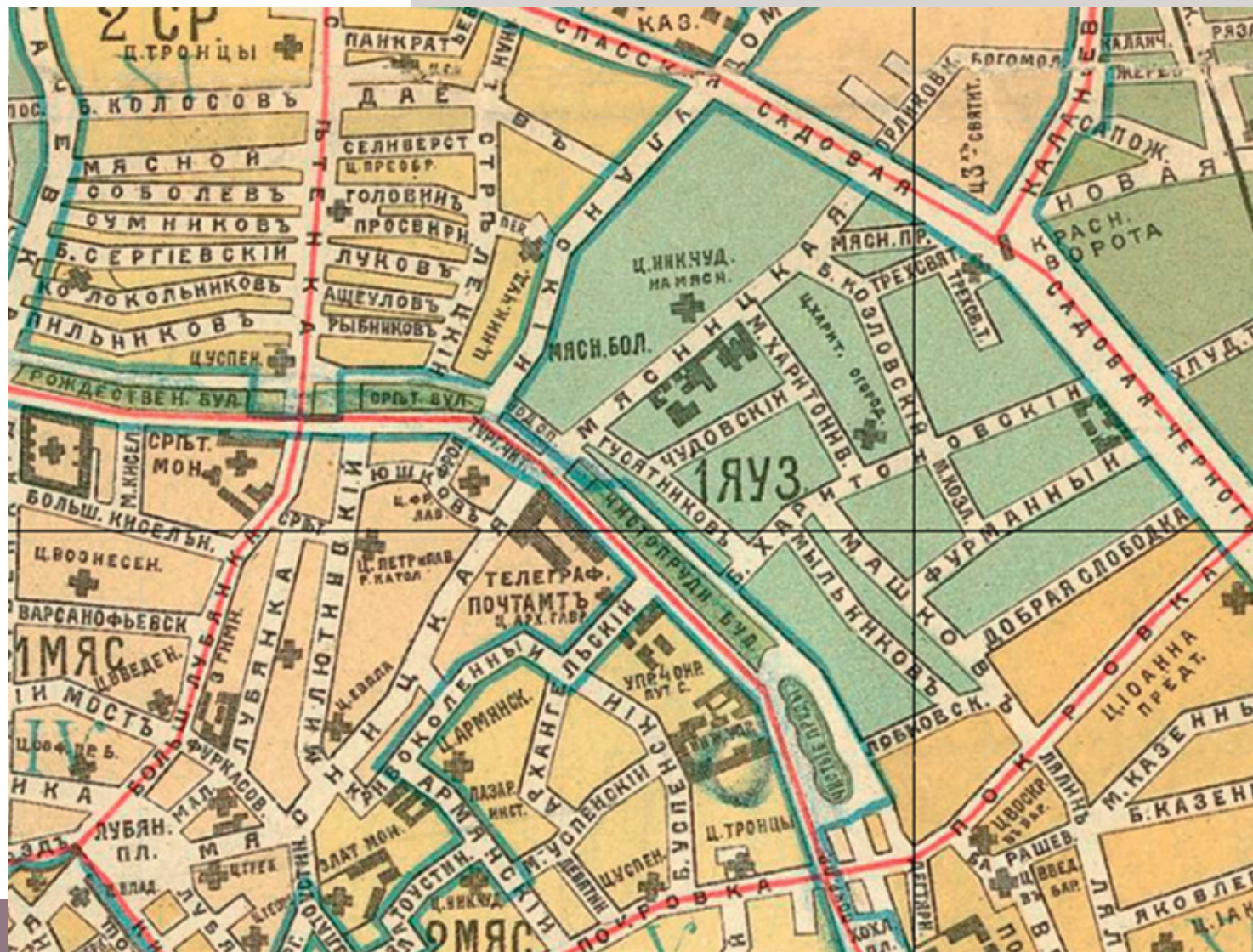
Вот возьмешься рассмотреть какую-нибудь московскую улицу и маршрут по ней составишь с достопримечательными местами, начнешь собирать материал, и становится понятно, что из-за традиционного подхода в рассказе о ней всё будет как всегда: начали «за здоровье», кончили «за упокой». Да еще и повторяют друг друга. Мясницкая же — улица совершенно другая, к ней и отношение должно быть другим.

Начать издалека? Во времена Алексея Михайловича Мясницкая оказалась

между двух «царских дорог» — Маросейка — Покровка — Старая Басманная и Большая Лубянка — Сретенка пользовались большим почетом и уважением, нежели эта улица. Здесь всё больше селились мясники и ямщики. При Петре Великом ситуация ненадолго поменялась: по Мясницкой в Немецкую слободу короче, да и императору нравилось, что жильцы улицы послушались его и преобразовали улицу по его приказу: просил о простом — дома ставить фасадами на улицу без палисадов, согласно

Автор: Кирилл Унжа
Фото: Сергей Пушков,
Филипп Смирнов

Мясницкая улица на Плате города Москвы. 1901 год. Издательство С.А. Суворина

плану. Старые дороги позабыл — по ней мчался галопом. По его приказанию Александр Меншиков выстроил дворец во владении 26 — теперь на фундаментах дворца «минхерца» стоит Главпочтамт. В начале XIX века улица дважды горела, в конце XIX века по приказанию генерал-губернатора ее сильно преобразовали. Современные путеводители много времени тратят на начало улицы. А в ее конец приходят редко, как будто там и смотреть нечего. И потому всякий, кто любопытствует о старинной улице, может найти информацию и про дом Черткова, и про Кузнецовский дом, и про Главпочтамт, да и про чайный дом Перловых, равно как про «дом трех композиторов» и «дом Юшковых», а также про усадьбу Лобановых-Ростовских.

Сегодня мы идем по Мясницкой улице от ее конца к началу. И, понимая, что в нынешнем «загруженном» информационном пространстве человек способен к восприятию ограниченной информации, будем по возможности краткими.

Вообще-то, конечно, с Мясницкой иначе и нельзя — улица «правительственная», со времен молодости Петра Великого по ней иначе как галопом и не ездил...

К тому же, согласно утвержденной схеме организации автомобильного движения, Мясницкая — односторонняя. Движение — со стороны Садового кольца.

Итак, начнем. За спиной — Садовое кольцо, перекресток с Орликовым переулки. Слева — недавно силь-

но перелицованные и превращенные в бизнес-центры доходные дома постройки начала XX века — № 50 и № 48. Во втором из них (доходном доме врача П. Воронина) находилась на последнем этаже квартира-мастерская Константина Алексеевича Корвина, который с 1901 года преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. На работу ходил отсюда пешком. А в советское время на первом этаже этого роскошного доходного дома располагался магазин «Диета». Кстати, никому не приходило в голову, что, если бы сейчас возродить этот подвид магазинов, можно было бы обогатиться? Ведь приверженцев ЗОЖ становится всё больше. Нельзя сказать, что дом № 50 — плохой пример переделки старинного фасада: архитектор создал необыч-

Угол Мясницкой и Садового кольца

Изначально особняк на углу Мясницкой и Садовой-Спасской, построенный во второй трети XIX века, имел всего три этажа. Со временем к нему добавили четвертый этаж, затем оборудовали мансарду и, наконец, пристроили здание повышенной этажности со стороны Мясницкой. В настоящее время здесь располагается бизнес-центр, а первый этаж занимает популярный ресторан

ную интеграцию ультрасовременного подхода в ткань старинной улицы. Напротив — двухэтажный угловой дом желтого цвета с белым лепным декором. Это дом купчихи Натальи Аплаксиной, в который она въехала в 1877 году. В 1920-е годы в особняке расположилось странное учреждение — «Государственный институт музыкальной науки».

Уютный дом закрывал собой заводскую территорию. Вся нечетная сторона до усадьбы Лобановых-Ростовских принадлежала крупным промышленникам — Московскому механическому заводу Липгартов. Московский механический завод фирмы занимался производством сельскохозяйственных машин, локомотивов — паросиловых установок на колесном ходу — и керосиновых двигателей для сельского хозяйства. Кроме того, Торговый дом «Э. Липгарт и К°» закупал сельхозмашины за границей и торговал ими в России, являясь представителем нескольких крупных иностранных фирм. Главный идейный вдохновитель компании — Эмиль Александрович Липгарт — всячески ратовал за введение в сельское хозяйство отечественных

усовершенствованных машин и орудий, которые могли значительно удешевить производство хлеба. Под его энергичным руководством дело быстро набирало ход, и в 1882 году из 12 складов сельскохозяйственных машин в Москве три принадлежали Товариществу «Э. Липгарт и К°». Азартные дельцы и горячие адепты технического прогресса, Липгарты в 1884 году установили на территории завода ветряной двигатель системы «Эклипс» — огромное, но очень элегантное сооружение, смелое решение технической и дизайнерской мысли. Двигатель не столько приносил экономические выгоды, сколько работал на имидж компании, подобно башне Эйфеля в Париже. Свой московский завод Липгарты превратили в образцовое предприятие. Фабричные корпуса были снабжены водяным отоплением, были устроены бассейн, манеж и даже деревянная обсерватория. Литейные, паровые, кузнечные и столярные мастерские, служебные помещения были выстроены в едином, так называемом «кирпичном стиле» (цигель бау). Постепенно московский завод компании дорос до возможных пределов,

Дом Липгарт на Мясницкой. Фото 1912 года

Нынешнее здание Госторга на Мясницкой, 47, построено в 1927 году, на месте дома, где с 1875 по 1914 годы размещалось Товарищество «Эмиль Липгарт и К°». Фото 1930 года

и было решено вынести производство локомотивов, керосиновых двигателей и сельхозмашин за городскую черту, основав новый механический завод в Люберцах, а потом еще один — во Владимирской губернии, под Ивановом. На Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 года в Нижнем Новгороде Эмиль Липгарт выступил с горячей речью, ратуя за организацию доступного кредитования на покупку машин исключительно русского производства. Его выступление произвело сильнейшее впечатление на промышленников, так что речь Эмиля Липгарта потом выпустили отдельной брошюрой.

На высвободившихся от завода территориях долгое время были склад и головная контора предприятия, а после собственники решили устроить здесь несколько доходных домов, которые построили бы по типовому проекту, используя материалы, произведенные на собственном предприятии. Процветание механического производства Товарищества «Э. Липгарт и К°» во многом обуславливалось наращиванием оборотов предприятий Щурова (сейчас — район подмосковного города Коломна, предприятие Липгартов функционирует до сих пор — это цементный завод), которые

на первых порах давали средства на развитие машинного производства. На рубеже веков реклама Товарищества «Э. Липгарт и К°» с гордостью сообщала, что оно производит «материалы высшего достоинства, употребленные при всех значительных постройках и сооружениях за последние 20 лет». В 1899 году Товарищество «Э. Липгарт и К°» заключило контракт со строительной комиссией по возведению и постройке университетских зданий, приняв на себя поставки цемента для постройки здания Физического института и Химической лаборатории при Университете и для Метеорологического института на Пресне.

В 1911 году Липгарты приступили к расчистке территорий своего завода. Согласно их планам, на огромном участке заводской территории предполагалось возвести 12 доходных домов от 7 до 9 этажей. Проекты домовостроения были разработаны А. Ивановым (автором перестройки гостиницы «Националь» и одним из архитекторов доходных домов Страхового общества «Россия») и И. Рыльским (архитектором-реставратором, занимавшимся работами на Китайгородской стене, строившим для клана Вогау и одним из авторов идеи соз-

дания Музея архитектуры в столице). Реализации планов помешала Первая мировая война. Зато получается, что именно она способствовала тому, что здесь появился один из памятников конструктивизма, который мы и наблюдаем во владении № 47.

Известный популяризатор советской архитектуры Денис Ромодин так описывает здание Госторга, возведенное коллективом архитекторов под руководством Б. Великовского: «Одна из ранних построек, выполненных в духе конструктивизма, представляет собой шесть симметрично расположенных объединенных вместе корпусов. На фасаде четко выявлена структура каркаса, служащего конструктивной основой здания. Активно использовано стекло, занимающее все поверхности между каркасом. Предполагалось семиэтажный объем дополнить 14-этажной башней, расположенной в центре. Однако башня осуществлена не была. Строгие геометрические формы, подчеркивающие деловое назначение здания, воспринимались как выражение острой современности, новизны». Борис Великовский успешно строил и до революции, его даже иногда называли придворным архитектором «фарфорового короля России» М. Кузнецова, но в таком

Дом 42 по Мясницкой, усадьба Барышникова-Бегичева, построена в конце XIX века Матвеем Казаковым

качестве, в качестве архитектора «новых смыслов», он выступил впервые в работе над данной постройкой. Это пример раннего конструктивизма — 1925—1927 годы. В мастерской Великовского работали такие известные конструктивисты, как А. Лангман, М. Барщ, Эль Лисицкий и другие.

При возведении этого серого колосса из бетона со стеклом не пострадало ни одного старинного строения — получилось, что Липгарты расчистили участок для полета конструктивистской мысли.

В те годы улица называлась Первомайской. До революции она также неоднократно меняла названия — то была Евпловкой (по храму Евпла), то Фроловкой (по храму Флора и Лавра). Но более всего прижилось — Мясницкая.

Пушкин, кстати, нашел место для улицы в своем произведении:

*«Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
...То ли дело быть на месте,
По Мясницкой развезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!»*

Впрочем, вам это процитирует любой экскурсовод. Хотя оно довольно уместно. Как раз рядом со зданием Госторга располагается городская усадьба Лобановых-Ростовских, а также — дом Летошневой, в котором размещалась 6-я Женская гимназия, а после революции — совпартшко-

ла. А напротив — так называемая усадьба Суворовых (на самом деле внучка полковника владела усадьбой недолго), которая стоит на фундаментах палат Льва Кирилловича Нарышкина; доходный дом, в котором жил Константин Юон (д. 46/2), и дом «трех композиторов» — это невысокие строения, напоминающие о сельском виде улицы в прошлые века.

Усадьба Лобанова-Ростоцкого — одна из построек знаменитого архитектора Кампорези (он приложил руку к необычному внешнему виду здания). В ней находилось знаменитое на всю Москву Реальное училище К.П. Воскресенского, контора Торгового дома Липгартов, а до этого в доме жили механики Бутенопы — те самые, что в 1851 году придали Курантам на Спасской башне Московского Кремля их нынешний вид. Здесь же в 1825 году открылась Школа рисования, положившая начало Строгановскому училищу.

В доме 41 сейчас находится какой-то банк, а изначально он был построен как доходный дом с магазинами для потомственной гражданки Анны Перловой, которой принадлежал и знаменитый чайный дом во владении 19 по этой же улице. В 1914 году вдова чаеоторговца Перлова проживала по этому адресу.

В канун Фестиваля молодежи и студентов власти города спохватились, что в столице довольно мало памятников, посвященных деятелям литературы и искусств. Волна докатилась и до этих мест — дом 42 (усадьба Ба-

Вид на здание Центросоюза (1928–1936 годы, архитектор – Ле Корбюзье) с проспекта Академика Сахарова. Фото 2012 года

рышников-Бегичева, построенная в конце XVIII века Матвеем Казаковым) подходил в качестве литературной координаты куда как лучше. Именно здесь Александр Сергеевич Грибоедов работал над «Горем от ума». Выяснив это, историки Москвы предложили поставить памятник поэту в 400 метрах от дома – в начале Чистопрудного бульвара. Во второй половине XIX века усадьба стала Мясницкой больницей для чернорабочих. В 1910-е – Мясницкой городской больницей. После революции огромное здание усадьбы быстро обветшало, и потому больницу перевели отсюда в 1923 году в Городскую больницу имени В. Короленко.

Перейдя Малый Харитоньевский переулок, нельзя не восхититься громадой здания Центросоюза, построенного по проекту великого архитектора-модерниста Ле Корбюзье. Правда, во всех довоенных справочниках и документах здание было записано за архитектором Н. Колли, но это просто потому, что сам Ле Корбюзье не был на строительной площадке – иностранцам в Москве не разрешали строить. В 2015 году перед домом установили памятник знаменитому архитектору работы А. Тыртышников.

Отсюда и до Тургеневской площади прохожий следует по широким и пустынным в любое время года тротуарам мимо высоких доходных домов по четной стороне. Ему невдомек, что во владении 40 по этой улице – настоящая московская достопримечательность: подлинный «нулевой километр». Императорский почтамт до 1783 года располагался именно здесь. В доме 38 хранилась богатейшая коллекция живописи, которая по качеству могла дать фору собранию Третьяковых. Дом был выстроен по проекту Н. Шевякова для доктора медицины Алексея Петровича Лангового. Гласный Думы, статский советник был страстным коллекционером – в его коллекции было более 150 картин: Архипов, Саврасов, Перов, Серов, Коровин, Поленов и многие другие.

Во владении А. Зиминной в Москве было несколько адресов – Кропоткинский переулок, 13, улица Машкова, 6, Мясницкая улица, 36, переулок Огородная Слобода, 3, и Пречистенская набережная, 15. Зимина (эту фамилию она получила от третьего мужа) в 1885 году унаследовала многомиллионное состояние своего отца – купца И. Бутикова. В 16 лет ее выдали замуж за Павла Рябушинского – два клана старообрядцев решили породниться. Однако уже очень скоро брак распался, и каждая из сторон устроила свою жизнь по-новому... Александра Ивановна Бутикова (она же Рябушинская) вышла замуж за поручика Владимира Дерожинского в 1901 году. И построила знаменитый особняк Дерожинской (по проекту Ф. Шехтеля). Через 9 лет брак распался. И Александра Бутикова (она же Рябушинская, она же Дерожинская) вышла замуж за Ивана Зимина, директора мануфактуры. С предыдущими мужьями Александра сохра-

Улица Мясницкая, 37. Усадьба Солдатёнова. Фото 2007 года

нила дружеские отношения. Английский консул (в 1912–1917 годах) Брюс Локхарт писал в воспоминаниях: «Мне занимательно было наблюдать, как мадам Зимина, московская миллионерша, каждое воскресенье обедала и играла в бридж со своими тремя мужьями – двумя бывшими и одним настоящим. Это показывало толерантность и понимание, которые в то время были за пределами восприятия западной цивилизации. Английские жены, однако, с ханжеским ужасом разводили руками».

По четной стороне следуют еще четыре дома, значительно переделанные в постсоветское время и потому не представляющие решительно никакого интереса.

А вот напротив, на нечетной стороне Мясницкой, – жемчужина здешних мест, для описания которой не хватит и тома. Мясницкая, 37, – усадьба купца Солдатёнова, которую он купил у семьи купца Докучаева. Главное здание после пожара 1812 года реставрировал О. Бове. Купец-старообрядец Козьма Терентьевич Солдатёнов был меценатом, покровителем художеств, в каком-то смысле ему должны быть благодарны москвичи до сих пор: Боткинская больница до революции называлась Солдатёновской, так как была выстроена на средства этого мецената. Он составил роскошную коллекцию живописи, общался с самыми просвещенными людьми своего времени. В особняке на Мясницкой размеща-

лись богатейшая библиотека и коллекция живописи, насчитывающая порядка 300 полотен. Известно, что Солдатёнов раньше П.М. Третьякова начал собирать картины русских художников. В его коллекцию входили произведения А.А. Иванова (в том числе эскиз картины «Явление Христа народу»), К.П. Брюллова («Вирсавия»), В.А. Тропинина («Автопортрет на фоне окна с видом на Кремль»), П.А. Федотова («Завтрак аристократа»), В.Г. Перова («Чаепитие в Мытищах, близ Москвы»), И.И. Левитана («Весна – большая вода») и другие, а также скульптуры М.А. Чижова, М.М. Антокольского, Н.А. Лаврецкого, Н.А. Рамазанова. Галерея была доступна для посетителей.

Кроме того, в усадьбе Солдатёнова хранилось собрание старинных икон, в том числе «Спас» Андрея Рублёва, приобретенный в Саввино-Сторожевском монастыре, а также подписные иконы XVI века – «Погребение Иоанна Богослова» мастера Никифора Славина и «Неделя шестая о слепом» мастера Истома Савина.

Для своей гражданской жены Клеманс Дебюи Солдатёнов выстроил большую усадьбу в Сверчковом переулке, 3, но жил с ней гостевым браком. Этой усадьбой Солдатёнов владел с 1852 до 1901 года. После его смерти коллекции книг и живописи были переданы в дар городу.

После революции в усадьбе устроили санаторий, а в Великую Отечественную войну в ней была Ставка

Перспектива улицы Мясницкая и знаменитый дом № 8, в котором располагается магазин фарфора

Отреставрированный фасад дома Салтыковых-Чертковых. В подвалах сохраняются палаты касимовских ханов

Верховного Главнокомандования. Говорят даже, что усадьба связана шахтой с вестибюлем станции метро «Чистые пруды». После войны в усадьбе жил Герой Советского Союза, маршал Л.А. Говоров. Позже здесь организовали общественную приемную Министерства обороны. Ну, вот мы и прошли улицу до середины.

26-й дом — комплекс зданий Московского почтамта, выстроенный на фундаментах дворца Меншикова. Новые флигели, спроектированные И. Залесским, были выстроены в самом начале XX века.

А в 1910 году началось строительство нового здания Почтамта, располагавшегося по красной линии Мясницкой. Петербургский архитектор О. Мунц и инженер А. Новиков планировали построить Главпочтамт в стиле роскошного византийского дворца. Фасад предполагалось украсить полосатой кладкой, типичной для построек Византии. Однако архитекторы братья Веснины, проектировавшие фасад, сделали его более лаконичным. Массивный главный вход в романском стиле, выступающий из основного объема здания, венчает световой барабан с уплощенным куполом.

В центре здания был спроектирован огромный операционный зал. В центре зала — дубовая стойка. По периметру — галереи с ажурными решетками и винтовыми лестницами. Зал

расположен на месте бывшего двора. Задняя стена зала повторяет контур дворца, стоявшего здесь прежде. Над перекрытиями большого зала работал инженер В. Шухов. Специально для Почтамта он разработал горизонтальную пространственную ферму. Световой фонарь над главным операционным залом — одна из уникальных конструкций инженера, сохранившихся в Москве.

В 1912 году состоялось торжественное открытие нового здания. С того времени Почтамт не подвергался какой-либо значительной перестройке и капитальному ремонту.

Огромный пустырь перед глухой стенкой московского театра «Et Cetera» под управлением А. Калягина — место, где с 1970-х годов застройка отсутствует. На Тургеневской площади (а она называлась и площадью Мясницкие Ворота, и площадью Флоровские Ворота, и с 1885 года — Тургеневской) когда-то располагалась знаменитая на всю Москву «Тургеневка» — публичная библиотека. Газета «Русские ведомости» от 13 сентября 1883 года сообщала: «Вчера, 12 сентября, состоялось первое после весьма продолжительных каникул заседание Московской городской думы. Председательствовал товарищ городского головы М.Ф. Ушаков. В том же заседании было доложено заявление потомственной почетной гражданки Варвары Алексеевны Морозовой,

в котором она, желая почтить память покойного И.С. Тургенева, предлагает Думе основать в Москве бесплатную читальню, в ведении Думы, наименовав ее «Тургеневскою». Для этого г-жа Морозова жертвует 5 тысяч рублей на приобретение книг и 5 тысяч рублей в виде фонда, на проценты с которого пополнялась бы читальня газетами, журналами и книгами; при этом она принимает на себя первоначальное обзаведение и содержание читальни в первые пять лет. Если же по истечении пяти лет она по какой-либо причине не захочет содержать на свой счет читальню, а город откажет принять ее на свое иждивение, то вся движимость читальни должна поступить в распоряжение жертвовальницы. Для читальни должен быть составлен устав. Дума приговорила выразить г-же Морозовой благодарность за такое крупное пожертвование, а составление устава поручить комиссии». Варвара Морозова заказала архитектору Д. Чичагову построить здание на пересечении Сретенского бульвара и Мясницкой улицы. Дом снесли. Библиотека перенеслась в здание Дома профсоюзов в Бобровом переулке.

Дом 22 — доходный дом Сытовых, 24 — доходный дом Строгановского училища, выстроенный по проекту Фёдора Шехтеля в 1905—1905 годах; 24, строение 2 — также предназначался для Строгановского училища (для извлечения дохода в пользу училища)

и построен по проекту А. Вебера. До 1890-х годов здесь располагался Художественно-промышленный музей. В 1909 году И. Иванов-Шиц перестроил здание.

Здание № 20 по улице Мясницкая было выстроено в 1890-е годы. Это Доходный дом наследников купца Ананова. Долгое время именно в этой постройке архитекторов А. Иванова и И. Рерберга располагалась головная контора знаменитой инженерной фирмы А. Бари, где главным инженером работал Владимир Шухов, помощниками инженера — Н. Жуковский и Л. Пастернак.

Комплекс зданий дома Юшкова (Академии живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова) избыточно описан в литературе, потому можно лишь повторить вслед за краеведами, что здесь была масонская ложа, что построен он якобы Баженовым, а семья Пастернаков провела в нём 16 лет. Наверное, фотографии с этим шикарным видом Мясницкой, 21, давно стали визитной карточкой улицы и столицы.

Дом 19 по улице Мясницкой тоже не раз попадал в поле зрения экскурсоводов и краеведов — знаменитый Чайный магазин Перловых тоже является значимой доминантой улицы. Удивительно, что после революции автор реконструкции здания в «китайском стиле» перестал строить

Мясницкая, 20

Мясницкая, 19

Мясницкая, 18

что-либо для людей, а занялся реорганизацией территории Московского зоопарка: знаменитая «Турья горка» и прочие ландшафтные изыски зоосада — дело рук известного московского аквариумиста и архитектора Карла Гиппиуса.

Для потомственного почетного гражданина, выборного купеческого сословия Михаила Ивановича Мишина в 1903 году был построен один из лучших московских домов — Мясницкая, 18. Строил Иван Барютин — соученик Шехтеля, один из авторов здания Московского ипподрома, дома Бардыгина на улице Воронцово поле. Первые два этажа этого бело-зеленого здания были отданы под торговлю посудой, лампами и люстрами, на двух верхних этажах — конторы. Частично сохранился первоначальный интерьер. Сферические своды в подбезде целиком покрыты плотным рельефным орнаментальным декором, состоящим из россыпи головок многолепестковых цветков. Настоящим сокровищем является деревянный резной с росписью потолок в одном из нынешних кабинетов четвертого этажа. После перестройки роскош-

ный дом на Мясницкой заняли магазины и конторы. Долгое время здесь находились машиностроительные и котельные склады Общества механических заводов братьев Бромлей. Рядом была контора Т. Гагена по продаже американских кассовых аппаратов «Националь». Качество этих аппаратов было таково, что они прослужили в советской торговле до 1960-х годов.

А напротив, в доме 17 по Мясницкой улице, до революции располагалось одно из зданий Ермаковской богадельни. В советское время появился 5-й этаж. И в доме в 1950–1960-е годы жил Иракий Луарсабович Андронников, советский писатель, литературовед, телеведущий, мастер художественного рассказа.

«Дом со Львом» (Мясницкая, 15) — владение фабриканта, управляющего Товариществом производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова, — Ивана Емельяновича Кузнецова, состоящего в родстве с Матвеем Сидоровичем. Дом многими считается самым красивым на Мясницкой, ведь он не стилизация под китайскую пагоду, а один из лучших домов столицы в стиле неоклассики. На фасаде — лепной

фриз, в аттике — фигура Меркурия, покровителя торговли. На первом этаже были магазины, в остальном доме — квартиры, сдаваемые внаем. Дом построен в 1908–1910 годах по проекту А. Милюкова, Б. Великовского и братьев Весниных.

Во владении 13 по Мясницкой улице стоит несколько домов. Их все объединяет только номер. Строение 1 — бывший жилой дом с конторой Русского электрического акционерного общества «Динамо», построенный по проекту С. Эйбушица. Строения 2 и 3 — перестроенные доходные дома с магазинами из владения С. Давыдовой. Свой нынешний вид они приобрели при реализации в 1913 году проекта Б. Великовского — того самого, что уже в советское время руководил строительством конструктивистского дома во владении 47 по Мясницкой улице. Серафима Давыдова, вдова тайного советника, владела большим количеством домов в Москве, маслобойным и химическим производством, но более всего известна была участием в благотворительности — она была попечителем Александро-

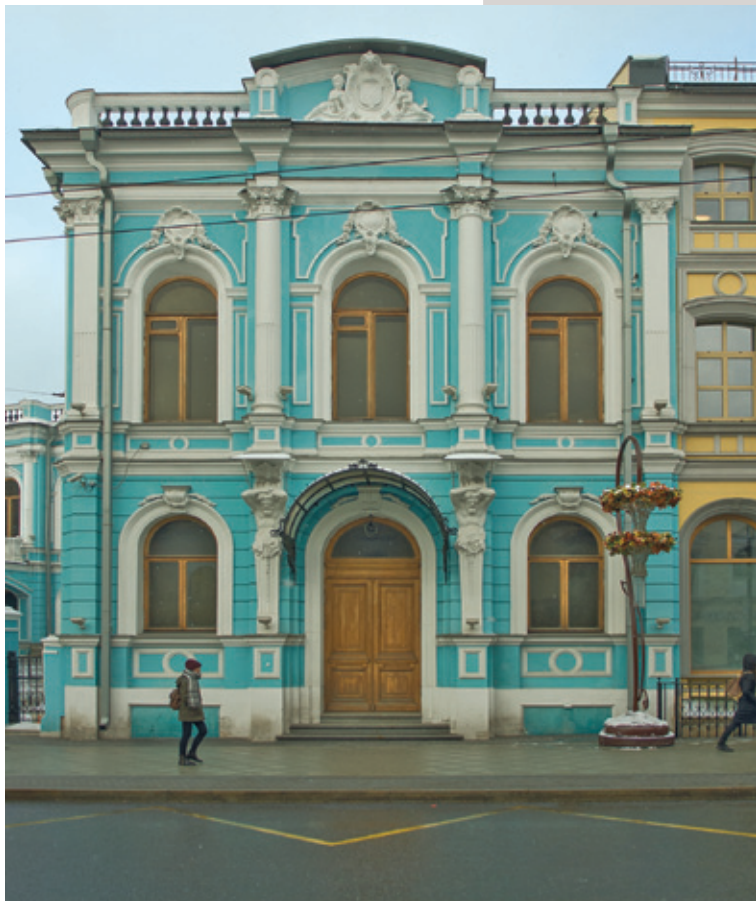
Маринского приюта для незащищенных детей.

Мясницкая, 16/1, — новый дом, возведенный недавно на месте доходного дома Ивана Соколова. Когда-то на первом этаже этого дома располагался магазин «Соки-Воды», где торговали на разлив сливовым, вишневым и томатным соками.

«Back in USSR»? Легко. Добро пожаловать в магазин «Охотник». Находится он в доме 12. Более 50 лет на одном и том же месте можно приобрести и наживки, и ружья, и ножи, и амуницию... даже вывеска не поменялась. Скоро станет памятником. Дом появился еще в 1833 году, а весь XIX век в нём располагался один из четырнадцати чайных магазинов Перлова. Если смотреть на фасад дома — справа видна замурованная арка: раньше проход во двор, к квартирам, сдававшимся внаем, был через нее.

На стрелке Большого Златоустинского переулка и Мясницкой стоит «дом с Меркуриями» — он построен Фёдором Шехтелем для Торгового дома М. Кузнецова — крупнейшего

Мясницкая, 7

производителя фарфора Матвея Сидоровича Кузнецова, двоюродного брата Кузнецова из 15-го дома по Мясницкой. На месте трехэтажного (а два этажа — это советская пристройка) дома когда-то стоял похожий по объемам дом, принадлежавший М. Погодину — профессору Московского университета. Но то строение обветшало, и Кузнецов принял решение о перестройке здания, выкупив его у очередного владельца. До революции здесь торговали посудой, потом до 1957 года был магазин готового детского платья, затем (почти 40 лет) — Центральная нотариальная контора № 1. В поздние советские времена здесь вновь разместился фарфор — торговля осуществляется в первоначальных интерьерах.

Мясницкая, 7, — один из самых знаменитых адресов этой улицы. Когда-то на месте дома Салтыковых—Чертковых стояли палаты касимовских ханов. Во времена Пушкина в доме размещалась первая публичная библиотека. Сейчас же в само здание стоит попасть (на одну из проходящих здесь выставок), чтобы увидеть

подлинный шедевр московского модерна — камин работы Ф. Шехтеля. Когда-то адрес Мясницкая, 6, значил очень много для всех московских детей — именно здесь до 1950-х годов в первых трех этажах располагался знаменитый на весь СССР магазин «Детский мир». Предприятие перенеслось в здание на Лубянской площади, и в высвободившиеся помещения въехал магазин «Книжный мир» (теперь — тоже книжный, только под другим названием). Само здание — «брат-близнец» строения 3 по Лубянской улице. Оба корпуса были возведены по проекту одного и того же архитектора для одного заказчика — Николая Стахеева, мецената, золотопромышленника, одного из богатейших людей предреволюционной России. Ему же принадлежали на Мясницкой и дома во владении 44, а также дом 6 по Большому Златоустинскому переулку.

Дом с конторами и магазинами дворянина и купца Густава Кеппена на углу Мясницкой и Фуркасовского переулка был возведен в 1905—1908 годах по проекту Романа Клейна. Между домом Кеппена (дом 5/12)

12 апреля 1894 года была оформлена купчая, согласно которой Мосолов уступал обществу «Россия» за 475 тысяч рублей серебром свое владение общей площадью 1110 квадратных саженей со всеми постройками. Общество «Россия» тут же обратилось к московским властям с просьбой о дозволении снести все находившиеся на участке строения, а на их месте построить новое каменное пятиэтажное здание с квартирами для сдачи внаем. Городские власти не возражали

и домом 3 втиснулось маленькое строение — доходный дом магазинов Московской духовной консистории. Оно сооружено по проекту П. Виноградова — архитектора клиник на Девичьем поле и талантливого реставратора.

Напротив магазина «Библио-Глобус» стоит изящное здание в неорусском стиле. Его занимает Главное управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. А когда-то это здание было выстроено по проекту архитектора В. Сретенского (и под надзором И. Бондаренко) для нужд Московской духовной консистории — управления по церковным делам.

Мясницкая, 2/1, — здание вычислительного центра КГБ СССР, за которым — проход в Музей Маяковского, поэта, прославившего эту замечательную улицу. Маяковский жил здесь. В советское время музей-квартира Маяковского считалась лучшим авангардным музеем. Разработал экспозицию московский художник Е. Амаспюр.

Строение 1/2, — сильно переделанный доходный дом Страхового общества «Россия». Переделан, правда, по проекту академика архитектуры А. Щусева для нужд всемогущего в СССР ведомства, но это особенно никого не вдохновляет, достаточно хотя бы раз рассмотреть дореволюционные фотографии площади. Когда Ле Корбюзье был в Москве и его

расспрашивали о том, каким, по его мнению, должен быть город, он рассказал, что, по его мнению, в городе он видел только два достойных здания — на Сретенском бульваре и на Лубянской площади, — и, наверное, стоило бы тщательно скопировать их чертежи, всю существующую застройку снести и застроить весь город такими домами.

Владимир Маяковский написал программное стихотворение «О Мясницкой, бабе и общемировом масштабе», и настало время его процитировать:

*Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сздаи с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь,
Балансируя
— четырехлетний навик! —
тащусь меж канавиц,
канав,
канавок.*

Всё стало значительно лучше: тротуары широки, освещение отличное, все ухабы — в прошлом. Мясницкая — настоящая московская улица, берегающая всевозможные сюрпризы для тех, кто готов искать.

В 1853 году газета «Московские ведомости» сообщала об изделиях фарфорово-фаянсовой фабрики Гарднеров в Вербилках: «Превосходную живопись, которую видим на гарднеровских произведениях высшего сорта, мы обязаны школе рисования, основанной графом С.Г. Строгановым, которая уже принесла и, без сомнения, еще принесет много пользы различным отраслям мануфактурной промышленности».

«Строгановка»: штрихи к портрету

В 1853 году газета «Московские ведомости» сообщала об изделиях фарфорово-фаянсовой фабрики Гарднеров в Вербилках: «Превосходную живопись, которую видим на гарднеровских произведениях высшего сорта, мы обязаны школе рисования, основанной графом С.Г. Строгановым, которая уже принесла и, без сомнения, еще принесет много пользы различным отраслям мануфактурной промышленности» (Цит. по: Вербилки. История фарфорового завода Ф.Я. Гарднера. — М.: Авангард, 2005. — С. 180.). Так оценивали современники деятельность существовавшей с 1825 года Школы рисования

в отношении к искусствам и ремеслам, главной целью которой было «доставлять ремесленным и торговым людям возможность улучшать свои изделия при содействии науки и искусства». Но конец 1850-х годов ознаменовал и начало эпохи беспрецедентных по масштабу государственных реформ, одним из последствий которых стало введение в 1857 году нового Таможенного тарифа, открывшего широкий доступ в Россию зарубежных товаров. Засилье иностранных изделий и предпринимателей на российском рынке составляло существенную конкуренцию отечественной промышленности. Оказалось, что рисо-

вальщики-копиисты, выпускаемые рисовальными школами, более не удовлетворяют возросшие потребности производства. Надо было готовить кадры настоящих промышленных художников.

С этой целью Школа рисования, переданная в 1843 году графом Строгановым в ведение государства, в 1860 году была объединена с Первой рисовальной школой, получив наименование «Строгановского училища технического рисования». В том же 1860 году Строгановка переезжает с Мясницкой улицы, из дома Бутенцов, на Страстную площадь в бывший особняк М.И. Римской-Корсаковой, известный в Москве как «Дом Фамусова».

Большим достижением Училища в этот период стала организация мастерских. В период обустройства открываются ткацкая, набивная, лепная, живописная и литографическая мастерские, а несколько позднее, около 1867 года, — керамическая мастерская. Главной задачей мастерских было производство на заказ художественной продукции, что составляло немалую часть дохода Строгановки.

1860—1870-е годы — блестящие годы Училища, когда его возглавлял директор Виктор Иванович Бутовский, всецело посвятивший себя возрождению национальных традиций в производстве. Цель Виктора Ивановича — в противовес слепому подражанию иностранным образцам представить промышленникам русский самобытный художественный стиль.

При Бутовском была организована работа педагогов и учеников по изучению художественных традиций древнерусского искусства. Они отправлялись в этнографические и археологические экспедиции для зарисовки древнерусского орнамента, разыскивали и копировали орнаменты X—XVI веков по древним рукописям, выполняли слепки белокаменного декора Владимиро-Суздальских храмов XII—XIII веков.

В 1864 году утверждено положение о «Художественно-промышленном музее при Строгановском училище технического рисования». Распоряжением императора Александра II была объявлена подписка на пожертвования для устройства музея.

Большие денежные пожертвования поступили от известного книгоиздателя и галериста К.Т. Солдатёнка, с 1865 года ставшего членом попечительского совета музея. Немалые средства пожертвовали С.Т. Морозов, К.С. Попов, П.А. Смирнов и еще более сорока крупных промышленников своего времени. В основу музейной коллекции вошли образцы древнерусского искусства, собранные Бутовским в экспедициях по старейшим русским городам. «Музей воспитает и разовьет в наших ремесленниках и фабричных самобытное чувство изящного и... потому желательно, чтобы он имел главной задачей — ознакомить русских с оригинальным творчеством русского искусства допетровских времён», — говорил Бутовский (Реферат члена Русского Археологического съезда, директора Центрального Строгановского училища технического рисования В.И. Бутовского, читанный в заседании съезда в Москве 16 марта 1869 г. // Бутовский В.И. Русское искусство. С. 173—174.).

Разместился Художественно-промышленный музей в бывшей усадьбе Строгановых—Шуваловых, принадлежавшей в то время Министерству финансов (ул. Мясницкая, д. 24). Любопытно, что ранее, с 1752 по 1760 год, усадьба принадлежала Строгановым. Для посещения широкой публики Музей был открыт 17 апреля 1868 года. Состоял он из трех отделений: художественного, промышленного и исторического. Первые два отделения составили ценные художественные произведения разных эпох, пожертвованные П.П. Вяземским, П.Н. Трубецким, Д.П. Боткиным и др. Последнее отделение, представлявшее наибольший интерес и посвящавшееся византийскому и древнерусскому искусству, составила та самая, собранная строгановцами, коллекция русских древностей. Со временем в экспозицию музея стали поступать экспонаты, выполненные самими студентами Строгановского училища.

Известный писатель Д.В. Григорович, увлекшись устройством музея, к его открытию составил и напечатал «Указатель Художественно-промышленного музея при Строгановском

С.Г. Строганов. Г.И. Грачёв. Гравюра. 1889 год

В.И. Бутовский. Середина XIX века

Образцы орнаментов из сборника «История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям». 1870 год

Страстной монастырь. Ф.И. Ясновский. 1877 год. Слева — «Дом Фамусова»

Автор: **Алексей Сазиков**
Фото: из архива автора

Диплом, полученный Художественно-промышленным музеем Строгановского училища за керамические изделия, выставленные на Международной выставке в Филадельфии. 1876 год

Диплом, полученный Художественно-промышленным музеем Строгановского училища за участие во Всемирной выставке в Париже в 1878 году

Керамическая мастерская Строгановского училища. Фото конца XIX века

училище технического рисования». Кстати, Григорович в юности, в 1830-е годы, посещал Строгановскую школу рисования, уроки в которой привили ему любовь к искусству.

В 1867 году произошло значительное событие в жизни Строгановки — Училище участвовало во Всемирной выставке (в том году она проходила в Париже) и впервые получило 2 серебряные медали: за «прикладное искусство» и техническое преподавание — собственно Училищу и за рисунки и слепки русских древностей — Художественно-промышленному музею. Директор Строгановского училища В.И. Бутовский с удовлетворением отмечал, что за рубежом русские орнаменты возбудили интерес не только у археологов, но и у промышленников.

В 1870 году выходит в свет издание копий с образцов древнерусского книжного орнамента — «История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям». Эта книга оказалась первой в череде последовавших исследований, посвященных древнерусскому искусству и его применению в художественной промышленности. Сам Бутовский так охарактеризовал значение сборника: «С появлением издания сего в свете, блистательно заявится в Европе впервые артистическое

значение России древних времен с десятого по XVII век. Публика ознакомится с русским стилем давно минувших лет и положится краеугольный камень возрождения сего стиля в XIX веке» (РГАЛИ, ф. 677, оп. 2, д. 13, л. 4. Цит. по: Исаев П.Н. К истории издания альбома В.И. Бутовского «История русского орнамента» // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. — 2011. — № 3, ч. 2. — С. 22.).

Собранный строгановцами орнамент из древнерусских рукописей лег в основу «русского стиля» 1870-х годов, одним из ярких проявлений которого стало здание Политехнического музея, построенного по проекту архитектора И.А. Монигетти, воспитанника Строгановской школы. Однако значение этих материалов оказалось гораздо шире, они инициировали в обществе дискуссию о корнях русского искусства. Именно Бутовский вслед за Стасовым впервые поставил вопрос о самобытности русского искусства, увидел, что «в России был свой русский художественный элемент» (Бутовский В.И. Русское искусство и мнения о нём Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого-архитектора, и Ф.И. Булаева, русского ученого-археолога: Критический обзор. — М., 1879. — С. 165.).

Налаживалась тесная и успешная связь Училища с промышленностью. О результатах этой работы говорит тот факт, что изделия учеников Строгановки широко выставлялись на Всероссийских мануфактурных выставках в 1861, 1865, 1870 и 1882 годах. При этом с самого начала подчеркивалось, что основная цель деятельности Училища — «дать нашим фабрикантам образцы совершенно новые, почерпнутые в источниках национального искусства» (О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 году. — СПб.: Изд. Ю.Д. Бокмана, 1867. — С. 201.).

«Почетными дипломами» на выставках в Вене в 1873 году и на Всемирной выставке в Филадельфии в 1876 году были отмечены заслуги Училища в популяризации русского национального искусства в художественной промышленности. А на Всемирной выставке 1878 года в Париже Училище получает Диплом первой степени. Работы строгановцев произвели большое впечатление на заграничную публику. В официальной брошюре, изданной в США и посвященной вопросам искусства и индустрии, говорилось, что «побудительный толчок к введению занятий ручным трудом в начальных школах и художественного элемента в элементарное образование американских детей был нам дан

Россией, предметными уроками обработки металлов Строгановской школы» (Доклад Т. Котырло // Известия Общества преподавателей графических искусств. — 1907, № 10. — С. 21.). Отмечалось также, что «искусство американских рабочих в разных отраслях промышленного труда следует приписать введению в школьные программы занятий рисованием», что было осуществлено «после осмотра... экспонатов Строгановской школы... на выставке в 1876 году» (Доклад Т. Котырло // Известия Общества преподавателей графических искусств. — 1907, № 10. — С. 21.).

Усилия Бутовского привели к созданию в работах воспитанников самобытного художественного стиля, впитавшего наследие народного искусства. Авторитет и значение Строгановской школы как социального явления год от года росли. Это не замедлило отразиться на жизни самого Училища — число абитуриентов заметно увеличилось. Если в 1858 году число учащихся сократилось до 70, то к началу 1870 года возросло до 200, а с учетом учеников-любителей, учениц женских классов и учащихся Воскресных рисовальных классов составило свыше 500 человек.

В 1874–75 годах для Музея прикладного искусства было построено новое здание, которое сейчас имеет адрес Мясницкая улица, 24/7, стр. 2 (архитектор Август Вебер). Но дом предназначался не только для музея, в нём

проходили занятия младших классов Училища, а большую часть помещений сдавали внаем. Украшавшие здание керамические орнаменты в «русском стиле» выполнены в мастерских Училища под руководством преподавателя Строгановки М.В. Васильева. В эти годы сильно было стремление возродить керамику как архитектурный декор, что в конечном итоге и осуществилось. Образцы работ керамической мастерской Строгановки до сих пор украшают Москву, это декор на доме Лопатиной близ Кудринской площади, доходном доме Строгановского училища на Мясницкой, здании Строгановского училища на Рождественке.

В первой половине 1880-х годов, во время директорства А.П. Оленина, Училище переживало кризис педагогической системы, выродившейся в далекую от жизни сухую схему. Выход из сложившейся ситуации пришлось искать новому директору, Фёдору Фёдоровичу Львову, назначенному на этот пост в 1885 году.

В 1890-е годах Строгановка стремилась выстоять против напора эклектики. Обновление образовательного процесса как раз и осуществил новый директор совместно с коллективом старейших педагогов. Прежде всего была изменена система преподавания, вернулись к изучению орнамента как первоосновы прикладного искусства. На изделия в различных народных стилях был большой спрос.

Кувшин в русском стиле XVI века. Вторая половина 1880-х годов. Преподаватель И. Гусарев

Проект керамического блюда в русском стиле XVIII века с портретами царей Петра и Иоанна Алексеевичей. Под ним — проект блюда с самаркандским орнаментом. Ученик Строгановского училища И. Крулев. 1886 год

В 1874–1875 годах для Художественно-промышленного музея было построено новое здание на Мясницкой улице (архитектор Август Вебер). В 1880–1883 годах на этом же участке было построено еще несколько корпусов, образующих целый комплекс доходных домов Строгановского училища. Фото начала XX века

Экспозиция Художественно-промышленного музея Строгановского училища. Зал античной скульптуры. Фото начала XX века

В училище сложился коллектив педагогов, тесно связанных с промышленностью (М.В. Бобров работал на ткацкой фабрике Морозова в Орехово-Зуеве, И.К. Иванов заведовал печатней на фабрике Сытина), такой подход обеспечивал прочную подготовку учащихся для будущей работы на производстве.

Строгановская школа за годы своего существования, помимо несметного числа художников, трудившихся на фабриках и мануфактурах в Москве и по всей России, вырастила также немало творческих личностей, ставших известными деятелями культуры и искусства. В 1860–1880-е годы проявили себя академик А.Е. Карнеев, участвовавший в живописных

работах в храме Христа Спасителя; М.А. Шишков, ставший профессором Академии художеств и главным художником-декоратором Императорских театров; профессор архитектуры И.А. Монигетти; исторический живописец К.В. Лебедев; архитектор И.С. Богомолов и многие другие.

Среди учащихся Строгановки этого периода вошли в историю такие мастера, как скульптор Н.А. Андреев, автор барельефов на фасаде гостиницы «Метрополь» и памятников Александру Островскому и Николаю Гоголю; знаменитый художник театра и кино В.Е. Егоров, оформивший спектакль «Синяя птица», кинофильмы «Дубровский», «Тринадцатый», «Мы из Кронштадта»;

Проект росписи церковного интерьера. М. Николаев, ученик 5-го класса училища

один из организаторов Московской театральной библиотеки, художник П.П. Пашков; художник, педагог и искусствовед Н.Н. Соболев, автор ставших хрестоматийными исследований «Стили мебели» и «Русская народная резьба по дереву»; И.В. Барков, художник московской ювелирной фирмы И.И. Хлебникова; известный театральный декоратор А.Ф. Гельцер. В июле 1890 года начался новый этап в истории Строгановского училища, было утверждено решение Государственного совета о приспособлении старых клиник Императорского Московского университета под помещение Строгановского Центрального училища технического рисования с Художественно-промышленным музеем. А спустя 2 года Строгановское училище переехало на Рождественку. **МНР**

Реконструкция комплекса зданий Строгановского училища в 1890–1892 годах (архитектор – С.У. Соловьёв). Фото начала XX века. Музей Московской архитектурной школы

Все и каждый у нас в стране бывали, знают или, по крайней мере, слышали о Политехническом музее в Москве. И знают о нём во многом благодаря Большой аудитории музея, где в годы «оттепели» проходили вечера, в которых принимали участие поэты-«шестидесятники»: Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, который посвятил этой аудитории свое стихотворение «Прощание с Политехническим».

Автор: **Алексей Дедушкин**
Фото: из архива автора

Музей прикладных знаний

Все и каждый у нас в стране бывали, знают или, по крайней мере, слышали о Политехническом музее в Москве. И знают о нём во многом благодаря Большой аудитории музея, где в годы «оттепели» проходили вечера, в которых принимали участие поэты-«шестидесятники»: Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, который посвятил этой аудитории свое стихотворение «Прощание с Политехническим»:

«В Политехнический!

В Политехнический!

По снегу фары шипят яичницей.

Милиционеры свистят панически.

Кому там хнычется?!

В Политехнический!..»

Но, конечно, Политехнический музей – это не только его Большая аудитория. Это первый общедоступный интереснейший музей, расположенный в специально построенном для него историческом здании в центре Москвы. Политехнический был создан благодаря совместным усилиям группы профессоров Московского университета, которые в 1863 году объединились в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) для популяризации естественных и технических наук. В Общество вошли преподаватели и выпускники

Университета, представители широких слоев просвещенной общности. Общество считало, что распространение просвещения вообще и разнообразных специальных научных знаний в частности является насущной потребностью Российского государства. И уже в 1864 году по инициативе профессоров Московского университета Г.Е. Шуровского, А.Ю. Давыдова, Н.К. Зенгера и А.П. Богданова была основана библиотека ИОЛЕАиЭ, в дальнейшем – библиотека Политехнического музея. В настоящее время библиотечный фонд музея хранит более трех с половиной миллионов изданий книг по различным областям науки и техники.

Московские городские власти поддерживали идею создания Политехнического музея. Существенную помощь оказали также предприниматели. Московская городская дума обратилась с ходатайством к императору Александру II о необходимости организации «общеобразовательного политехнического музея, посвященного прикладным знаниям, в Москве как центре русской промышленности, особенно нуждающейся в подобном учреждении». Осенью 1870 года последовало Высочайшее распоряжение об учреждении Музея прикладных знаний в Москве, а в апреле 1871 года по императорскому повелению из государственной казны было выделено пятьсот тысяч рублей для покрытия расходов по устройству музея. Московская городская дума выделила земельный участок в Лубянском проезде для строительства здания Политехнического музея. На этом месте в то время был пустырь, неофициально именуемый жителями «Яблочной» или «Арбузной» площадью, так как в сезон здесь шла бойкая торговля с возов яблоками и бахчевыми культурами. Интересен тот факт, что в ИОЛЕАиЭ первоначально рассматривались свои варианты размещения будущего музея: на университетском дворе, на Театральной площади, на месте дома бывшего Горного управления на Воздвиженке. Но, когда вопрос о размещении Музея прикладных знаний был передан на обсуждение в Московскую городскую думу, думская комиссия реши-

ла, что «местность, предназначенная для такого учреждения, как музей, должна соответствовать двум условиям: во-первых, она не должна быть удалена от центра города для удобства посещения его публикой, и, во-вторых, она должна быть достаточно обширна для возможности расширения музея в будущем...».

Основой для будущего Музея прикладных знаний стала часть экспонатов Всероссийской политехнической выставки 1872 года, устроенной ИОЛЕАиЭ для подбора и составления коллекций будущего музея. Выставка посвящалась 200-летию со дня рождения Петра I. Ее организаторы не ставили во главу угла демонстрацию последних достижений различных отраслей промышленности. Они преследовали учебно-образовательные цели. Выставочная экспозиция формировалась таким образом, чтобы подобранные экспонаты содействовали и в дальнейшем популяризации естественнонаучных и технических знаний. Интересно, что автором самого необычного – «Морского» – павильона выставки являлся архитектор И.А. Монигетти – один из будущих создателей первого корпуса Политехнического музея.

В конце 1872 года состоялось открытие музея во временном помещении на улице Пречистенке в доме купца М.А. Степанова. И экспонаты выставки были перевезены туда. В вопросе временного размещения музея оказал существенную помощь командор Московского речного яхт-клуба Г.Х. Мейен. Он уступил музею арендуемые у купца помещения клуба и в виде пожертвований музею оплачивал ежегодно четверть стоимости аренды помещений. Безвозмездно передавая музею образцы своей продукции, большую помощь в формировании экспозиций и коллекций музея оказали такие российские предприниматели, как купцы Морозовы, Крестовниковы и многие другие.

Управлял делами Музея прикладных знаний специально учрежденный в 1872 году Комитет под началом почетного председателя и двух товарищей председателя. Работой музея Комитет руководил вплоть до 1919 года.

Отдел прикладной физики и мануфактурный отдел на Политехнической выставке 1872 года

Медаль ИОЛЕАиЭ. Политехническая выставка 1872 года

Торжественная закладка фундамента Политехнического музея. 1875 год

ОСНОВОЙ ДЛЯ БУДУЩЕГО МУЗЕЯ ПРИКЛАДНЫХ ЗНАНИЙ СТАЛА ЧАСТЬ ЭКСПОНАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1872 ГОДА, УСТРОЕННОЙ ДЛЯ ПОДБОРА И СОСТАВЛЕНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ БУДУЩЕГО МУЗЕЯ. ПОСВЯЩАЛАСЬ ВЫСТАВКА 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I. УСТРОИТЕЛИ ВЫСТАВКИ НЕ СТАВИЛИ ВО ГЛАВУ УГЛА ДЕМОНСТРАЦИЮ ПОСЛЕДНИХ ДОСТИЖЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ОНИ ПРЕСЛЕДОВАЛИ УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

Скоро музей стал очень популярным среди москвичей. А главное, доступным. В Музее прикладных знаний работало порядка десяти отделов: прикладной физики, прикладной зоологии, технический, архитектурный, лесной, сельскохозяйственный отделы, отделы торгового мореходства, почтовой техники и промышленной этнографии, учебный отдел. В 1874 году по проекту члена Комитета, «старшего архитектора Московской дворцовой конторы» Н.А. Шохина, составившего план здания, профессора архитектуры И.А. Монигетти, выполнившего проектные

чертежи фасада и внутренней отделки здания, и архитектора А.С. Каминского, спроектировавшего главный вход и лестницу музея, началось строительство первого корпуса (в дальнейшем – центральный корпус), выполненного в русском стиле по желанию великого князя Константина Николаевича, который являлся в то время почетным председателем Комитета, ведавшего всеми работами. Строительство было завершено в 1877 году, и музей обрел свой собственный постоянный дом, где и были размещены экспонаты коллекции. А строительство музейных

Политехнический музей. Построена только центральная его часть, на месте южного и северного крыльев – пока пустыри, еще помнящие зверинец. Фото 1884 года

Площадь Ильинских Ворот.
Возле здания Политехнического музея.
Фото 1890–1900-х годов

зданий продолжалось еще в течение тридцати лет. В 1896 году закончилось строительство южного корпуса по проекту Н.А. Шохина и А.Е. Вебера. Часть помещений этого корпуса сдавалась в аренду с целью пополнения собственных денежных средств для нужд музея. Здесь были устроены Лубяно-Ильинские торговые ряды. В дальнейшем во всём комплексе здания музея подвальный, первый и антресольный этажи предназначались для сдачи в аренду под торговые помещения.

В 1907 году было закончено строительство северного корпуса. Здание возводилось в стиле модерн с использованием мотивов декора русской архитектуры по проекту гражданского инженера князя Георгия Ивановича Макаева, представителя рода грузинских князей Макашвили. Он обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем — в Петербургском институте гражданских инженеров. Помимо северного корпуса Политехнического музея, Макаев спроектировал в Москве интереснейшее доходное здание в стиле северного модерна, долгие годы ему и принадлежавшее, в Подсо-сенском (бывшем Введенском) переулке, а также Калязинское подворье на Лубянской площади. Музейный

корпус Г.И. Макаев строил совместно с архитекторами В.И. Ерамишанцевым и В.В. Воейковым. Кроме того, князь основал специальный фонд, на средства которого велось строительство северного крыла музея.

Политехнический музей стал к тому времени известнейшим научно-просветительским и культурным центром. В левом крыле здания размещалась Большая аудитория, ставшая впоследствии главной публичной площадкой города. Аудитория благодаря блестящему проекту архитектора и военного строителя А.А. Семёнова, который ранее совместно с архитектором В.О. Шервудом разработал также проект здания Исторического музея на Красной площади. Помимо Большой аудитории, здесь же располагались еще два зала, получившие названия Малых аудиторий. Имелись лаборатории — физическая и химическая, теплица в стеклянном фонаре на крыше, а также собственная метеорологическая станция, которая была расположена на последнем этаже здания. Большая аудитория музея была оборудована следующим образом: имелась сцена с трибуной лектора, за ней был расположен вытяжной шкаф для химических опытов с таблицей Менделеева

над ним. В зале были размещены деревянные скамьи из березы примерно на девятьсот мест. Из них шестьдесят мест не имели нумерации, остальные были пронумерованы. Естественный свет попадал в аудиторию через застекление в центре потолка — стеклянный купол. В дальнейшем интерьеры Большой аудитории неоднократно менялись. Так, к примеру, деревянные скамьи были заменены на кресла. 11 октября 1907 года Обществом народных университетов здесь была проведена первая лекция. В Большой аудитории музея проводились публичные демонстрации научных опытов, диспуты, конференции, читались лекции, проходили литературные вечера. Со сцены этой аудитории можно было услышать выступления В.В. Маяковского, И.А. Бунина, С.А. Есенина, А.Б. Мариенгофа, А. Белого, В. Хлебникова, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, К.И. Чуковского, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, Н.А. Заболоцкого, А.Т. Твардовского, Э.Г. Багрицкого, И.Е. Репина, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова; лекции К.А. Тимирязева, В.И. Вернадского, Нильса Бора о строении атомного ядра, Нобелевского лауреата И.И. Мечникова, академика Н.Д. Зелинского, Н.И. Вавилова, А.Е. Ферсмана и многих других

Новое здание Политехнического музея.
1907 год

известных современников первой половины XX века. А чего стоят только яростные дискуссии между имажинистами, футуристами и символистами! При беглом взгляде на комплекс Политехнического музея создается впечатление, что это единое здание, возведенное по одному архитектурному проекту. Но так только на первый взгляд. Как известно, три части комплекса Политехнического музея возводились в разное время и по проектам разных зодчих. На протяжении его строительства первоначальный проект И.А. Монигетти естественно претерпел определенные стилистические изменения. И если южный (правый) корпус хотя

и приобрел новые декоративные детали, но сохранил черты «русского стиля», то северная часть здания, возведенная в эпоху модерна, имеет существенные отличия. По мнению известного историка архитектуры М.В. Нащокиной, «несмотря на отдельные формальные находки (например, арочные окна центрального фасада, наложенные на живописные панно арочных ниш), эта часть здания слабее в архитектурном отношении, чем предыдущие. Впечатление усугубляется слабой живописью полихромных панно и грубыми лепными деталями, изображающими гигантские желуди, белок, другие природоморфные формы». Однако это дело вкуса каждого.

В 1907 году было достроено левое крыло музея, где размещалась Большая аудитория — важная публичная площадка Москвы

Лазарет в Политехническом музее.
1914–1916 годы

До наших дней Политехнический музей сохранил свой первоначальный облик, изменения, затронувшие декоративные элементы фасадов музея, незначительны и связаны с ликвидацией торговых помещений в нижних этажах комплекса. А вот цветочное решение фасадов было другим. Есть предположение специалистов, что окрас стен представлял собой сочетание белого и охристого цветов. А нынче они монохромные. После событий 1917 года музей был лишен государственной поддержки. Основным источником доходов явля-

лась сдача в аренду помещений. В аудиториях Политехнического стали проводиться партийные конференции, политические митинги. Вскоре музей перешел в распоряжение Народного комиссариата просвещения и был переименован в Центральный институт политехнических знаний. А в 1922 году «в ознаменование особых заслуг перед государством» и в связи с 50-летием со дня основания музей вновь переименовали в Российский государственный политехнический музей и передали в ведение Главнауки Наркомпроса.

С начала 1930-х годов в Политехническом музее неоднократно проводилась реорганизация. Были упразднены существующие отделы и создано три новых сектора: общий, фабрично-заводской и сельскохозяйственный, соответственно, экспонаты музея были перераспределены по этим секторам. Лаборатории превратились в центры по повышению квалификации рабочих. Страна развивалась, и в 1937 году появились уже иные постоянные отделы: энергетики, топливной промышленности, металлургии, машиностроения, химии,

Новая площадь в 1937 году

Автомобиль «Русобалта».
Фото 1970–1980-х годов

строительной, лесной и деревообрабатывающей промышленности, связи, приборостроения, сельского хозяйства, пищевой, текстильной и легкой промышленности, водного транспорта.

Годы Великой Отечественной войны не обошли стороной Политехнический музей. В июле 1941 года самые ценные экспонаты были упакованы в 10 ящиков, опечатаны и переданы начальнику Государственного объединенного музейно-библиотечного хранилища № 1 Л.Д. Морозову для эвакуации в г. Кустанай Казахской ССР. В октябре 1941 года в здание МК ВКП(б) на Старой площади попала авиабомба, и взрывной волной

в Политехническом музее были выбиты стекла, повреждены рамы, местами снесены внутренние перегородки, были повреждены многие экспонаты и частично разрушена крыша. Основные разрушения коснулись правого крыла музея. Пришлось отключить выведенную из строя систему отопления и водопровод, а наступали холода. В здании музея было три самостоятельные системы отопления, но не хватало угля. Пришлось переходить на печное отопление, а часть помещений южного крыла законсервировать. Все работы в музее отложили на весну 1942 года. До мая 1943 года музей был закрыт для посетителей, но организовывал передвижные выставки.

Послевоенное восстановление экспозиций Политехнического музея закончилось к 1950 году, а уже в 1956 году в нем работали пятьдесят демонстрационных залов и кабинетов, где были представлены более 20 тысяч экспонатов. К столетнему юбилею музея окончательно сформировалась структура его постоянных экспозиций. Политехнический музей был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А в 1988 году он получил статус головного музея истории науки и техники СССР и стал координировать работу других музеев технического профиля вне зависимости от их ведомственной подчиненности.

Экспозиция «Химизм получения
бутадиен-стирольного каучука».
Фото 2011 года

В 1991 году Указом Президента России Политехнический музей был объявлен «особо ценным объектом национального наследия России», затем получил статус учреждения федерального подчинения с функциями научного, просветительского, образовательного и культурно-досугового центра и перешел в ведение Министерства культуры РФ.

С 2010 года началась новая эра в жизни Политехнического музея. Было принято решение о разработке концепции создания на базе Политехнического нового музейно-просветительского центра, который объединит величайшие достижения науки, техники и общества. Главными действующими лицами в музее должны стать его посетители. На основании приказа Министерства культуры РФ фонд развития Политехнического музея провел конкурс на разработку концепции музея. В результате победила британская компания Event Communications. Концепция была одобрена Попечительским советом музея и утверждена приказом Министерства культуры РФ. Она предусматривает в том числе проведение реконструкции исторического здания

музея, увеличение публичного пространства, образовательных площадок, разработку просветительских и иных программ для посетителей разного возраста и уровня знаний.

Далее был объявлен международный архитектурный конкурс на разработку проекта реконструкции здания Политехнического музея. Победу одержал японский архитектор Дзюньи Исигами, обладатель «Золотого льва» Венецианской биеннале, с проектом «Музей как парк». Его проект предполагает весьма деликатное отношение к реставрации исторического здания музея и в то же время предусматривает увеличение публичных пространств, намеревается окружить здание Политехнического музея садом со всех сторон, а крышу сделать из сверхтонкого прозрачного материала, до этого никогда не применявшегося в нашей стране. В здании музея планируется убрать поздние перекрытия и вернуть ему дореволюционный галерейный тип. Будут полностью восстановлены изначальные интерьеры Политехнического, которые неоднократно менялись в советские годы.

9 января 2013 года здание Политехнического музея официально закры-

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЗАКОНЧИЛОСЬ К 1950 ГОДУ, А УЖЕ В 1956 ГОДУ В НЕМ РАБОТАЛИ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕМОНСТРАЦИОННЫХ ЗАЛОВ И КАБИНЕТОВ, ГДЕ БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ БОЛЕЕ 20 ТЫСЯЧ ЭКСПОНАТОВ. К СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МУЗЕЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО СФОРМИРОВАЛАСЬ СТРУКТУРА ЕГО ПОСТОЯННЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ. ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БЫЛ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Реставрационные работы в залах Политехнического музея. В пресс-службе музея утверждают, что реконструкция закончится в конце 2017 года. Фото 2015 года

Победителем конкурса на разработку Музея науки на базе Политехнического музея стало британское агентство Event Communications

лось на реконструкцию до 2018 года. В ходе переезда, когда сотрудники музея проводили инвентаризацию, за листами фанеры они обнаружили три тайника с неучтенными книгами. Среди них – трактат XVIII века на латинском языке, иллюстрированная акварелями немецкая книга о морских ракушках, атлас Чёрного моря, составленный в городе Николаеве, старые газеты и журналы. Есть весьма ценные экземпляры. Эксперты предполагают, что эти хранилища появились в 1920–1940-е годы.

В настоящее время полным ходом ведутся реставрационные работы. Специалисты внимательно следят за тем, чтобы ни одна историческая конструкция при проведении работ не пострадала.

Интересную находку обнаружили строители, когда расчищали помещения от старой отделки и стен, которые появились уже в советское время. Убрав одну из таких стен под лестницей, ведущей на второй этаж, они нашли за ней помещение, где находились вещи 1930–1940-х годов. Среди них – детская кроватка, два венских стула, учебники английского языка, мячи для крикета, детская хоккейная клюшка, сосуды для химических реактивов, примус и металлическая посуда. Строители нарекли свою находку «каморкой Гарри Пот-

тера времен СССР» за скромность помещения и его местоположение. В комнате нашли также негативы, на которых разглядели, по всей видимости, супружескую пару с тремя детьми. Сотрудники Политехнического музея предположили, что вещи могли принадлежать детям кого-то из прежних работников, проживавших в комнатах на нижнем этаже с начала 1920-х годов. Есть также мнение, что это помещение являлось чуланом, куда складировали найденные предметы обихода.

А еще на территории здания музея, в подвале южного крыла, была обнаружена страшная находка – неразорвавшийся снаряд времен Великой Отечественной войны. Рабочие были срочно эвакуированы, а на место происшествия вызвали саперов Московского военного гарнизона.

По окончании реконструкции Политехнического предполагается, что музей окажется поделен на две функциональные зоны: «классический музей» и «музей-парк».

«Классический музей» будет включать «галерею материи», «галерею энергии», «галерею информации», химическую лабораторию, Большую аудиторию на семьсот мест, фойе лектория и самой аудитории. Задействованы будут и чердачные пространства музея.

Новости Департамента культурного наследия города Москвы

Составитель: **Татьяна Дроздова**

13–14 октября 2016 года в Москве состоялась Международная конференция «Сохранение памятников индустриальной архитектуры – современный этап реорганизации промышленных территорий». Главной темой конференции стала уникальная промышленная застройка города как часть его исторического облика. Обсуждались реставрация и внедрение производственных зданий в современную жизнь Москвы. Отдельной темой конференции стало приспособление промышленных территорий под арт-пространства, бизнес-центры, жилые лофты. Были представлены выявленные ранее объекты промышленной архитектуры, признанные исторической и культурной ценностью города Москвы.

Элитный квартал «Wine house» – бывшая территория Московского завода шампанских вин «Корнет». Он

включает в себя отреставрированное здание 1888–1889 годов постройки складов «Товарищества водочного завода, складов вина, спирта и русских и иностранных виноградных вин П.А. Смирнова в Москве» архитектора Н.А. Воскресенского. В ходе реставрации произведено восстановление архитектурно-художественного оформления фасадов.

Лофт-квартал «Даниловская мануфактура» – создание современной зоны городского пространства с учетом сохранения и восстановления исторической застройки конца XIX века бывшего Товарищества Даниловской мануфактуры 1867 года основания.

Административно-деловой комплекс «Голутвинская слобода» – бывшая текстильная мануфактура, открытая П.М. Рябушинским в 1846 году. В 1870-е годы братья Ис-

томины реорганизовали производство, усовершенствовали пространство фабрики. В конце 1880-х годов были построены новые складские и производственные здания.

Деловой квартал «Красная Роза» включает в себя фабричную архитектуру второй половины XIX века – Шелкоткацкую фабрику Клода-Мари Жиро.

Арт-пространство «Арма» (бывший Московский газовый завод) и «Art-Play» (Московский приборостроительный завод «Манометр») стали популярными местами для организации выставок и мероприятий, связанных с современным искусством.

В сентябре 2016 года жилой дом П.В. Щапова архитектора А.О. Вивьена (1867 года) был включен в реестр объектов культурного наследия города Москвы. Купец В.И. Щапов выкупил часть земли в 1832 году

в районе Большого Демидовского переулка и начал строительство фабричных и хозяйственных сооружений. В 1867 году получил разрешение на строительство каменного здания под конюшню, сарай, погреб и сеновал. Архитектором проекта стал А.О. Вивьен.

В ходе программы «Моя улица» на пересечении улиц Новый Арбат и Поварской, возле храма Симеона Столпника, археологи обнаружили латунную табличку, датированную 1889 годом. Гравированная надпись гласит о строительстве новой ограды близлежащего храма: «1889 г. 30 июля. Воскресенье. Сия ограда вновь устроена на средства жертвователя, прихожанина, дворянина, отставного капитана Степана Андреевича Чихачёва, при настоятеле церкви св. Симеона Столпника, настоятеле церкви св. Михаила Дмитриевича Успенском и церковном старосте, дворянине, надворном советнике Николае Николаевиче Галузине».

Поварской, священнике Михаиле Дмитриевиче Успенском и церковном старосте, дворянине, надворном советнике Николае Николаевиче Галузине».

Табличка будет передана на экспозицию в Музей Москвы. Важно отметить, что описываемая ограда не сохранилась, так как была снесена в 1960-е годы.

Вокзал железнодорожной станции Петровско-Разумовское второй половины XIX века получил статус выявленного объекта культурного наследия как образец железнодорожного строительства. Изначально планировалось создание телеграфного поста для обслуживания путей Николаевской и Окружной железных дорог, но проект не был реализован.

В конце XIX века здание было перестроено для размещения в нем пассажиров, была перенесена платформа, в облике здания были добавлены архитектурно-художественные элементы в «русском стиле».

Больничный корпус Мясницкого отделения Чернорабочей больницы 1875 года архитектора А.А. Мейнгарда в переулке Огородная Слобода получил статус выявленного объекта культурного наследия города Москвы. Здание представляет собой редкий образец деревянной архитектуры конца XIX века, сохранившийся до настоящего времени практически без изменений. Это двухэтажное деревянное здание возведено при решении о расширении пространства для размещения больных, а также в каче-

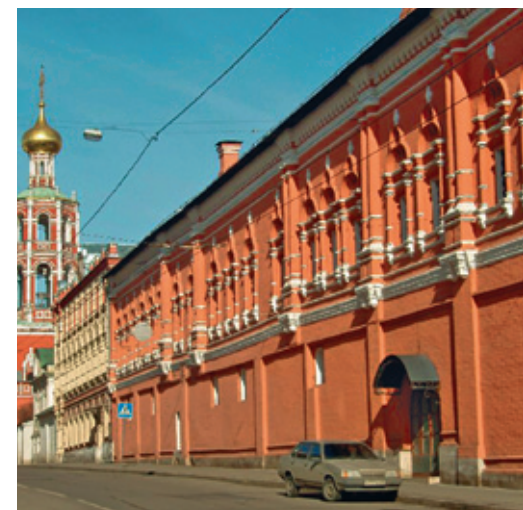

стве жилья для обслуживающего персонала больницы.

В конце 1930-х годов основная застройка больницы была снесена, кроме двухэтажного корпуса. Особенно важно подчеркнуть сохранность декоративного оформления с резными деревянными деталями 1870-х годов.

Кельи Высоко-Петровского монастыря по проекту московского епархиального архитектора С.В. Крыгина (1890 год) включены в реестр выявленных объектов культурного наследия.

Братские кельи пристроены к комплексу Высоко-Петровского монастыря XVII–XVIII веков на месте разобранный монастырской стены, примыкая к Нарышкинским палатам конца XVII века. Главный фасад стилизован под «нарышкинское барокко». Кельи представляют собой трехэтажное каменное здание, крышей четырехскатной вальмовой крышей, увенчанной фигурным аттиком и кирпичным декором в стиле русского узорочья. Частично сохранены

изначальная планировка здания и элементы интерьера, например чугунные лестницы.

Закончена реставрация городской усадьбы С.М. Шибаева XIX века. Авторство архитектора А.С. Каминского удалось восстановить по архивным документам, чертежам и подписям.

Первый объем дома относится к началу XVIII века и представляет собой каменные палаты. В этот период домовладение принадлежало князьям Бельским. В конце XVIII — начале XIX веков дом был реорганизован: надстройка палат, пристройка новых объемов, а фасад представлял собой характерный образец архитектуры эпохи классицизма.

В 1874 году новым хозяином домовладения становится боголюбский купец первой гильдии С.М. Шибаев. По его заказу проектируется абсолютно иной облик существующего здания: меняется оформление парадной анфилады, убирается портик, на фасаде появляется декор в эклектичном стиле с элементами русского стиля. Меняется также застройка самого участка.

В конце XX века дом и участок переходят в собственность города: здесь организуется отделение Басманной больницы.

В ходе современной реставрации дома-усадьбы отремонтированы кладки фундаментов и стен; восстановлены конструктивные элементы под-

валов и сводов; отремонтированы деревянные перекрытия; произведена реставрация крыши. В экстерьере здания восстановлены утраченные декоративные элементы, а на северном фасаде обновляется галерея 1880-х годов с чугунными столбами и решеткой. Окнам возвращены исторические формы и восстановлено их расположение на фасадах.

В интерьере дома воссоздано колористическое решение, восстановлены утраченные фрагменты сохранившейся печи камина, а также художественный набор паркета и исторические формы дверных проемов.

В январе 2016 года завершена реставрация фасадов Московского

торгового банка Н.А. Найдёнова («Доходного дома А.С. Павлова и Н.С. Калинина», М.Ф. Казаков, 1790-е годы, Б.В. Фрейденберг, 1882 год).

Первый объем здания спроектирован М.Ф. Казаковым на месте Посольского двора в конце XVIII века. В начале 1880-х годов здание выкупил Московский торговый банк Н.А. Найдёнова. Основатель банка известен своим вкладом в краеведение: за свой счет он выпустил ряд изданий, ставших классикой истории Москвы. В его альбомах представлены многие памятники, не дошедшие до настоящего времени. Всего было выпущено 14 альбомов. Однако наиболее известным является снимок панорамы Москвы 1860-х годов, снятый с обходной галереи храма Христа Спасителя.

Здание было реконструировано и перестроено под руководством архитектора Б.В. Фрейденберга. По проекту первоначальное планировочное решение во многом было сохранено. Добавлены элементы, свойственные архитектуре конца XIX века. В экстерьере появилась эклектичность.

В 1934—1981 годах здание принадлежало Министерству культуры. В настоящее же время там находится Управление делами Президента РФ.

В ходе современной реставрации очищены лепные фрагменты, окрашены поверхности, покрытые штукатуркой, а также выполненные из гипса.

Проект реставрации здания вернул ему исторический облик. **МНР**

В конце 1877 года жители Новослободской улицы предложили переименовать ее в Долгоруковскую — в честь московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Несмотря на то что это было против всех правил (градоначальник здравствовал и успешно выполнял свои обязанности, да и до его юбилея было еще далеко), Московская городская дума ходатайство утвердила.

Князь удельный: Владимир Долгоруков

Праздник Долгоруковской улицы

В конце 1877 года жители Новослободской улицы предложили переименовать ее в Долгоруковскую — в честь московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Несмотря на то что это было против всех правил (градоначальник здравствовал и успешно выполнял свои обязанности, да и до его юбилея было еще далеко), Московская городская дума ходатайство утвердила. Причиной, которая побудила жителей Новослободской выступить с прошением о переименовании, стали заслуги генерал-губернатора в шедшей тогда Русско-турецкой войне.

Конечно, князь Долгоруков на театре военных действий не бывал, но Московское общество попечения о раненых и больных воинах (в 1879 году переименованное в Российское общество Красного Креста), председателем которого был московский генерал-губернатор, собрало почти 1,5 млн рублей на нужды раненых и организовало двадцать госпиталей, один из которых назывался по имени главного жертвователя: «Госпиталь имени князя Владимира Андреевича Долгорукова». Москва снарядила два санитарных поезда, которые за войну перевезли 12,5 тысяч раненых. Один из поездов также

Автор: **Алексей Зарубин**

Баррикады на Долгоруковской улице у дома Афремова. Фото 1905 года

Портрет московского военного генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. В.Г. Перов. 1875 год. Собрание А. Смузикова

В 1870 ГОДУ БЫЛ ПРИНЯТ МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ УСТАВ, СОГЛАСНО КОТОРОМУ СОЗДАВАЛАСЬ НОВАЯ ВСЕСОСЛОВНАЯ ДУМА, КУДА ИЗБИРАЛИСЬ ГЛАСНЫЕ ИЗ ВСЕХ СОСЛОВИЙ ПО ИМУЩЕСТВЕННОМУ ПРИЗНАКУ. ПРАВО СТАТЬ ИЗБИРАТЕЛЕМ БЫЛО ТОЛЬКО У ТЕХ ГОРОЖАН, КТО ПЛАТИЛ НАЛОГИ. ИЗБИРАТЕЛИ ДЕЛИЛИСЬ НА ТРИ КУРИИ: КРУПНЫЕ, СРЕДНИЕ И МЕЛКИЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКИ. КАЖДАЯ ИЗ КУРИЙ ВЫБИРАЛА ПО ШЕСТЬДЕСЯТ ГЛАСНЫХ, КОТОРЫЕ УЧАСТВОВАЛИ ЕЩЕ И В НАЗНАЧЕНИИ ЧЛЕНОВ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

именовался «Долгоруковским». Кроме того, в 1878 году Первопрестольная собрала 2,2 млн рублей на приобретение судов добровольного флота. Заниматься вопросами снабжения князю Владимиру Андреевичу Долгорукову было не впервой: его военная карьера шла по административно-экономической части. Конечно, в юности он лично отличился в польской кампании 1831 года, но затем был назначен адъютантом к военному министру князю Чернышёву, где совершил несколько успешных ревизорских командировок, наблюдая за действиями интендантского ведомства.

В 1848 году князь был назначен генерал-провиантмейстером Военного министерства и восемь лет руково-

дил Провиантским департаментом — снабжал армию продовольствием. Должность провиантмейстера была прекрасной синекурой, на которой другой, менее чистоплотный, человек сколотил бы приличное состояние. Однако даже недоброжелатели отмечали необычайную честность Долгорукова — и на этом посту, и позже, в Москве. К примеру, Гиляровский в 1880-х объяснял неподкупность Долгорукова тем, что губернатор не нуждался в деньгах. «Старый холостяк, проживший огромное состояние и несколько наследств, он не был кутилой, никогда не играл в карты, но любил задавать балы и не знал счёта деньгам, даже никогда не брал их в руки». Похоже, гораздо ценнее денег для Долгоруко-

ва были благоволение двора и уважение москвичей.

Кстати, по торжественному случаю переименования улицы Новослободской в Долгоруковскую хотели устроить обед, но генерал-губернатор предложил отдать собранные по подписке «обеденные» деньги на лечение раненых. Пришлось ограничиться скромным завтраком. Гостей потчевали кулебякой с зернистой икрой, консоме в чашках, провансалем из рябчиков, разварными осетрами... На десерт был сюрприз: пирожное «Праздник Долгоруковской улицы».

Мягкая сила

В современной внешней политике есть термин «мягкая сила» (от англ. soft power) — это способность доби-

Поварская улица, д. 52/55 (Б. Никитская улица, д. 55/52). Усадьба принадлежала сначала князьям Долгоруковым, затем семейству графа и писателя В.А. Соллогуба. Фото: В. Разумов, 2011 год

ваться нужного результата не с помощью давления или агрессии, а на основе добровольного участия, симпатии, привлекательности. Термин «мягкая сила» впервые употребил профессор Гарвардского университета Джозеф Най в 1990 году, но еще в середине XIX века московский генерал-губернатор Владимир Долгоруков необычайно успешно пользовался этой самой «мягкой силой».

Одним из главных результатов деятельности князя Долгорукова были реформы городского самоуправления — земская и городская, — которые градоначальник осуществил в рамках всероссийских преобразований. 3 октября 1865 года состоялось открытие Московского губернского земского собрания. Это произошло всего лишь через месяц после назначения князя Долгорукова генерал-губернатором, и для многих земцев заседание в Благородном собрании стало первым знакомством с градоначальником. «Дарованные вам Всемиловитивейшим Государем права и доверие сословий, избравших вас своими представителями, налагают на вас важные обязанности и заботы. Оправдать вашими действиями доверие Монарха и всех сословий — вот прекрасная цель, вот дорогая для вас награда, которая предстает вам», — заявил новый генерал-губернатор. После этого Долгоруков не стал агитировать,

приказывать или давить, а просто... уехал, что необычайно понравилось москвичам. Земское собрание Первопрестольной стало примером для всей России, ведь петербургский коллега московского градоначальника граф Левашов не нашел общий язык со столичными земцами, и земское собрание в Санкт-Петербурге было закрыто «за возбуждение недоверия к правительству».

В 1870 году был принят Московский городской устав, согласно которому создавалась новая Всесословная дума, куда избирались гласные из всех сословий по имущественному признаку. Право стать избирателем было только у тех горожан, кто платил налоги. Избиратели делились на три курии: крупные, средние и мелкие налогоплательщики. Каждая из курий выбирала по шестьдесят гласных, которые участвовали еще и в назначении членов Городской управы. Целью создания Всесословной думы было сложение частных интересов ради процветания Москвы.

Дума получила обширные полномочия и превратилась в полномочного распорядителя городским хозяйством. Собрание ведало благоустройством города, народным образованием, призрением бедных, развитием промышленности, выделяло средства на содержание тюрем, пожарных команд, полиции (кстати,

Нагрудный знак в память 50-летия Земских учреждений

Воскресный торг у Сухаревой башни. «Всемирная иллюстрация». – 1883, № 11

Первый в Москве крытый рынок построен архитектором Львом Далем (сыном В.И. Даля) в 1876 году на Садово-Смоленской. Здание это простояло до 1930-х годов и было разобрано при расширении Садового кольца. «Всемирная иллюстрация». – 1877, № 2

в 1881 году князь Долгоруков реформировал старую московскую полицию и кардинально изменил административно-территориальное деление города).

Благодаря активному сотрудничеству генерал-губернатора с Городской думой, гласными которой были лучшие представители купечества, Первопрестольная превратилась в экономический и промышленный центр Российской империи. Известный юрист и писатель Николай Давыдов писал: «Что-то неуловимое измени-

ло общий вид Москвы, отняв у нее свойственные ей прежде характерные черты неподвижного захолустья, столицы сонного царства. Прежние алебардисты-будочники исчезли. Освещение — новыми керосиновыми лампами — казалось после масляного великолепным, во многих домах, особенно же в магазинах, ввелось газовое освещение, на улицах стало, несомненно, оживленнее, и сама толпа несколько расцвела и подобрались. Магазины, в особенности на Тверской и Кузнецком мосту, приня-

ли более элегантный вид, витрины их стали пышнее и заманчивее. Дух “николаевской эпохи” отжил. Общество старое, патриархальное, связанное с крепостным правом, стусевалось. Торговая и промышленная Москва наводнилась массой новинок, предметами первой необходимости и роскоши, сначала заграничного, а затем и русского производства, вытеснившими из обихода почти всё свое доморощенное. Демаркационная линия была перейдена: дореформенная старая Москва отжила, стала достоянием прошлого». Город при Владимире Долгорукове расцвел и похорошел. Жить в Белокаменной стало гораздо удобнее. В этом номере журнала изменениям в городской жизни при Долгорукове посвящен отдельный материал — «Дела московские в конкретном приближении».

Благотворитель

Справедливости ради стоит заметить, что не всем нравилась «долгоруковская Москва». К примеру, Лев Толстой, который периодически наезжал в Первопрестольную, натренированным взглядом борца с несправедливостью жизни обязательно отыскивал изъяны. 5 октября 1881 года классик записал в своем дневнике: «Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию. И пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманить у них назад награбленное».

Однако генерал-губернатор заботился и о простом народе. В 1866 году попечением Долгорукова на общественных началах был создан Московский комитет охранения народного здоровья. При Долгорукове открылось множество больниц: Щербатовская для больных тифом, Медведниковская для неизлечимых на Большой Калужской улице, 1-я городская детская больница в Сокольниках, Бахрушинская на Стромьнке и амбулатория для бедных на Арбате... А Басманная, Мясницкая и Яузская больницы стали лечить черно-рабочих за счет средств Московской городской думы. Число москвичей, получавших медицинскую помощь, увеличилось за четверть века в семь раз — с 6 до 42 тысяч человек в год. Цифра покажется не такой большой, если учесть, что и численность московского населения увеличилась втрое, больниц всё равно не хватало, но прогресс был.

Самые большие суммы на решение медицинских проблем Москвы давали меценаты, с 1868 года на здравоохранение было пожертвовано более 6 млн рублей. Не зря генерал-губернатор поддерживал хорошие отношения с предпринимателями, которые щедро жертвовали на строительные проекты и благотворительность в обмен на различные льготы и поправки.

Долгоруков тоже был одним из первых благотворителей города. Он состоял председателем или попечителем в десятках благотворительных обществ. Жертвовал личные деньги на богадельни, приюты, храмы, в пользу нуждающихся студентов, бедных артистов, художников... В начале 1870-х годов молодое дарование Исаак Левитан стал получать именную стипендию князя Долгорукова. Генерал-губернатор побывал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, восхитился работами будущего мастера «пейзажа настроенного», узнал о его бедственном положении и предоставил стипендию.

Закон по-отечески

Генерал-губернатора Владимира Долгорукова не раз называли «удельным князем». Этот барин с душой нараспашку управлял Москвой, как

Московский городской. Фото П. фон Гиренсона, 1899 год

своей отдельной от империи вотчиной, и потому сглаживал острые углы государственной политики и при реформах Александра II, и при реакции Александра III. А зачастую защищал «своих», московских, от гнева Петербурга, был полновластным хозяином Первопрестольной и сам решал, кого журить, кого миловать.

Историк Иван Линниченко так характеризовал Долгорукова в начале XX века: «К Владимиру Андреевичу, крайне доступному, обращались все с просьбами самого разнородного, порою фантастического, но в общем всегда сверх законного порядка; князь обещал всем, а очень многим помогал своим крупным авторитетом и обширными связями в делах, по роду своему не подходивших ни к какому административному учреждению. Как ни мягко и по-магнатски вежлив был Владимир Андреевич, но в его просьбе слышался приказ, и не исполнить ее не решался никто. Он любил Москву, в которой чувствовал себя почти на положении старого удельного князя. Он знал свою Москву, и Москва знала и любила его». В этой цитате главное словосочетание: «сверх законного порядка», —

в Москве Долгоруков был выше закона, но дела решал даже не по справедливости, а по-отечески. Владимир Гиляровский описывал случай с издателем газеты «Московский листок» Николаем Пастуховым, который вызвал гнев генерал-губернатора публикацией своего низкопробного романа «Разбойник Чуркин». Беллетрист вывел разбойника в виде народного героя, довольно натуралистично описывал «подвиги» Чуркина, да еще и сопровождал рассказы иллюстрациями краж и грабежей. Тираж «Листка» утроился, но Долгоруков вызвал издателя к себе:

« — Вы что там у меня воров и разбойников разводите своим Чуркиным? Прекратить его немедленно, а то газету закрою!

Струсил Н.И. Пастухов. Начал что-то бормотать в защиту, что неудобно сразу, надо к концу подвести.

— Разрешаю завтра последний фельетон!

— Да как же! Ведь Чуркин!

— Удави Чуркина или утопи его! — рассердился князь и повернулся спиной к ошалевшему Н.И. Пастухову.

— Ваше сиятельство... Ваше сиятельство...

Угол Садовой и Владимирской-Долгоруковской. Дом Чижикова и аптека Рубановского. 1905 год

В.А. Долгоруков вопросительно обернулся.

— Завтра кончу-с! То есть так его расказню, что останетесь довольны!

И расказнил! На другой день появился последний фельетон: “Конец Чуркина”, — в котором свои же разбойники в лесу наклонили вершины двух берез, привязали к ним Чуркина и разорвали его пополам». Предшественник Долгорукова на посту московского генерал-губернатора граф Закревский или его преемник великий князь Сергей Александрович просто закрыли бы газету.

Хозяин столицы

Несмотря на любовь, москвичи не прочь были пошутить над «хозяином Москвы», поминали паричок, нафабранные усики, невзыскальный рост, говорили, что градоначальник под мундиром носит корсет... Долгоруков снисходительно относился к подобным шуткам. Он с первых дней службы понял Москву с ее патриархальными обычаями и полюбил их. Генерал-губернатор любил помолиться в маленьких тесных церквушках, попариться в Сандунах, запросто прогуляться по Тверской, побывать на народных гуляниях...

А балы, которые устраивал сам губернатор, стали настоящей московской достопримечательностью. Правда, недоброжелатель Долгорукова Владимир Гиляровский утверждал, что в роскошных залах, среди усыпанных бриллиантами великосветских дам и блестящих мундиров, можно было увидеть посетителей, не очень подходящих для дворца генерал-губернатора: «Ро-

стовщики и даже скупщики краденого и содержатели разбойничьих притонов бывали на этих балах, прикрытые мундирами благотворительных обществ, в которые доступ был открыт всем, кто жертвует деньги. Многие из них даже получали чины и ордена, ими прикрывали свои преступные дела, являясь недоступными для полиции... Вот тут-то, на этих балах, и завязывались нужные знакомства и обдывались разные делишки, а благодушный “хозяин столицы”, как тогда звали Долгорукова, окруженный стеной чиновников, скрывавших от него то, что ему не нужно было видеть, рассыпался в любезностях красивым дамам». Но всё это происходило по-семейному, Долгоруков правил в патриархальном стиле, сор из Москвы не выносил, сам жил и давал жить другим.

Даже после гибели Александра II и коронации консервативного царя-мироотворца князь Долгоруков остался московским генерал-губернатором. Во многом именно «князюшка» сдерживал в Первопрестольной недовольство реакционной политикой Александра III, который, как и его учитель Победоносцев, полагал, что «с ослаблением самодержавной власти слабеет и распускается порядок и вся земля». Долгорукову самому пришлось сворачивать свои же начинания: урезать «излишние» свободы, данные Земскому собранию, Городской думе и главному рассаднику вольнодумства — Московскому университету. Но террора в Москве генерал-губернатор не допустил.

В отставку хозяин Москвы ушел в 1891 году. По одним сведениям —

сам, по другим — из-за «напряженных отношений с царской семьей». Якобы этот потомок Рюрика не упустил случая напомнить, что происходит из не менее знатного рода, чем Романовы. А двор с трудом терпел Долгорукова из-за его московской спеси и вынужден был подать в отставку.

Благодарные москвичи немедленно переименовали (опять через прошение) еще одну улицу в городе — Старый Живодёрный переулок (ныне — улица Красина) — во Владимирско-Долгоруковскую улицу. Поменяли из-за неблагозвучности старомосковского названия и в благодарность за деяния «удельного князя». Любопытная деталь: любой любитель метафизики усмотрел бы в этом что-то особенное — Тверская как стрела идет к Санкт-Петербургу, а Долгоруковская и Владимирско-Долгоруковская как натянутая тетива по обе стороны стрелы... Но метафизика — метафизикой, а реальность другая: в 1918 году Живодёрка стала улицей Фридриха Адлера, а в 1931 году — улицей Красина. Адлер убил министра-премьера Австрии, Красин (предположительно) участвовал в убийстве Саввы Морозова, Каляев (а в честь него до 1992 года называлась бывшая Долгоруковская улица) успешно осуществил покушение на московского генерал-губернатора...

Как писал Влас Дорошевич, с отставкой Долгорукова «барственный период “старой Москвы” кончился. Пришли новые люди на Москву, чужие люди. Ломать стали Москву... Участком запахло».

МНП

Развитие городской жизни после отмены крепостного права (в связи с ростом промышленности и железнодорожным строительством) требовало для города Москвы изменений его «обязанностей и прав» и предоставления ему более широкой и твердой финансовой базы. С принятием в Москве Городового положения 1862 года началось объединение в руках города принадлежавших ему имуществ.

Дела московские в конкретном приближении

Развитие городской жизни после отмены крепостного права (в связи с ростом промышленности и железнодорожным строительством) требовало для города Москвы изменений его «обязанностей и прав» и предоставления ему более широкой и твердой финансовой базы. С принятием в Москве Городового положения 1862 года началось объединение в руках города принадлежавших ему имуществ.

16 июня 1870 года император Александр II издал Городовое положение, в результате которого в 509 городах Империи вводилось всесословное выборное самоуправление — Городские думы. Число гласных членов Думы находилось в зависимости от числен-

ности избирателей в городе — в Московской думе их было 180 человек. Они избирались на 4 года.

Городская дума являлась распорядительным органом. Она избирала свой постоянно действующий исполнительный орган — Городскую управу. Городская управа состояла из городского головы, который также избирался на 4 года, и нескольких членов. Городской голова являлся одновременно председателем Городской думы и Городской управы.

Право избирать и быть избранным в Городскую думу базировалось на имущественном цензе. Гордума состояла из трех избирательных собраний: в первое входили крупные налогоплательщики, вносящие треть

Автор: Николай Видулов

Здание Московской городской думы. Архитектор — Д.Н. Чичагов, 1890–1892 годы. Фото П. Павлова, 1890-е годы

городских налогов, во второе — более мелкие, которые уплачивали другую треть налогов, а в третье — все остальные. Разные ведомства, учреждения, компании, общества, церкви, монастыри также пользовались избирательным правом в качестве юридических лиц. Принимать участие в голосовании позволялось лишь мужчинам, достигшим возраста 25 лет. Женщины могли участвовать в выборах только через своих доверенных лиц. Наемные рабочие, в основном не владевшие недвижимой собственностью, представители интеллигенции (инженеры, врачи, преподаватели, чиновники, часто не имевшие собственных домов, а снимавшие квартиры) фактически были лишены избирательного права.

Выборная Дума решала вопросы назначения различных должностных лиц, общественного устройства и городского управления. Дума также заведовала финансовыми делами города, назначая те или иные налоги, однако сама их сбором не занималась. Губернатор города мог в любой момент отменить решение Думы или скорректировать его, так что полной свободы этот орган всё же не имел. На новые общественные учреждения (Думу и Управу) были возложены задачи по управлению муниципальным хозяйством. В их ведение передавался широкий круг вопросов городско-

го хозяйства и благоустройства: водоснабжение, канализация, уличное освещение, транспорт, озеленение, градостроительные проблемы и т.п. Городские думы были обязаны заботиться и об «общественном благосостоянии»: оказывать содействие в обеспечении населения продовольствием, принимать меры против пожаров и других бедствий, способствовать охране «народного здоровья» (устраивать больницы, помогать полиции в проведении санитарно-гигиенических мероприятий), принимать меры против нищенства, способствовать распространению народного образования (учреждать школы, музеи и т.д.).

Население и жилищный вопрос

Одной из ключевых проблем было не просто то, что население Москвы росло, а то, что оно в определенный момент (а именно вскоре после отмены крепостного права) неожиданно стало расти очень быстро. Если с 1830 по 1864 год число москвичей увеличилось лишь на 30 тысяч, то всего за семь лет — с 1864 до 1871 год — городское население выросло на 238 тысяч человек, а в последующие 25 лет — еще на 400 тысяч. Этот прирост происходил главным образом за счет миграции. В последние десятилетия XIX века население Москвы на три четверти состояло из приезжих. Уве-

Московский уличный торговец.
«Всемирная иллюстрация»,
1898 год

личивалось население города главным образом за счет крестьянства, пополнявшего ряды рабочего люда. Если до крестьянской реформы значительную часть рабочих составляли «сезонники», то в 1870-е годы ощутимо проявляется тенденция к прочному оседанию в Москве пришлого рабочего населения: на 100 мужчин приходилось уже 70 женщин (переселялись семьями). На предприятиях возросла доля квалифицированных рабочих. Самыми населенными районами стали южные (Пятницкая, Серпуховская части) и восточные (Лефортово, Басманная, Яузская, Рогожская части). По своей социальной структуре Москва в это время была типично капиталистическим городом. В ней возникали новые текстильные, обувные, пищевые, металлообрабатывающие и другие промышленные предприятия. К концу XIX века Москва стала вторым после Петербурга промышленным средоточием, крупнейшим центром легкой, особенно текстильной, промышленности России. Росту экономического значения Мос-

Средние торговые ряды (вид с Ильинки).
Фото 1888 года

Ильинка, 5. Троицкое подворье, доходный дом Троице-Сергиевой Лавры — первое пятиэтажное здание в Москве (1874–1876, архитектор — П.П. Скоморошенко).
Фото: В. Разумов, 2015 год

квы способствовало превращение ее в главный узел железнодорожной сети страны.

Лихорадочное разрастание города, испытывавшее давление интересов различных групп московских землевладельцев, фабрикантов, купечества, сделало его в полном смысле неуправляемым. В застройке города стали появляться и множиться новые типы зданий — доходные многоквартирные жилые дома для наиболее обеспеченных и средних слоев населения, казармы для рабочих, крупные магазины, пассажи, здания банков, железнодорожные вокзалы. Более других на облик города повлияли доходные дома — своей многочисленностью, крупными скоплениями в центральных районах. Важнейшим элементом планировки стали железные дороги. Они по-новому расчленили городское пространство, создавая центры притяжения городской жизни на привокзальных площадях. Вдоль их линий разрастались пригороды. Потребность как в жилье, так и в площадях для торговых предприятий была очень высокой, стоимость строительных участков в центре постоянно возрастала. Следствием стало увеличение высоты зданий. Уже в 1874 году был построен пятиэтажный доходный дом на Ильинке. Но должно было пройти еще двадцать лет, прежде чем в 1890-е годы наступила настоящая «эра доходных домов».

Благоустройство улиц

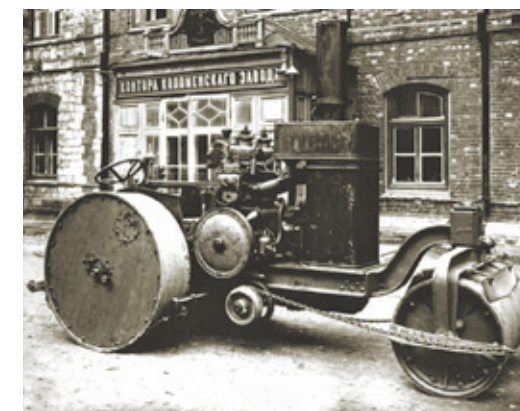
Актуальной проблемой по-прежнему оставалось мощение улиц. Долгое время устройство и содержание мостовых возлагались на домовладельцев в пределах их участков. С 1863 года устройство мостовых осуществлялось городом, а содержание — домовладельцами (мостовая повинность). Последние с этой своей обязанностью явно не справлялись. В 1864 году газета «Русские ведомости» сетовала: «Вот уже июль месяц

на дворе, а во многих местах мостовые всё еще не исправлены; так, например, проехать с Трубы по левой стороне Цветного бульвара к Самотёке почти нет никакой возможности. А между тем, нельзя сказать, чтобы мостовые вовсе не чинились. Они чинятся, но только способ починки и мощения чрезвычайно плох. Вскопают землю железной лопаточкой и тут же, на рыхлую, начинают плашмя класть камни, затем посыплют песку, и мостовая готова». По данным на 1868 год, площадь мостовых в Москве составляла 907 тыс. квадратных сажений (418 гектаров), площадь незамощенных улиц — 551 тыс. квадратных сажений (251 гектар). Дума неоднократно ставила вопрос о необходимости передачи мостовых в ведение городского управления, что и произошло в 1875 году. За домовладельцами оставались закреплены содержание и устройство тротуаров, а также очистка улиц. Между тем «принятая городом огромная площадь мостовых пришла в полное расстройство. Городское управление не имело ни соответствующей делу организации, ни опыта; оно не располагало необходимыми суммами и чувствовало недостаток в рабочей силе, булыжном камне и пр.». Задача перед московскими властями стояла непростая. Все проезды разделили на пять категорий в зависимости от необходимой частоты мощения. Ремонт мостовых

было решено производить из качественных материалов с соблюдением новейших технологических требований.

Далее встал вопрос о выборе оптимального дорожного покрытия. В июне 1875 года Дума направила члена управы А.Н. Петунникова в Баку с целью изучения производства асфальта и в ряд зарубежных городов для ознакомления с устройством мостовых. Результатом командировки стал отчет, где утверждалось, что Москва должна отказаться от булыжника и использовать асфальт или брусчатку. В 1876 году на Тверской улице сделали 5 опытных участков усовершенствованной мостовой:

Дорожный каток Коломенского механического завода (основан в 1863 году)

асфальтовой из прессованных кирпичей, такой же из прессованных шестигранных шашек, из сызранского асфальта, из прессованного сессельского асфальта и деревянной торцевой по системе Николсона. Наиболее практичными показали себя деревянные торцевые покрытия и сызранский асфальт. В 1877 году первым заменили настил на Чугунном мосту. Опытные участки скоро пришли в плохое состояние и потребовали ремонта, который производился литым асфальтом. Начиная с 1886 года город стал асфальтировать переходы через улицы и площади. С открытием конно-железных дорог (1875) на некоторых разъездах появилась мостовая из каменной брусчатки. По поводу тротуаров в соответствующем постановлении говорилось, в частности, следующее: «Поверхность тротуаров предоставляется покрывать гранитными и декоративными плитами, шашками и брусками, асфальтом, другого рода камнями твердого качества, которые от атмосферы не разрушаются. Поверхность тротуара должна быть гладкая и ровная, без выступов и углублений».

Речная сеть и водные стоки

Постоянной заботой городского управления была защита от наводнений. Многочисленные речки и ручьи во время половодий и дождей затапливали окрестности. Дума после каж-

Вид Чугунного моста. И.И. Шарлемань. 1853 год. Первый мост через Водоотводный канал (или, как его называли раньше, Канаву) в Замоскворечье

дого такого бедствия вырабатывала меры для устранения последствий. Существовала здесь и еще одна проблема. Москву покрывала сеть речек, бассейны которых изобиловали естественными протоками. Антисанитарное состояние этой системы подтверждалось исследованиями санитарных врачей. Во время ливней вода переполняла протоки и затопляла выгребные ямы. Владельцы расположенных у воды участков нередко сбрасывали в воду нечистоты. Для благоустройства естественных протоков обычно применя-

лись лотки и деревянные трубы. Более эффективной мерой казалось заключение речек и ручьев в кирпичные трубы, однако это было слишком дорого. Деятельность городского управления по упорядочению стоков началась в 1870 году с переустройства сточной трубы от площади Тверских ворот до Пречистенки, откуда вода впадала в Москву-реку. В эту трубу домохозяйка ранее провели канализационные коммуникации, в ходе работ ликвидированные.

В 1873 году Управа провела осмотр 200 стоков из частных владений, потребовав их (стоков) уничтожения, а в 1874-м добилась принятия постановления, чтобы стоки прокладывались только с ее ведома и нечистоты по ним не спускались. В 1875 году в связи с переходом в ведение города мостовых Управой было намечено устройство дренажа там, где сооружение мостовых представля-

Москва-река. Фото 1908 года

Наводнение на Неглинке. 1908 год

лось невозможным. Дренаж появился в таких местах, как Екатерининский парк, Бронные улицы, Петровка, Неглинная, Цветной бульвар, Мясницкая улица. Всего проложили около 18 тыс. сажен (37 км) дренажных труб. В 1879 году были уложены трубы по Тверскому бульвару, Сивцеву Вражку, Гагаринскому переулку и Кудринской улице, Петровке, Калужской улице и 1-му Тишинскому переулку. Общая протяженность бетонных труб составила около 3500 саженей (7,5 км). В 1880–1886 годах прокладывались трубы по Садовой, Земляному валу и Покровке, Бахрушинскому переулку, Кузнецкому мосту и Китайгородскому проезду, а также в Даниловской и Серпуховской частях — всего 1455 саженей (3,1 км).

В 1886 году началось переустройство Неглинного канала. Оно было вызвано затоплениями от дождевой воды местности Неглинного проезда из-за засорения канала, представлявшего собой «давно построенное и никогда не подвергавшееся основательному ремонту сооружение». Ранее канал по просьбе обывателей неоднократно чистился, но в нём снова образовывались наносы, и затопления возобновлялись. Так, в 1883 году в ночь с 5 на 6 июля вода поднялась более чем на полтора метра и покрыла часть Цветного бульвара, всю Неглинную до Кузнецкого моста и Кузнецкий мост до Петровки, залив подвалы и нижние этажи домов. Это заставило наконец городское управление приступить к радикальному переустройству канала.

Некоторые притоки Москвы-реки и Яузы были уничтожены засыпкой (например, Золотой Рожок, Ольховец, Черногрязка), некоторые заклю-

чены в трубы (Пресня, Черторый, Чечора), остальные (Синичка, Ходынка) до XX века оставались в своем природном состоянии.

Бойни

Упорядочение убоя скота долгое время было одной из острейших проблем в деле обеспечения санитарного состояния города. Существовавшие ранее многочисленные частные бойни заражали окрестности Москвы гниющими отбросами; ветеринарный надзор за ними отсутствовал, и население не было застраховано от получения на рынке недоброкачественных продуктов.

В 1866 году Городская дума постановила построить за счет московского бюджета образцовую бойню на 30 тысяч голов. Составили и утвердили проект, купили участок за Серпуховской заставой — дачу купца Канатчикова и землю села Даниловки. В 1869 году была выделена сумма в 120 тысяч рублей. Никто, однако, не ожидал, что дело затянется на долгие годы. Три раза назначались торги — ни один не состоялся.

Требованиям соответствующей обеспеченности водоснабжением и канализацией больше всех других удовлетворял участок земли между Покровской и Спасской заставами.

Городские бойни на Сукином болоте. Построены в 1888 году. Позднее — Мясокомбинат имени Микояна. Фото 1913–1914 годов

Мясокомбинат имени Микояна.
Фото: В. Разумов, 2016 год

ставить на должную высоту осмотр скота и изоляцию больных животных. При бойнях, естественно, возник и Центральный мясной рынок. Боенские поля орошения сначала устроили на Сукином болоте вблизи железнодорожной станции Угрешская и поначалу никак не оснастили. Лишь в 1912 году здесь была построена станция биологической очистки с непрерывно действующей системой фильтрации. Бойни существовали до 1931 года, пока не началось возведение Микояновского мясокомбината.

Водопровод

К 1860-м годам Мытищинский Екатерининский водопровод перекачивал из Мытищ до 500 тысяч ведер воды в сутки. Столько же давали Москворецкие водопроводы. Однако мощность этих источников была уже не достаточной для населения города, достигшего 700 тысяч человек. Потому в течение 1867–1888 годов были устроены еще четыре водопровода — Преображенский, Андреев-

В это же время инженером Гобрехтом был представлен проект создания городской канализации, по которому на Сукином болоте (современные Текстильщики) планировались поля орошения и бассейны для скопления грязных вод зимой. Важную роль в выборе места новых боен сыграло принятие в 1882 году закона, запрещавшего прогон скота по московским гужевым дорогам и улицам и требовавшего перевозить скот исключительно в вагонах по железной дороге.

И в 1885 году вопрос был поставлен вновь — на этот раз со всей решительностью. В результате за Покровской заставой уже через три года, благодаря городскому голове Николаю Алексею, вырос грандиозный комплекс — не только бойни и скотопригонный двор, но и салотопенный, кожевенный, альбуминовый заводы. В то время они считались лучшими в Европе городскими скотобойнями. 20 июля 1886 года состоялась закладка городских боен, а 2 июня 1888-го — освящение. Смотрителем строительства, а затем и управляющим городских боен назначили бывшего контролера городской управы Д.Д. Ведеревского. Сооружение было грандиозным. Бойня включала в себя более 50 зданий, 3 завода, специальную водокачку, скотопригонную площадку, загонные дворы, холодильные машины, желез-

нодорожные пути, поля орошения на Сукином болоте и прочее. Этот маленький городок занимал пространство около 200 десятин и обслуживался персоналом в 1000 человек. Строительство обошлось бюджету в сумму около 2,3 млн рублей. Подъездные пути к бойням устроили от Покровской и Спасской застав через деревню Дубровку. Дороги, к ликованию местных жителей, были основательно замощены крепким булыжником и обеспечивали проезд круглый год.

С постройкой городских боен частные убойные заведения были закрыты. Сосредоточение скота в одном месте при бойнях позволило по-

Алексеевская насосная станция служила в XIX веке для перекачки воды из Мытищ в Крестовские водонапорные башни.
Фото 1913–1914 годов

ский (где сейчас площадь Гагарина), Ходынский и Артезианский, бравшие воду из пробуренных колодцев. Артезианский находился на Яузском бульваре. Там в 1888 году пробурили артезианскую скважину глубиной почти 500 метров, и она снабжала водой восточную часть Москвы от Семёновской улицы до Таганки. Однако вопрос санитарного состояния продолжал стоять очень остро, потому что плохая вода из водопроводов служила источником инфекций, вызывая многочисленные заболевания. И, когда в Москве с введением городского самоуправления в 1863 году постепенно была налажена санитарная служба, эти вопросы не один раз обсуждались на заседаниях Московской городской думы.

В то время водопровод находился в ведении Министерства путей сообщения. К городу он перешел только в 1871 году. Для заведования делами водопровода, а впоследствии также канализации было создано специальное отделение в структуре Городской управы.

Еще в 1870 году в Городской думе был поставлен вопрос об устройстве нового водопровода, который, как было отмечено в решениях Думы, «не только вполне отвечал бы современным требованиям, но и предоставлял бы возможность дальнейшего его развития в ближайшем будущем, когда потребность в воде неминуемо возрастет». Однако на первом этапе муниципального управления, несмотря на полученное право распоряжения городским имуществом, бюджет города был слишком мал. При этом, по словам городского инженера М.П. Щёктова, коммунальное хозяйство было запущенным и «все отрасли городского хозяйства требовали огромных затрат на свое улучшение».

К 1870-м годам в Москве проживало 700 тысяч жителей, развивалась промышленность, потребление воды постоянно увеличивалось. Планировался запуск канализации, которая требовала большого расхода воды, необходимо было увеличивать напор в системе для подачи воды на верхние этажи.

В 1887 году Городская дума созрела финансово для устройства водопровода на городские средства и ассиг-

Мытищинская вода подавалась в резервуары Крестовских башен, а уже из них распределялась по всему городу. В 1940 году башни были снесены при расширении Ярославского шоссе

новала деньги на производство геологических и технических изысканий и составление нового проекта водоснабжения. Изыскания показали, что в Мытищах возможно получить воду в объеме 3,5 млн ведер в сутки. В том же году Городской управой было поручено инженерам В.Г. Шухову, Е.К. Кнорре и К.Э. Лембке (специалистам из строительной конторы инженера Бари) составить проект водоснабжения Москвы.

В проекте были тщательно проработаны трасса подвода воды к Москве и распределение ее внутри города. При этом впервые применили метод оптимизации водопроводной сети, учитывавший капиталовложения и эксплуатационные затраты. По неизвестным причинам проект не был реализован в своем оригинальном виде.

Для решения поставленных задач на Алексеевской насосной станции установили две паровые машины мощностью по 134 л.с. Далее вода пробегала по трубам 2,2 км и накапливалась в двух Крестовских водонапорных башнях, которые были построены в 1890 году у Крестовской заставы (там, где ныне Рижский вокзал). Каждая башня была семиэтажной. Пять этажей занимали конторы и квартиры служащих, шестой этаж — технический. На верхнем этаже каждой башни на высоте 30 метров находился резервуар емкостью 300 тыс. ведер.

Улучшенный водопровод позволял создать канализацию, первую очередь которой запустили в 1889 году. Дальнейшее развитие водопровода в Москве было уже не остановить. В 1900 году было принято решение о заборе воды из реки Москвы в районе деревни Рублёво, откуда взял начало новый Москворецкий водопровод.

Телефонная связь

13 июля 1882 года — день основания Московской городской телефонной сети.

Первая в мире телефонная станция была построена в США в 1878 году, а уже в июле 1882 года, то есть спустя всего четыре года после американской, городская телефонная сеть заработала в Москве. Создавала ее американская компания «Международное общество телефонов Белла из Нью-Йорка». В Санкт-Петербурге, казалось бы, столичном городе, телефон появился на две недели позже, чем в Москве.

Первый звонок состоялся в Москве 1 июля 1882 года из дома Попова (Кузнецкий мост, дом 6, сейчас — 12). Там на 5-м этаже были арендованы помещения и установлены комму-

Кузнецкий мост, д. 12. Пассаж Попова.
Первая телефонная станция Москвы.
Фото 1890-х годов

и предпринимателей были вскрыты конверты, в которых трое предпринимателей — Никольсон, Букье, Егоров, принявшие условия торгов, — узнали, что победил в торгах А. Букье, назначивший самую низкую цену за один газовый фонарь в год — 14 рублей 50 копеек за 2000 часов горения фонаря в год. 29 января 1865 года Распорядительная дума Москвы заключила контракт с господами А. Букье и Н. Гольдсмитом на «Освещение Москвы текущим газом». К контракту были приложения — план и реестр, где были указаны улицы, по которым в течение 3 лет необходимо было проложить 200 верст газопроводов и установить 3000 газовых фонарей. Согласно осветительному календарю, гореть они должны были уже 24 дня в месяц с августа по май. Этот контракт был заключен сроком на 30 лет.

Заключенный Думой контракт не только был юридическим и экономическим документом, но и стал

таторы. На крыше стояла приемопередающая стойка. На каждом коммутаторе было 50 номеров, и звонки обрабатывали девушки-телефонистки; коммутаторы (всего их было 16) были соединены между собой. Аренда точки стоила 250 рублей в год (для сравнения — 60 рублей стоила тогда енотовая шуба, а буханка хлеба — 2 копейки). Неудивительно, что на момент открытия московская телефонная сеть имела... 26 абонентов.

Освещение улиц

В октябре 1861 года майнский купец Дитрих вместе с петербургскими купцами Сименсом и Гальске представили свой проект освещения газом улиц Москвы в Управление военного генерал-губернатора. Генерал-губернатор П.А. Тучков, понимая важность вопроса улучшения уличного освещения, создал комиссию под председательством городского обер-полицеймейстера. Комиссия, рассматривая проект Дитриха и К^о. более двух лет, не выработала положительного заключения, а предложила Общей думе, которая организовалась 10 марта 1863 года, рассматривать вопрос в комплексе.

В 1863 году Общая московская дума, разобравшись с действующими компаниями по освещению улиц, дает объявление в газетах и журналах «Об устройстве газового освеще-

ния г. Москвы». Уже к концу года на объявление Думы откликнулось 14 компаний, которые подали свои проекты контрактов в Московское управление освещения при Распорядительной думе. Ознакомившись со всеми проектами, Дума предложила предпринимателям значительно снизить стоимость освещения улиц в пересчете за один фонарь в год. Очень многие от этого отказались.

Наступила историческая дата для Москвы — 14 октября 1864 года, когда в присутствии городского головы А.А. Щербатова, гласных Думы

Московский газовый завод, бывший завод Общества освещения Москвы текущим газом. Фото 1913 года.
Архив ЦИГИ

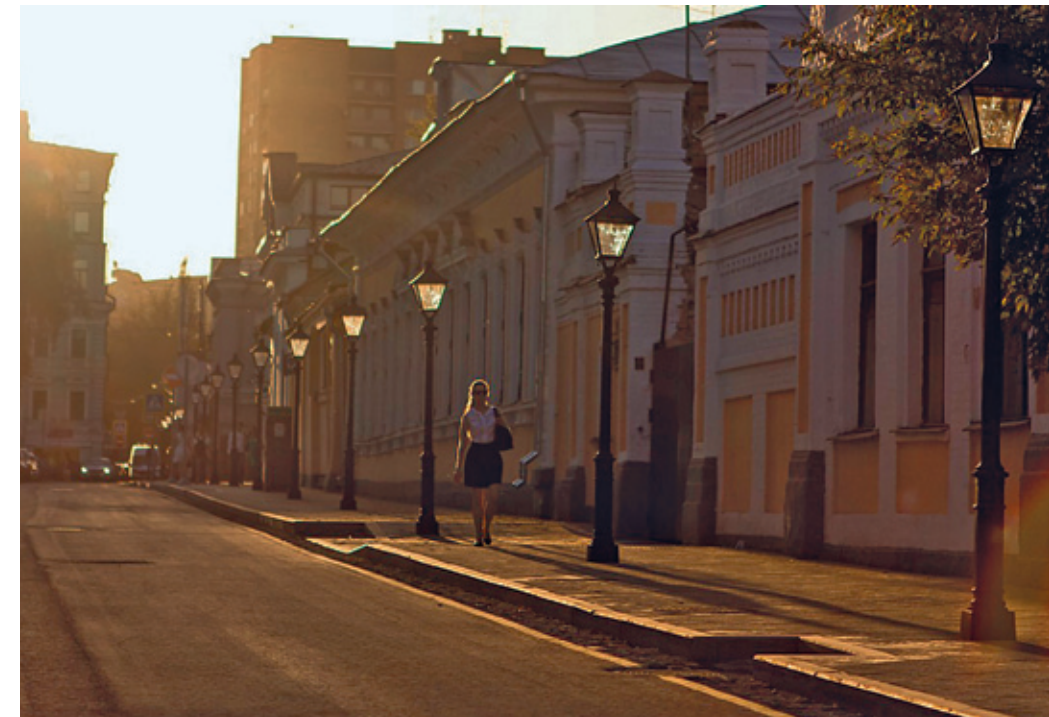

Газовый фонарь. Фото 1980–1990 годов

В Успенском переулке воссоздали освещение второй половины XIX века

первым сводом правил безопасности в газовом хозяйстве Москвы, предписывая: строительство по проектам; выработку газа четко определенного качества; нижний предел силы света фонарей — не менее 12 свечей; обеспечение сохранности газовых сетей и инженерных коммуникаций; определение ответственности сторон за аварии, вплоть до штрафов. Компания «Букье и Гольдсмит» была обязана не только расставить фонари на улицах города, но и следить за их перестановкой, зажиганием, тушением, исправностью газопроводов, и, конечно же, за всеми этими процессами устанавливался постоянный контроль со стороны Думы — силами инженеров-технологов.

С 24 июля 1865 года, как и предписывалось контрактом, началось строительство Московского газового завода за Курской железной дорогой (Нижний Сусальный переулок). Почти еженедельно предприниматели печатали в газете «Московские ведомости» объявления и предложения об устройстве в домах газа, но домовладельцы не спешили обзаводиться им. Тогда А. Букье и Н. Гольдсмит снизили для них цену на газ, но и это не подействовало, и еще много лет

прошло, пока жители Москвы поняли преимущества газа в доме.

29 декабря 1866 года газета «Московские ведомости» так описывала открытие газового завода: «27 декабря 1866 года состоялся торжественный запуск Московского газового завода и символическое зажжение газового фонаря у Архангельского собора в Кремле. Эти операции были доверены для выполнения городскому голове князю А.А. Щербатову. Несмотря на мороз в -20 °С, гости и жители Москвы гуляли весь вечер, любясь газовой иллюминацией. У Кремлевского дворца светился герб России, а на Воскресенской площади — герб города Москвы, под которым горела надпись «Боже, Царя храни!». Эта иллюминация продолжалась три дня».

В 1867 году улицы Москвы освещали 3083 газовых фонаря, а общее количество светильников в городе было доведено до 9213. Причем все конопляно-масляные фонари были уничтожены и заменены минерально-масляными (то есть керосиновыми). Причиной перехода на керосин стало понимание, что предыдущий способ был не «освещение, а лишь бесплодное уничтожение довольно ценного материала».

Электрическое освещение

С конца XIX века в жизнь больших русских городов входит электрическое освещение. В отличие от газовых и керосиновых фонарей электрические фонари зажигались без участия фонарщика. Первые электрические фонари появились в конце XIX века, но мысль о возможности использовать электричество в целях освещения родилась задолго до этого. Нельзя не отметить, что большой вклад в такое весьма практическое и столь необходимое для города дело внесли русские ученые-физики. Открыл явление электрической дуги русский физик В.В. Петров. Впервые электрическую дугу приспособили для освещения в России — в 1849 году академик Якоби зажег первое «электрическое солнце» на башне Адмиралтейства в Петербурге. В 1856 году во время коронации Александра II русский инженер А.И. Шпаковский на площади перед Лефортовским дворцом зажег 10 дуговых ламп. Надежный регулятор дуговой лампы разработал русский ученый Яблочков.

Первые электрические фонари появились в Москве в 1880 году — было установлено 8 фонарей на Кузнецком мосту, у ресторана «Яр». В саду

Иллюминация Москвы по случаю коронации 1883 года. Н.Е. Маковский. 1883 год

что на долгие годы в разных районах Москвы сохранялись все виды уличного освещения — керосиновое, газовое, электрическое. Так, последние газовые фонари были ликвидированы аж в 1932 году.

Конка

Летом 1872 года в связи с проведением в Москве Политехнической выставки Военное министерство проложило по центральным улицам города первую временную линию конного трамвая — от Иверских ворот до нынешнего Белорусского вокзала. Движение вагонов было открыто 25 июня (7 июля) 1872 года. Постройкой линии (с использованием труда военных железнодорожников) и временной эксплуатацией ее занимались предприниматели Д.Н. Гурьев и М.Д. Новиков.

Линия конки была однопутной, имела протяженность 4,5 км с колеями 1524 мм, на линии располагалось

«Эрмитаж», где было установлено 24 фонаря, в течение многих вечеров публика приветствовала зажигание электричества аплодисментами. В это же время был изобретен еще один вид электрических ламп — лампы накаливания. Их создал русский ученый Лодыгин. Первая электрическая иллюминация стала одним из важнейших событий в истории Москвы. 15 мая 1883 года, в дни коронации Александра III, при помощи 22 дуговых ламп была освещена площадь вокруг храма Христа Спасителя. Тогда же была устроена первая электрическая иллюминация колокольни Ивана Великого. Правительством Москвы было закуплено для этой цели 3500 лампочек накаливания Т.А. Эдисона. После празднеств многие москвичи стали подавать генерал-губернатору прошения об устройстве электрического освещения в своих домах, а первой улицей, освещенной электричеством, была Тверская.

Одним из первых электрическое освещение стал использовать театр Корша. В 1882 году в только что отстроенном здании было электрическое освещение сцены, зрительного зала, фойе и артистических уборных. «Это тогда было новостью необыкновенной, — писала ведущая артистка театра А.Я. Глама-Мещерская, — и даже в Большом и Малом театрах еще пользовались газом; правда, новое освещение было далеко не совер-

шенно. Лампочки давали свет желтоватый и горели ненадежно... Тем не менее впечатление новое освещение производило огромное». Электрическое освещение с самого начала вызвало огромный восторг у жителей Москвы. Современники отмечали, что на улицах сразу становилось светло, когда все электрические фонари вспыхивали в один миг, так что можно было читать книгу. Преимущество электричества было бесспорным, однако прошло еще много лет, прежде чем оно вытеснило все другие виды освещения. А пока

Конка на Серпуховской площади. Фото конца XIX века

Паровой трамвай с двумя прицепными вагонами на конечной станции Воробьевской линии. Фото: Н. Шапов, 1899 год

9 разъездов. Эксплуатировалось 10 двухэтажных вагонов с империалами, куда вели крутые винтообразные лестницы. Империал не имел навеса, и пассажиры, располагаясь на лавках, не были защищены от снега и дождя. Вагоны конки были закуплены в Англии, где они производились на заводе «Старбек».

Одновременно в Москве была построена и линия парового пассажирского трамвая от Петровско-Разумовского через парк Петровской академии до станции Смоленского (Белорусского) вокзала. Обе линии должны были прекратить существование сразу после закрытия Политехнической выставки, однако история внесла свои поправки в расписание, составленное людьми.

Новый общественный транспорт понравился москвичам: ехать из центра на Смоленский вокзал в вагоне конного трамвая было удобнее и дешевле, чем извозчиком.

Вот что писала газета «Русские ведомости» в номере от 2 июля 1872 года: «Несколько дней тому назад в Москве открылось новое увеселение для москвичей — это железно-конная дорога. Каждый раз отправление вагона привлекает многочисленную толпу зрителей, и москвичи по целым часам стоят и глазят на невиданное ими зрелище. Вагоны железной дороги переполнены публикой, по преимуществу едущей просто ради любопытства, посмотреть, как это ездят по таким дорогам. Впрочем, быть может, администрация дороги свое предприятие и основала исключительно с целью доставлять развлечение лицам, которым делать нечего. Если так, то цель эту можно считать вполне достигнутой».

Первая пассажирская линия конки продолжала эксплуатироваться и после закрытия Политехнической выставки до 1874 года, а линия парового пассажирского трамвая сохранила свое существование только на участке

от Смоленского вокзала до Петровского парка.

Первый проект прокладки линий конного трамвая (или конки) был разработан для Москвы в 1864 году, затем последовал ряд других предложений, но только в апреле 1872 года Городской думой окончательно был утвержден проект строительства сети линий железно-конных дорог (так тогда называли конный трамвай в Москве и Петербурге). На его основе Дума разработала подробные условия на устройство железно-конных дорог в Москве и 28 апреля 1872 года провела торги, к которым были допущены все соискатели Конно-железнодорожной концессии. В результате проведения торгов концессия была предоставлена компании графа Уварова.

Однако, как часто бывает в России, что-либо построить и решить очень трудную задачу можно быстрее, чем что-либо согласовать и получить разрешение. Контракт на строительство сети конно-железных дорог в Москве действительно статскому советнику графу Уварову удалось заключить только в сентябре 1873 года. Потому строительные работы начались лишь весной 1874-го, но уже 1 сентября этого года было открыто движение конных вагонов по Петровской линии, проходящей от Иверской часовни по Неглинной улице, через Трубную площадь, по бульварам вверх

до Страстного монастыря и далее по Тверской улице, Петербургскому шоссе до Петровского дворца.

Одновременно с открытием движения по Петровской линии был введен в строй и Миусский парк конно-железных дорог.

Вот как это происходило: «В день открытия, к двум часам пополудни, в здание железнодорожного парка на Миусской площади, всё убранное флагами, собралось до двухсот человек приглашенных, и Преосвященным Архиепископом Леонидом был отслужен молебен с водосвятием. На празднестве присутствовал московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков и другие начальствующие и почетные лица города Москвы. После окропления зданий конно-железных дорог святою водою, присутствовавшие отправились осматривать конюшни, а затем мимо них были проведены на показ все лошади, приобретенные до настоящего времени для возки вагонов. Компания в своем распоряжении имеет вполне достаточное количество лошадей и некоторые из них очень недурных статей.

Пока происходил осмотр лошадей, из сараев были вывезены и запряжены десять вагонов конно-железной дороги, по которым и расселись все приглашенные. Длинный поезд вагонов, убранный флагами, представлял весьма красивый вид...

Арбат. Замена путей конки на электрический трамвай. Фото 1908 года

Единственное неудобство, бросившееся всем в глаза, заключается в чрезвычайно крутых поворотах, вследствие чего... во время переезда от Петровского парка до Иверской часовни вагоны по несколько раз сходили с рельсов и только благодаря присутствию многочисленных рабочих были с трудом опять устанавливаемы на путь...

Празднество закончилось роскошным обедом в доме строителя дороги П.И. Губонина на Татарской улице в Замоскворечье, в продолжение которого были провозглашены многочисленные тосты...» (Газета «Русские ведомости» за 3 сентября 1874 года). Для эксплуатации вновь сооруженной сети трамвайных линий 28 октября 1875 года граф Уваров и К^о создали «Первое общество конно-железных дорог в Москве» с акционерным капиталом в 1 млн рублей.

За пять лет протяженность эксплуатационных линий почти удвоилась, а к 1891 году она составляла уже 45 верст (48,1 км). За это время были выстроены линии: Арбатская (от центра до Плющихи и Девичьего поля), Замоскворецкая (от центра до Серпуховских и Калужских ворот), Никитская (до Пресненской заставы),

в дачное село Богородское, до Новодевичьего монастыря, до Нижегородского вокзала, до Преображенской заставы, до Дорогомиловской заставы. В общей сложности к этому времени москвичи могли ездить по 11 линиям конки, принадлежащим Первому обществу конно-железных дорог. Первое общество конно-железных дорог за это время сумело ввести и успешно эксплуатировало 5 конечных парков: Миусский, Сретенский, Покровский, Уваровский и Богородский. Во всех парках по состоянию на 1 ноября 1891 года имелось 1539 лошадей, 235 пассажирских конных вагонов, среднеспособный выпуск вагонов составлял 152 единицы.

А вот какие полезные сведения содержатся в «Путеводителе по Москве за 1882 год»:

«Движение вагонов конно-железных дорог, или карет, как в Москве принято называть их, продолжается круглый год, но только днем... Начинается движение вагонов в 8 часов утра и продолжается до 8 часов вечера. Промежутки времени между отходом поездов на многоярусных станциях, как, например, между Страстным монастырем и Ильинскими воротами,

бывают 6 минут, в других местах — 8, 12, 20 минут. Плата за станцию внутри вагона — 5 копеек, вверху (на имперiale) — 3 копейки».

Сеть конно-железных дорог Первого общества была недостаточна для удовлетворения потребностей москвичей в транспорте, она не учитывала радиально-кольцевую планировку города, практически совсем не было линий в Замоскворечье, части города, заселенной в основном «людом коммерческим, который имеет надобность ежедневно не один раз отправляться из места своего жительства в город и обратно».

Именно поэтому Городская дума 15 марта 1883 года приняла решение согласиться с предложением инженера А.Н. Горчакова, разработавшего проект постройки второй сети конно-железных дорог, которые должны были пройти по второстепенным радиальным городским улицам, а также по Садовому и Бульварному кольцам и в некоторые дачные пригороды. Контракт между Горчаковым и Городской управой на постройку этой сети был подписан 15(28) ноября 1883 года со сроком концессии на 45 лет (до 1928 года). Город имел право выкупа сети через 20 лет после заключения контракта. В марте 1885 года А.Н. Горчаков передал свои права и обязательства по контракту вновь созданному акционерному обществу с бельгийским капиталом, конституированном в Брюсселе 5(17) января 1885 года под названием «Генеральная компания трамваев Москвы и России». В Москве оно стало называться для простоты Бельгийским или Вторым обществом конно-железных дорог.

Бельгийское общество построило линии конного трамвая в 1885—1887 годах. Первая, Екатерининская, линия конного трамвая этого общества была открыта 3(16) июля 1885 года на участке от Трубной площади до Старо-Екатерининского парка (в районе Суворовской площади). В 1886 году

Вид на Москву с крыши храма Христа Спасителя. 1867 год

оно проложило первую (от Бутырской заставы до Петровско-Разумовского), а в 1887 году — вторую (от Калужской заставы до Воробьевых гор) линию парового трамвая. В 1888—1891 годах вторая сеть была расширена и достигла к 1891 году 43 верст одиночного пути, имея 13 линий и три конечных депо.

Уделяя развитию общественного транспорта в Москве большое значение, Городская дума вместе с тем не позволила монополизировать маршрутную сеть, и это способствовало быстрому развитию сети конно-железных дорог. В течение 6 лет в городе осуществлялась эксплуатация конных линий Первым и Вторым обществами. Конкуренция в деле строительства и эксплуатации линий общественного пассажирского транспорта, позволяющая интенсифицировать строительство и ввод в эксплуатацию новых линий, или, как мы сегодня сказали бы, маршрутов, из-за многочисленных неудобств вызывала негативное отношение москвичей: не было беспересадочного движения, не существовало единой системы оплаты и др. Существование в одном городе независимых друг от друга сетей трамвайных линий двух различных обществ было крайне неудобным для москви-

чей, да и для самих обществ. Потому в 1890—1891 годах они договорились с Городской управой об объединении сетей в одну и о совместной ее эксплуатации. При этом Первое общество стало ответственным за эксплуатацию всей сети, а Второе (Бельгийское) общество получало 1/3 от общей прибыли, вырученной за год. Такая совместная эксплуатация началась с 1(13) ноября 1891 года. Все существовавшие до того маршруты конного трамвая были пересмотрены, и с этого дня стало действовать 25 новых линий.

Были построены соединительные стрелки и пути у Старых Триумфальных ворот, в начале Малой Дмитровки, у Страстного монастыря, на Трубной площади, у Сухаревой башни, Покровских ворот, Серпуховских ворот, Варварских ворот, на Девичьем поле, на набережной у Большого Каменного моста.

Были унифицированы система маршрутов, система тарифных станций, введена единая билетная система. Пассажиры смогли теперь ехать по всем направлениям по одному пересадочному билету, что удешевляло стоимость проезда для большинства москвичей и значительно увеличивало число пассажиров, пользовавшихся конкой.

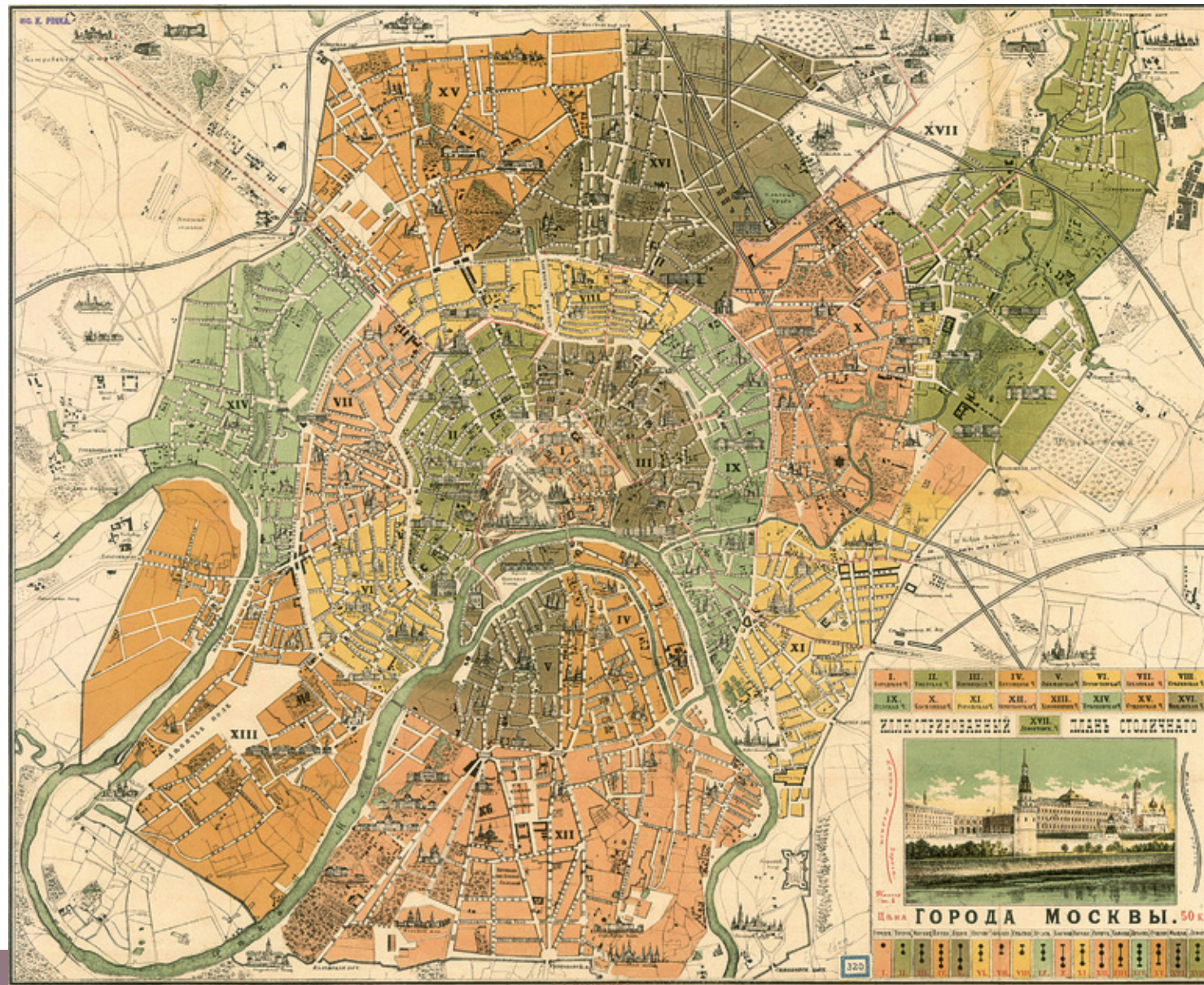
Все линии были разделены на зоны, за проезд внутри одной зоны пассажир платил 5 копеек, а на имперiale — 3 копейки, за две зоны (станции) — 10 копеек и 6 копеек соответственно. Дети, не занимавшие места, пользовались конкой бесплатно. Билеты продавались кондуктором. Если пассажиру требовалась пересадка на другую линию, он предупреждал об этом кондуктора и приобретал пересадочный билет за 5 копеек, который был действителен в течение часа. При пересадке пассажир предъявлял на другой линии билет, на котором кондуктор делал соответствующую отметку. На загородных линиях парового трамвая были разъездные кондукторы, которые перемещались внутри зоны туда и обратно и «обилечивали», как тогда стали говорить, пассажиров.

Совместная сеть конно-железных дорог имела протяжение 88 верст (94 км), 9 конечных депо, более 2000 лошадей и 400 вагонов.

Совместная эксплуатация линий Первого и Второго обществ дала значительный экономический эффект, так как населению стала выгодна пересадка, а пересадочный билет позволил увеличить доходы в декабре 1891 года по сравнению с декабрем 1890 года почти на 20%.

Конный трамвай, или, как к тому времени начали его называть, «конка», стал естественной частью городской жизни, он превратился из экзотического вида транспорта, перевозящего праздный люд на Политехнической выставке, в необходимую потребность, им пользовалось подавляющее число так называемых «менее достаточных» жителей Москвы.

Интересным выглядит перечень профессий на конно-железных дорогах; так, на линиях работали кучеры, кондукторы, старшие, станционные и разъездные контролеры, смотрители станций; в парках — конная прислуга и староста конюшни, ветеринарные врачи, водовозы, вагонные

Иллюстрированный план города Москвы 1878 года

мастера, кузнецы, молотобойцы, слесари, токари, смазчики, столяры, плотники, маляры, управляющий и его помощники; на путях — дорожные мастера, мостовщики, рабочие пути, старосты линий, метельщики, стрелочники. Как видим, уже тогда появилось понятие структуры пассажирского транспортного предприятия: служба движения, служба пути, служба эксплуатационных парков. С появлением в городе общественного транспорта появился и дорожный травматизм как естественный придаток столь полезного дела. Первый несчастный случай, или, как мы сегодня говорим, дорожно-транспортное происшествие, произошел

уже через день после пуска Петровской линии — 3 сентября 1874 года. В Екатерининскую больницу был доставлен рабочий, получивший травму ноги, когда поезд конки поворачивал с Петровского бульвара на Страстной. В обязанности этого рабочего входило предотвращать сход вагона при крутом повороте. Газеты того времени показывают, что жизнь города была неразрывно связана с общественным транспортом; так, 8 августа 1887 года «Московские ведомости» сообщили: «Конно-железные дороги объявили, что с 5 час. утра к Бутырской и Тверской заставам, в Парк и Петровско-Разумовское будут ходить вагоны для лиц,

желающих выехать для наблюдения солнечного затмения на северную сторону Москвы».

И наконец, в завершение этой темы, немного юмора от Антона Павловича Чехова: «Учитель: “А что вы можете сказать о конно-железной дороге?” Ученик: “Конно-железная дорога или попросту называемая конно-лошадина дорога состоит из нутра, верхотура и конно-железных правил... Скорость равна отрицательной величине, изредка нулю и по большим праздникам двум вершкам в час. За сходжение вагона с рельсов пассажир ничего не платит”».

МНР

Компания Сименс (Siemens, более точный вариант транскрипции — Зименс) получила свое название по фамилии ее создателя Вернера фон Сименса (1816–1892). Техника, которую она выпускает, до сих пор славится надежностью и безотказностью. Однако обладатели холодильников, пылесосов, мобильных телефонов «Сименс» не подозревают, что имеют дело с приветом из дореволюционной России, ведь оборудованием фирмы «Сименс» пользовались еще наши прапрадедушки и прапрабабушки. Правда, тогда она называлась длиннее — «Сименс энд Гальске».

«Сименс энд Гальске». Пионеры МОСКОВСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ

Компания «Сименс» (Siemens, более точный вариант транскрипции — Зименс) получила свое название по фамилии ее создателя Вернера фон Сименса (1816–1892). Техника, которую она выпускает, до сих пор славится надежностью и безотказностью. Однако обладатели холодильников, пылесосов, мобильных телефонов «Сименс» не подозревают, что имеют дело с приветом из дореволюционной России, ведь оборудованием фирмы «Сименс» пользовались еще наши прапрадедушки и прапрабабушки. Правда, тогда она называлась длиннее — «Сименс энд Гальске».

Автор: Михаил Коробко
Фото: из архива автора

В октябре 1847 года в Берлине отставной офицер Эрнст Вернер фон

Сименс вместе со своим другом — механиком Иоганном Георгом Гальске (1814–1890) — основали компанию, занимавшуюся кроме электротелеграфии широким кругом работ в области точной механики и оптики, а также созданием электромедицинских аппаратов. Она получила название по их фамилиям: «Telegraphen-Bauanstalt Siemens & Halske» («Сименс энд Гальске»). Оба компаньона были не только хорошими предпринимателями, но и всемирно признанными авторитетами в области электротехники. В 1853 году Сименс практически получил монополию на прокладку телеграфных линий в огромной Российской империи. Компания Siemens & Halske установила телеграфную связь

Завод по производству аппаратуры российского филиала компании «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. Построен в 1882–1883 годах

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
РУССКИХЪ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗАВОДОВЪ
СИМЕНСЪ И ГАЛЬСКЕ, С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Вернер фон Сименс. Фотопортрет Джакомо Броджи

Иоганн Георг Гальске. Фото 1855 года

между Санкт-Петербургом, Кронштадтом, Гельсингфорсом (Хельсинки), Варшавой, Ригой и Ревелем. В 1867 году Вернер Сименс произвел переворот в электротехнике, представив членам Берлинской академии модель генератора постоянного тока — динамо-машину. Тогда же была введена не используемая сейчас единица сопротивления «сименс», сейчас в Международной системе SI его имя носит единица электрической проводимости.

Дела у компании шли очень хорошо, спрос на прокладку новых телефонных и телеграфных линий, аппараты для них и техническое обслуживание был стабилен, и фирма очень быстро стала популярной. И, хотя Гальске в 1867 году ушел из компании, его фамилия осталась в ее названии вплоть до реорганизации в 1966 году. В России же «Сименс и Гальске» вела строительство ряда телеграфных линий, впоследствии получив монопольное право на их прокладку.

Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 года. Электрическая железная дорога у павильона «Сименс и Гальске»

Казачи охраняют телеграфную линию Siemens. 1896 год

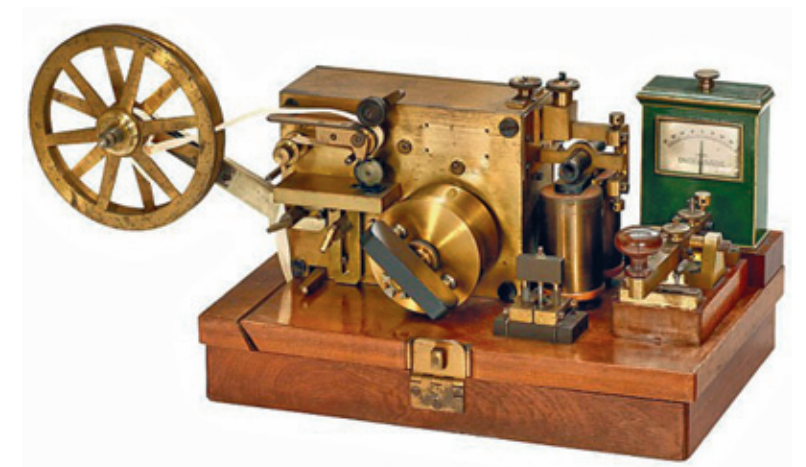
Самопишущий телеграф фирмы «Сименс и Гальске» 1885 года

В 1913 году все дела «Сименс и Гальске» перешли к русскому электротехническому обществу «Сименс-Шукеркерт», директор которого, Леонид Борисович Красин, впоследствии был одним из первых советских народных комиссаров...

Новым этапом во взаимоотношении фирмы с Россией явилась коронация императора Александра III в Москве 15 мая 1883 года. К работам по ее электрификации Вернер привлек своего брата Карла (1829–1906), к тому моменту уже работавшего в России и принявшего русское подданство. Его жена Мария, урожденная Капгер, была дочерью жившего в России немецкого купца. Впоследствии Карл Сименс получил дворянство и приобрел несколько усадеб.

К тому времени Карл Федорович Сименс, первой гильдии купец, торгующий под фирмой «Торговый дом Сименс и Гальске», электрифицировал выставку картин художника И. Айвазовского дугowymi лампами П.Н. Яблочкова и создал электрическую железную дорогу на Промышленной выставке 1882 года на Ходынском поле. Прокатив на ней царя, Карл Сименс обеспечил свою судьбу и судьбу фирмы.

Карл Сименс провел трамвайные линии в Одессе, Ростове-на-Дону и Харькове. Обеспечил оборудованием строительство Транссибирской железной дороги. Организовал производство спиртомеров собственной конструкции, что в условиях госмо-

нополии на производство водки способствовало борьбе с бутлегерством. Наладил добычу меди на Кавказе. Построил в Баку первый нефтеперерагонный завод. Начал покрывать улицы Тифлиса асфальтом. Работы Карла Сименса произвели огромное впечатление на москвичей и на власть. После коронации Александр III поручил ему осветить Невский проспект, а чуть позже — электрифицировать Зимний дворец. Канцелярия московского генерал-губернатора одно время была завалена

прошениями горожан об устройстве электрического освещения в своих домах, хотя электрический свет поначалу казался слишком резким. Журналист Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» описал первый в Москве «электрический» бал, очевидно, происходивший в особняке купчихи Веры Александровны Хлудовой на Пречистенке. «В этом дневнике, кстати сказать, попавшем в редакционную корзину, был описан первый «электрический» бал в Москве. Это было в середине

Группа членов правления «Общества электрического освещения 1886 года». Фото 1911 года

восьмидесятых годов. Первое электрическое освещение провели в купеческий дом к молодой вдове миллионерше, и первый бал с электрическим освещением был назначен у нее.

Роскошный дворец с множеством комнат и всевозможных уютных уголков сверкал разноцветными лампами. Только танцевальный зал был освещен ярким белым светом. Собралась вся прожигающая жизнь Москва, от дворянства до купечества. Автор дневника присутствовал на балу, конечно, у своих друзей, прислуги, заgrimировав перед балом в «блудуаре» хозяйку дома применительно к новому освещению. Она была великолепна, но зато все московские щеголихи в бриллиантах при новом, электрическом свете танцевального зала показались скверно раскрашенными куклами: они привыкли к газовым рожкам и лампам. Красавица хозяйка дома была только одна с живым цветом лица.

При лиловом свете столовой мореного дуба все лица стали мертвыми, и гости старались искусственно вызвать румянец обильным возлиянием дорогих вин. Как бы то ни было, а ужин был весел, шумен, пьян — и... вдруг потухло электричество! Минут через десять снова загорелось. Скандал! Кто под стол лезет... Кто из-под стола вылезает... Во всех позах осветило. А дамы!

— До сих пор одна из них, — рассказывал мне автор дневника и очевидец, — она уж и тогда-то не молода была, теперь совсем старуха, я ей на кладку каждое воскресенье делаю, — каждый раз в своем блудуаре со смехом про этот вечер говорит... “Да уж забыть пора”, — как-то заметил я ей. “И што ты... Про хорошее лишний раз вспомнить приятно!”».

В 1886 году Карл Сименс учредил в Петербурге акционерное «Общество электрического освещения» с учредительным капиталом в 1 млн рублей, в основном внесенным фирмой «Сименс и Гальске». Согласно «Записке швейцарских акционеров», которая была опубликована в 1915 году на правах рекламы в «Русских Ведомостях», «Учредитель Общества, инженер К. Сименс, впоследствии за оказанные им услуги пожалованный званием русского потомственного дворянина, возбудил в 1886 году перед Министерством финансов ходатайство о допущении к производству операций в России Общества электрического освещения, устав коего был составлен на основании германских законов. Однако бывший министр финансов И.А. Вышнеградский признал более желательным, чтобы это Общество действовало на основании русского устава. Ввиду чего г. Сименс, следуя указаниям министра финансов, представил проект

Юбилейный знак московского отделения «Общества электрического освещения 1886 года»

Тверская улица. Пассаж Постниковой. Фото конца 1900-х – начала 1910-х годов. Сейчас – театр имени Ермоловой

устава русского “Общества электрического освещения” с основным капиталом в 1 млн рублей, разделенного на именные акции, каковой затем и был утвержден...»

В 1887 году было образовано московское отделение «Общества электрического освещения». Тогда же в Московскую городскую управу поступило предложение построить электростанцию и организовать городское освещение от австро-венгерского машиностроительного общества «Ганц и К^о» (Будапешт). Однако московские

власти усомнились в использовании тока высокого напряжения, сочтя его опасным, и предпочли австрийцам «Общество 1886 года», предложившее использовать постоянный ток напряжением всего 100 вольт.

В 1887 году «Общество электрического освещения» заключило первый контракт на устройство освещения в Москве с владелицей пассажа Постникова в начале Тверской улицы (ныне — здание театра имени М.Н. Ермоловой). Для этого в Пассаже пришлось организовывать мест-

ную локомобильную станцию. Опыт оказался настолько удачным, что магазин стал новой московской достопримечательностью, а число покупателей увеличилось в несколько раз. Следующим магазином, решившим увеличить продажи при помощи электрического освещения, стал Лубянский пассаж, находившийся на месте нынешнего «Детского мира». Затем стали электрифицироваться рестораны. В центре Москвы появилось электрическое уличное освещение, в частности на Тверской.

Лубянский пассаж. Фото 1900-х годов

Электростанция «Общества электрического освещения 1886 года» на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переуллка. Фото начала XX века

22 электрических фонаря были установлены на Красной площади вдоль здания Верхних торговых рядов. В 1887 году началось сооружение Центральной электростанции постоянного тока на углу Георгиевского переулка и Большой Дмитровки – Георгиевской электростанции по проекту архитектора В. Шера (ныне – Малый Манеж). В декабре 1888 года она дала первый ток. Поскольку Городская дума потребовала устроить на Георгиевской станции выработку постоянного, а не переменного тока, радиус ее действия охватывал всего полторы версты. Поэтому

для крупных объектов приходилось устраивать свои небольшие электростанции. Городскую, которая освещала площадь храма Христа Спасителя и Каменный мост, площади Университетскую, Императорских театров, Дворцовую для освещения Кремля и электростанции Ярославского и Брестского вокзалов. Собственные электростанции были у «Метрополя» и «Националя», у Верхних торговых рядов и Сандуновских бань – первых имевших освещенные электричеством залы. Именно Сандуновская электростанция была задействована при коронации Николая II.

В 1896 году именно «Сименс и Гальске» получили подряд по оснащению новой электростанции на Раушской набережной. Фото 1897–1912 года

Тем не менее в течение первых лет своей деятельности «Общество электрического освещения» терпело ряд неудач. Оборудованные им предприятия приходилось закрывать. Повторные попытки взять на себя электрическое освещение улиц в Москве не всегда удавались. Операционный 1888–1889 год закончился даже крупным убытком, а в период с 1889 по 1893 год не могло быть выплачено акционерам никакого дивиденда. Но в 1895 году Московская городская дума заключила с «Обществом электрического освещения» очень выгодный для него договор сроком

6 апреля 1899 года в Москве был торжественно пущен первый трамвай

на пятьдесят лет. Общество взяло на себя обязательство построить необходимые сооружения с тем, чтобы «каждый желающий мог за свои 5 копеек за гектоватт/час иметь у себя на квартире электрическую лампочку». Этот договор дал возможность Карлу Сименсу привлечь кроме немецких и другие европейские капиталы, участие которых обеспечило возможность увеличить основной капитал. И уже в ноябре 1897 года состоялось торжественное открытие первой Центральной электростанции, сооруженной на Раушской набережной по проекту И. Жолтовского, – огромного дома-корабля с мощными трубами. Строительство Раушской станции совершило новый промышленный переворот в Москве, поскольку дневная электроэнергия по тарифам была значительно дешевле ночного потребления, а тариф для технических нужд был в два раза ниже, чем для бытовых потребностей, что стало основой для массовой электрификации русской промышленности. Фабриканты поняли преимущества электрического двигателя перед паровыми, поэтому заводы и фабрики стали использовать электрические двигатели. Вокруг Раушской электростанции очень быстро стали вырастать заводы и фабрики. Потому в Замоскворечье их стало так много. Переходя на электричество, крупные предприятия, как правило, пере-

устанавливались и модернизировались. Был запущен первый трамвай, как ни противились тому владельцы конной железной дороги, начали обсуждаться проекты метро в Москве, которые могли стать реальностью. Дела «Общества электрического освещения» шли всё лучше и лучше, привлечение иностранного капитала продолжилось. В декабре 1898 года Общество заключило с консорциумом кредитных учреждений во главе с «Обществом электрической промышленности» в Базеле договор, по которому получило от консорциума аванс в 7 млн рублей, повышенный затем до 8 млн рублей. Около половины этой суммы внесли швейцарские банки, остальное – германские. В 1903 году был Высочайше утвержден новый устав «Общества электрического освещения», несколько расширивший его права, причем к наименованию Общества было прибавлено указание на год его основания – «1886 год», включенное уже с 1900 года в название фирмы с целью отличить ее от других организаций электрического освещения, открывшихся позднее. Огромные доходы «Общества 1886 года» и необходимость освещения зданий приводят к тому, что после смерти Карла Сименса Городская управа попыталась пересматривать прежние договоренности. Московская газета «Раннее утро» в 1910 году писала: «Обсуждается в настоящее

Телефонный аппарат «Сименс и Гальске»

Архитектурно-художественное освещение Тверской улицы. Фото 2012 года

время вопрос о мерах борьбы с «Обществом электрического освещения» для того, чтобы заставить его понизить тариф на электрическую энергию». Однако победить Общество Управе так и не удалось!

После начала Первой мировой войны гласный А.С. Шамаков внес в Городскую думу заявление, в котором предложил после предварительного обсуждения вопроса в совещании гласных — юристов поручить Городской управе в кратчайший срок разработать и внести в Думу доклад о возбуждении ходатайства перед правительством произвести секвестр всего предприятия по электрическому освещению в столице, принадлежащего «Обществу 1886 года». Однако у правительства оказалось много других неотложных дел, и вопрос об Обществе не был решен.

В 1916 году во время пребывания председателя Совета министров Б.В. Штюрмера в Москве прошло совещание по вопросу об «Обществе 1886 года». Б.В. Штюрмер высказался за то, чтобы «Общество 1886 года» изъять из рук нынешнего правления, не предпрешая, однако, вопроса о том,

как в дальнейшем будет организовано дело и будет ли оно передано городу или земству. Представители Москвы настаивали на необходимости ликвидации Общества и организации ликвидационной комиссии, однако им так ничего и не было обещано.

На заседании Особого комитета по борьбе с немецким засильем обсуждался вопрос об устранении немецкого влияния в крупнейших электрических и электротехнических обществах в России. Речь шла об обществах «Сименс и Шуккерт», «Сименс и Гальске», «Всеобщей компании электричества», «Электропередаче» и «Обществе 1886 года». По предложению Комитета предъявительские акции во всех пяти обществах упразднили и заменили именными.

Ликвидация всех пяти электрических обществ должна была быть закончена, по постановлению Комитета, к 1 июля 1917 года. Однако Февральская революция смешала все карты, и Комитет по борьбе с немецким засильем оказался упразднен раньше «Общества 1886 года». Оно было ликвидировано только декретом Совета народных комиссаров «О конфиска-

ции и передаче в собственность Российской Республики всего имущества «Общества электрического освещения 1886 года», подписанным Лениным 16 декабря 1917 года: «Ввиду того, что «Общество электрического освещения 1886 года», получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятия, Совет народных комиссаров постановил: конфисковать всё имущество «О.э.о. 1886 г.», в чём бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал должен оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду».

На этом и завершилась история пионеров московской электрификации. К сожалению, в Москве мы не найдем мемориальных упоминаний о деятельности Карла Сименса. **МНР**

Знаете ли вы, что история усадьбы **Абрамцево** сформировала огромный пласт культурно-исторического наследия **Москвы**? Нет-нет, это вовсе не ошибка: небольшое подмосковное имение известного мецената **Саввы Мамонтова** поспособствовало тому, что сегодня миллионы туристов «влюбляются» в столицу России. Это чувство рождается у них при знакомстве с железнодорожным вокзалом, стремительно растёт во время прогулок по городу и окончательно укрепляется после посещения музеев.

Сфера Влияния **ОДНОЙ** **ПОДМОСКОВНОЙ** усадьбы

Знаете ли вы, что история усадьбы **Абрамцево** сформировала огромный пласт культурно-исторического наследия **Москвы**? Нет-нет, это вовсе не ошибка: небольшое подмосковное имение известного мецената **Саввы Мамонтова** поспособствовало тому, что сегодня миллионы туристов «влюбляются» в столицу России. Это чувство рождается у них при знакомстве с железнодорожным вокзалом, стремительно растёт во время прогулок по городу и окончательно укрепляется после посещения музеев. Вполне возможно, что не каждый осознает: миллионы людей в Москве ежедневно контактируют с «плодами» абрам-

цевской истории. «Абрамцевские» художники и их творения, биография хозяев усадьбы и, конечно же, абрамцевская майолика — об этом восхищенные туристы рассказывают своим близким, делясь самыми яркими эмоциями о поездке. Преувеличение? **Вовсе нет!** Давайте изучим наиболее известные строения Москвы, фасады которых украшает абрамцевская керамика, и поймем — история этой скромной усадьбы настолько масштабна, что с ней непременно стоит познакомиться.

Подмосковная усадьба **Абрамцево** относится к числу наиболее ярких сохранившихся образцов живописной дворянской усадьбы второй

Автор: **Вадим Разумов**

Фото: **Вадим Разумов**
и из архива автора

В усадьбе размещается Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник

Портрет писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. В.Г. Перов. 1872 год

половины XIX века. Ее история началась задолго до наступления «галантного века». С первой половины XVIII века по вторую половину XIX века Абрамцевом владели представители семейств Головиных, Молчановых, Неведомских. Однако период наивысшей популярности имения начался с 1841 года. Именно тогда Абрамцево приобрел известный писатель-славянофил Сергей Тимофеевич Аксаков. В своей новой усадьбе он не чаял души, и, более того, она стала неиссякаемым источником его вдохновения. Одни из самых известных своих произведений: сказку «Аленький цветочек», автобиографические повести «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» — Аксаков написал в Абрамцеве. Сергей Аксаков дружил со многими известными писателями и поэтами того времени. Гостями Абрамцева были Николай Гоголь, Иван Тургенев, актер Михаил Щепкин и другие известные персоны. Спокойная и размеренная жизнь Аксаковых в Абрамцеве во многом гармонировала с общим настроением, царившим в имении. В Абрамцеве нет массивных портиков с колоннами, величавых статуй и «царских» парков — это «дворянское гнездо» очаровывает живописной скромностью и гармонией с природой.

В 1870 году, после кончины Сергея Аксакова, дочь писателя продала абрамцевское имение Савве Ивановичу Мамонтову. Сегодня имя этого человека известно во всем мире, в том числе — благодаря тому, что Мамонтову удалось придать огромную значимость истории собственной усадьбы. Будучи выходцем из предприимчивой купеческой семьи, Савва Мамонтов с раннего возраста начал помогать отцу в управлении семейными предприятиями. Самостоятельная предпринимательская деятельность Мамонтова началась после смерти его родителей. За десять лет жизни в Абрамцеве Мамонтов отреставрировал главный дом, распорядился о строительстве новых хозяйственных служб и парковых сооружений, благоустроил территорию имения. Савва Мамонтов и его супруга Елизавета Григорьевна видели свой долг в том, чтобы возродить земли и населенные пункты, граничащие

На фотографии 2005 года — старый дом до реставрации. Главный усадебный дом был построен в середине XVIII века. В 1870-х годах с южной стороны к нему были пристроены столовая с буфетной комнатой, а с севера — мезонин

На одной из старинных фотографий видно, что в то время кухня соединялась с домом переходом

с их имением. Первыми объектами инфраструктуры, возведенными за их счет, стали школа, больница и столлярная мастерская. Супругам удалось создать местным жителям дополнительные рабочие места и стимулировать население к работе в своих родных краях. С реализации этих проектов началась меценатская слава Саввы Мамонтова.

В 1870—1880-е годы Мамонтов выиграл несколько крупных подрядов на строительство в России железных дорог, чем обеспечил себе всероссийскую славу и стабильно увеличивающийся доход. Став видным промышленником, он не забыл о главном увлечении своей жизни — искусстве. Мамонтов был страстным поклонником изобразительного искусства, музыки, театра. Будучи человеком известным, он завязал дружбу со многими культурными деятелями тех лет. Круг его приятельских связей стремительно рос — родственники и современники Мамонтова вспоминали, что очень часто в Абрамцево наносили визит Илья Репин, Виктор Васнецов, Василий Поленов, Михаил Врубель, Валентин Серов, Фёдор Шаляпин и многие другие. Щедрый хозяин Абрамцева не просто радушно принимал их в собственном имении — он имел талант распознать перспективного творца и щедро спонсировал каждого, кого считал гением. Абрамцево стало одним из самых важных центров изобразительного искусства России. Широко известные полотна

«Девочка с персиками» Валентина Серова и «Летний пейзаж» Илья Репина были написаны именно в этой подмосковной усадьбе. Абрамцевские пейзажи и интерьеры можно без труда узнать на картинах Врубеля и Нестерова, здесь были написаны многие творения, ставшие классикой российской художественной школы. Однако современники Мамонтова не только не поддерживали активную меценатскую деятельность предпринимателя, но и откровенно высмеивали ее. Постепенно границы его спонсорства расширились, распространяясь на театральное искусство, поддержку талантливых певцов, помощь литературным деятелям. В 1890-е годы щедрый меценат потерпел существенное поражение на предпринимательском поприще — не

рассчитал своих финансовых возможностей при организации очередного промышленного дела и вскоре стал должником.

Он начал распродавать свое имущество и некоторое время провел в тюрьме. Когда Мамонтов вышел на свободу и сумел расплатиться по всем долгам, его деловая репутация была безвозвратно подорвана. Поддерживали мецената лишь его семья и старые друзья — художники. В 1918 году Савва Мамонтов скончался. Он был похоронен в своем родном Абрамцеве. Все отчетливо понимали: Мамонтов принадлежал к той категории людей, которых будут помнить спустя века. Сейчас картины «абрамцевских» художников являются экспонатами крупнейших музеев, о его вкладе в развитие театрального искусства

С.И. Мамонтов и П.А. Спиро у рояля в столовой абрамцевского дома. В.Д. Поленов. 1882 год

Мастерская-студия построена в 1873 году по проекту архитектора В.А. Гартмана. Это стилизованное строение в крестьянском стиле богато украшено деревянной резьбой. Оно предназначалось для скульптурной мастерской с высоким потолком и верхним светом

Элементы деревянной резьбы мастерской-студии

помнят все современные мэтры, а о его удивительной керамической мастерской, созданной вместе с Михаилом Врубелем и Петром Ваулиным, узнал весь мир. Создавая свою новую мастерскую, Савва Мамонтов ставил перед собой задачу возродить старинное искусство изготовления майолики – цветных изделий из обожженной глины, покрытых непрозрачной глазурью разных оттенков. Любопытен факт: ряд историков и искусствоведов считают, что на создание майоликовой мастерской Мамонтова сподвигла обычная бытовая необходимость: в главном усадебном доме Абрамцева находились старинные печи с израз-

цами, которые постепенно приходили в упадок и требовали немедленной реставрации. Так или иначе, дело по развитию новой мастерской было организовано и доверено лучшим профессионалам в своем деле. Наряду с Саввой Мамонтовым отцами-основателями Абрамцевской керамической мастерской стали художник Михаил Врубель и начинающий химик, технолог Пётр Ваулин. Этому трио незаурядных деятелей удалось создать качественно новый продукт, ставший феноменом в истории русской культуры. В чём состоит художественный, коммерческий и репутационный успех данного предприятия? Основной его секрет кроется в том,

Скамейка, отделанная изразцами ручной работы по мотивам керамики М.А. Врубеля

Церковь Спаса Нерукотворного в Абрамцеве, построенная по проекту В.М. Васнецова и В.Д. Поленова в 1881–1882 годах. Фото 2005 года

что мастерская «впитала» в себя материальный базис Мамонтова, искусствоведческий талант Врубеля и техническую подкованность Ваулина. Путем многочисленных опытов и экспериментов Петру Ваулину удалось создать принципиально новый технологический процесс обжига изделий, благодаря которому готовое творение приобретало обилие выразительных художественных эффектов. Кроме того, он создал новый состав красочных покрытий, усиливающих красоту и необычность майолики. Усовершенствуя старинное производство, Ваулин старался сохранить и воплотить в современном изделии вековые базовые принципы производства майолики. Таким образом, его работы с легкостью можно было назвать в одинаковой степени и традиционными, и инновационными. Отличительной особенностью абрамцевской керамики стала, главным образом, потрясающая игра цвета покрытия готового изделия.

В свою очередь художественный гений Михаила Врубеля «колдовал» над совершенствованием цветов и оттенков майолики, придавая ей еще большую гармонию. За рекордно корот-

кий срок творение «абрамцевских» мастеров обрело грандиозную мировую славу: эксперты из разных стран единогласно признавали, что работа русских специалистов по своему качеству и уникальным эстетическим свойствам превзошла большинство существующих на тот момент образцов майолики в мире. Абрамцевская керамическая мастерская становится многократным призером российских и международных выставок, закрепляя за собой славу образцового производства.

В 1896 году Савва Мамонтов со своими единомышленниками решили придать производству абрамцевской майолики промышленный масштаб. Они выкупили участок земли в Москве и занялись строительством столичной фабрики, полностью перенеся все производственные процессы из усадьбы Абрамцево. Примечательно, что предприятие получило название Гончарный завод «Абрамцево», став своеобразным «уголком славы» усадьбы Саввы Мамонтова в Москве. Новое производство ждал ошеломительный успех: именитые заказчики, узнав о майолике, получившей всемирную славу, стремились украсить

На фасаде «Метрополя» со стороны Театрального проезда находится самое известное майоликовое панно города – «Принцесса Грёза» Михаила Врубеля

необычным декором свои собственные особняки и доходные предприятия. На рубеже XIX–XX веков Европе захлестнула волна эпохи модерна, воспевающая красоту необычного декора, смелых сочетаний и растительных мотивов. Изделия фабрики «Абрамцево», словно предвосхищая появление новой стилистической эпохи, стали визитной карточкой воплощения множества архитектурных шедевров в стиле ар-нуво. Где можно встретить работы мастеров Гончарного завода «Абрамцево» в реальной жизни, во время обычной

прогулки по Москве? Ответ на этот вопрос очень любопытен: в самых оживленных туристических точках современной столицы. Словно подчеркивая свой особый статус в истории искусства России, гостей столицы встречает во всем своем великолепии майоликовое панно Ярославского вокзала. Художественный сюжет со стилизованным растительным орнаментом в приглушенных тонах является главным украшением монументального здания, которое на рубеже веков приобрело причудливые черты неорусского

Блюдо с растительным орнаментом. А.Я. Головин. 1898–1899 годы. Абрамцевская гончарная мастерская

Печь-лежанка с изразцами Михаила Врубеля. Абрамцево. Начало XX века

В абрамцевском доме часто звучала музыка. Обычно концерты проходили в Красной гостиной, выходящей на террасу, ее двери были открыты, и звуки музыки были хорошо слышны в парке

стиля с элементами северного модерна. Сдержанные, естественные тона данного панно передают цветовые сочетания, присущие российскому Северу. Сегодня, как и сто лет назад, путники, прибывающие в Москву на Ярославский вокзал, первым делом обращают внимание именно на необычный декор этого здания – наследие «Абрамцевского трио». По обыкновению, каждый турист должен был по прибытии на вокзал направиться в гостиницу или доходный дом, чтобы разместиться и отдохнуть после дороги. Современные путники, посещающие Москву, часто испытывают желание остановиться не просто в гостинице, а в роскошном отеле с историей. Именно таким местом является отель «Метрополь», построенный в 1899–1905 годах по инициативе владельца Абрамцева Саввы Мамонтова. В строительстве этого здания принимали участие ведущие архитекторы эпохи модерна,

включая Льва Кекушева, Вильяма Валькота и Николая Шевякова. Им удалось создать строение, поражающее своей площадью и роскошью. В его архитектурном облике переплелись стиль модерн и элементы псевдоготтики. А главным украшением детища Саввы Мамонтова стали многочисленные майоликовые панно, выполненные на заводе «Абрамцево». Самым масштабным майоликовым шедевром гостиницы «Метрополь» стало панно «Принцесса Грёза», выполненное по картине Михаила Врубеля, – оно занимает центральное положение на парадном фасаде отеля. В наше время гостиница «Метрополь» является поистине культовым местом: искусствоведы и историки относят здание отеля к числу самых выдающихся строений московского модерна, российские и зарубежные туристы стремятся начать знакомство с Москвой именно с этого исторического места, а сами

москвичи часто выбирают «Метрополь» в качестве площадки для проведения самых роскошных и статусных праздников. Главным художественно-культурным символом Москвы, безусловно, является Государственная Третьяковская галерея. Ежедневно это удивительное место посещают тысячи туристов, и некоторые из них сперва не видят его прямой и тесной взаимосвязи с усадьбой Абрамцево. Вспоминая меценатские заслуги Мамонтова, нельзя не отметить, что огромное количество полотен, которые в настоящее время прочно ассоциируются с очарованием русской культуры и служат главными украшениями «Третьяковки», были написаны художниками из «абрамцевского» круга – теми, кому много лет назад Савва Иванович оказал неоценимую помощь. Примечательно, что фриз на фасаде Третьяковской галереи по эскизу Васнецова был выполнен на абрамцевском заводе.

Доходный дом Перцовой построен по эскизам С.В. Малютина, «отца» матрешки, в 1905–1907 годах. Украшен абрамцевской майоликой – как на «балконе с крокодилами». Фото 2013 года

Одним из самых любимых прогулочных маршрутов Москвы является путь от храма Христа Спасителя по Патриаршему мосту в сторону фабрики «Красный Октябрь». И, конечно же, каждый житель и гость столицы, любящая просторами Москвы с Патриаршего, замечали удивитель-

но красивый и необычный особняк, словно сошедший со страниц сказки. Доходный дом Перцовой был построен в начале XX века. Он входит в число самых запоминающихся зданий столицы и является любопытным образцом эклектики. Однако даже взгляд человека, далекого от

мира искусства, без труда определит: особенную уникальность этому строению придает его декор. Фантастические майоликовые панно, на которых изображены мифологические растения и животные, тоже относятся к многочисленным шедеврам завода «Абрамцево».

Образцы майоликового декора, выполненного на заводе Мамонтова, можно увидеть, прогуливаясь вдоль фасадов исторических домов по Хлебному переулку, Большой Садовой, Большой Якиманке, Тверской-Ямской. Изделия, украшенные абрамцевской керамикой, сегодня занимают почетные места в экспозициях Третьяковской галереи. В Москве, Русском музее в Санкт-Петербурге, Государственном музее керамики и усадьбе Кусково и, конечно же, музее-заповеднике «Абрамцево». Несмотря на обширную географию своего присутствия, наследие завода Саввы Мамонтова, словно волшебная кисть, раскрасило облик Москвы рубежа XIX–XX веков, придав ей сказочный, самобытный и яркий вид. И сегодня мы продолжаем фиксировать в своей памяти здания, украшенные майоликовыми панно, причисляя их к самым красивым зданиям столицы. Именно это является доказательством того, что история небольшой дворянской усадьбы способна изменить облик огромного мегаполиса.

МН

Савва Иванович Мамонтов на площадке для игры в городки. Фото начала XX века

«Фамилия Мамонтов происходит от личного имени Мамонт, которое является формой канонического имени Мамант, в переводе с греческого означает “сосущий грудь”. До середины XVII века имя произносилось с ударением на 1-м слоге». (Филологический словарь). Сам Савва Иванович Мамонтов как-то пошутил, что у него говорящая фамилия, так как покровители искусства в России скоро вымрут как мамонты...

Савва и Москва

«Фамилия Мамонтов происходит от личного имени Мамонт, которое является формой канонического имени Мамант, в переводе с греческого означает “сосущий грудь”. До середины XVII века имя произносилось с ударением на 1-м слоге». (Филологический словарь). Сам Савва Иванович Мамонтов как-то пошутил, что у него говорящая фамилия, так как покровители искусства в России скоро вымрут как мамонты...

Триста лет назад, в 1716 году, в переписной книге крепостных крестьян села Берна, что стояло в 20 верстах от города Мосальска, упомянут приказчик помещика Шиловского – Кон-

дратий, сын Мамонта. Внук Кондратия – Иван – получил в середине XVIII века вольную. Записавшись на фамилию Мамонтов (образованную от отчества деда), Иван занялся торговлей в городе Мосальске Калужской губернии. Фёдор Иванович Мамонтов стал откупщиком и заработал на этом начальный капитал, передав дело сыновьям, которые для расширения торговых дел по очереди и переехали в Москву: в 1840-м – Николай Фёдорович, в 1849-м – его старший брат Иван.

Савва Иванович Мамонтов родился в 1841 году в день святого Саввы в Тобольской губернии. В возрасте 8 лет он «стал москвичом». Первым

Автор: **Станислав Величко**
Фото: **из архива автора**

Чоколов проезд, владение Чоколова. Во владении № 9 размещился Керамический завод С.И. Мамонтова «Абрамцево»

Бутырский дом С.И. Мамонтова в Чоколовом проезде, № 7. С.И. Мамонтов и М.С. Морозова у керамического бассейна. Керамика М.А. Врубеля и А.Л. Обера. Фото 1911–1915 годов

Лель. Керамика М.А. Врубеля

адресом проживания Саввы стал дом дяди Николая на Елоховке близ Разгуляя (Спартаковская ул., 9). Так этот район станет родным для Саввы Ивановича (далее – С.И.) на полвека. Всё в жизни С.И. было связано с искусством и художествами, и символично, что даже первое место жительства было обусловлено тем, что семья завела в Москве завод лаков, красок и сургуча в районе, где их истари производили, устроив свои дома близ завода.

Через год после переезда отец С.И. для своей большой семьи купил старый барский дом в Хомутовском тупике (5а) у Красных ворот. По преданию, огромный дуб, растущий в саду у дома и ныне, посадила семья Мамонтовых. По образцу этого владения, где семья жила в 1850–1853 годах, С.И. уже в 1900-е годы обустроит свою собственную усадьбу в Бутырках.

После смерти жены (1853 год) отец С.И. продал дом родственникам, начал с детьми арендовать квартиры у друзей семьи и деловых компаньонов. На Новой Басманной жили у нефтепромышленников Сидора Шибаева (дом 23) и Василия Кокорева (дом 19). Затем – у своих родственников Хлудовых в усадьбе «Высокие горы» (Земляной вал, 53). Всё это время юный Савва учился в близлежащей 2-й Мужской казенной гим-

назии на площади Разгуляй, которую, «не высказав особых успехов», закончил в 1860 году. Потом было обучение на Юридическом факультете Московского университета. Отец, Иван Фёдорович, сколотил огромный капитал на железнодорожном строительстве, привлек сына, тогда еще студента, к семейным делам. С 1862 года по желанию отца С.И. вел дела семьи в Баку. Несколько лет прожил в Италии, занимаясь пением и изучая историю искусств.

В Италии, в Риме, С.И. познакомился с Елизаветой Сапожниковой, своей будущей женой. В 1865 году они обвенчались. В браке родилось пять детей: Сергей, Александра, Вера, Всеволод и Андрей. Из заглавных букв их имен составлялось «Савва».

Родители молодоженов подарили им ампирическую усадьбу на Садовой-Спасской улице (№ 6), которую Мамонтовы несколько раз перестраивали по проектам друзей – зодчих Александра Никифорова и Льва Кекушева, художника Михаила Врубеля. Все здания: жилой дом, оперная студия, художественно-керамическая мастерская – были выдержаны в венецианско-византийском стиле. Интересно, что часть фасада главного дома супругов копировала загородный особняк родителей Елизаветы Мамонтовой в Любимовке. Врубелев-

ский корпус во дворе – единственная сохранившаяся в стране архитектурная постройка М. Врубеля.

По образцу своего московского владения С.И. хотел организовать строительство готовых «под ключ» особняков для «любителей искусств» во всей России. Для этого им было организовано Северное домостроительное общество. Самая знаменитая постройка Общества – отель с оперным театром «Метрополь» (для первой национальной русской оперы, основан в 1885 году). Именно С.И. и решил превратить «Метрополь» в огромный оперный театр с отелем, рестораном и торговым центром. Фасады «Метрополя» были украшены майоликовыми сценами-вставками из знаменитых театральных произведений. Но судебный процесс и разорение С.И. не дали ему реализовать домостроительные проекты. Зато мамонтовской идеей воспользовались Л. Кекушев и Я. Рекк, успешно ее реализовав. Виктор Васнецов писал: «В нём была какая-то электрическая струя, зажигающая энергию окружающих. Бог дал ему особый дар возбуждать творчество других». Как царь Мидас, Мамонтов всё, до чего дотра-

Завод «Абрамцево» в Бутырках. Фото начала XX века

гивался, превращал в золото. И каждое его предприятие – это целое концептуальное произведение, где функция, местонахождение, актуальность были увязаны и с доходностью, и с искусством.

Последние годы жизни Мамонтов провел в своей усадьбе за Бутырской заставой, где находился гончарный завод «Абрамцево», основанный в 1889 году и позднее (в 1898 году) переведенный в Москву. Друг С.И., сослуживец и коллега по строительству Северной железной дороги и (как ее части) Савёловской железной дороги, Семён Петрович Чоколов, предложил Мамонтову купить за Бутырской заставой несколько участков. В 1896–1899 годах С.И. и коллеги – инженеры-путейцы – построили несколько зданий между Нижней Масловкой (тогда – Бутырским проездом), в современном владении 34, и Чоколовым проездом (ныне – улица Правды).

Архитектор Илья Бондаренко возвел для Мамонтова жилой дом, службы и заводские здания. Сын Всеволод вспоминал: «В девяностых годах отец мой перевел свою гончарную мастерскую из Абрамцева... при мастерской

выстроил себе небольшой домик с одной просторной комнатой, хорошо освещенной громадным окном. Там занимался он скульптурой и лепкой самых разнообразных вещей для поливы их в гончарной мастерской». Именно за Бутырской заставой были созданы наиболее значительные произведения абрамцевской архитектурной керамики, украшающие сотни зданий в стране.

Здесь же, в московском «Абрамцево», закончился и жизненный путь Саввы Ивановича. О бутырской усадьбе уже ничто не напоминает, кроме... улицы имени прославленной летчицы Марины Расковой – крестницы Саввы Ивановича. Ее родители жили здесь, в усадьбе своего друга – Мамонтова, здесь же и выросла у крестного будущего летчица. Такие же косвенные памятные скрижали сохранились и в других уголках мамонтовской Москвы. Невдалеке от бывшего дома С.И. на Садовой-Спасской стоит усадьба-музей В.М. Васнецова. Однажды, возвращаясь от Мамонтова ночью, Васнецов заблудился в окрестных переулках. Одно из мест очень понравилось художнику, и Мамонтов помог другу купить участок и построить усадьбу (репортаж о доме Васнецова журнал «Московское Наследие» готовит к изданию в этом году).

А огромная коллекция изделий бутырского «Абрамцева» в наши дни

размещается в стенах Московского государственного университета инженерной экологии на Старой Басманной улице, в районе детства Саввы Ивановича.

Памятных «Мамонтовских» мест в столице много, очень много. И связаны они не только с Саввой Ивановичем, но и с его близкими. Интересно заметить, что почти все сооружения, созданные Мамонтовыми, – и промышленные, и жилые, и общественные – являются объектами культурного наследия или, не имея такого статуса, всё равно отреставрированы современными владельцами. А дома, декорированные керамикой завода «Абрамцево», однозначно – архитектурные памятники. В прошлом году были отреставрированы бывшие цеха Мамонтовского завода лаков и красок на 2-й Звенигородской ул., 12 (до революции – крупнейшего в Европе), восстановлена Мамонтовская типография в Филипповском переулке, 13.

Символично, что самое знаменитое керамическое произведение «Абрамцево» – панно-рапорт «Принцесса Грёза», созданное по сюжету одноименной пьесы Эдмона Ростана, заключает в себе всю жизнь Саввы Ивановича: преодолевая жизненные перипетии, верить в то, что любовь – это умение прощать недостатки ближнего, и сделать свою жизнь аргументом своей философии. МН

На то, что дорого сердцу, невозможно посмотреть в целом. Ну или... сложно. Однако нужно быть повнимательнее. Наша жизнь в нашем же городе не может осуществляться вне контекста его «архитектурной жизни», а также ее осмысления. Та среда, к которой мы себя относим, называется городом, но состоит из разных «участников», одних – о которых активно рассказывают, да и они словно «рассылают» рекламу о себе, и других – которые молча ждут своей судьбы или часа, да и нередко просто доживают свой век в тишине.

Красота и польза. Грядет ли джентрификация?

На то, что дорого сердцу, невозможно посмотреть в целом. Ну или... сложно. Однако нужно быть повнимательнее. Наша жизнь в нашем же городе не может осуществляться вне контекста его «архитектурной жизни», а также ее осмысления. Та среда, к которой мы себя относим, называется городом, но состоит из разных «участников», одних – о которых активно рассказывают, да и они словно «рассылают» рекламу о себе, и других – которые молча ждут своей судьбы или часа, да и нередко просто доживают свой век в тишине.

Автор: Тимофей Смирнов

Кирпич на кирпич

Когда мы говорим «архитектура», то чаще всего подразумеваем главным

образом дворцы и храмы, театры, иногда крепости и жилые дома. Здания иного назначения (административные, торговые, производственные и др.) обойдены нашим вниманием. Действительно, словосочетание «архитектура промышленных зданий» до XIX века не то что редкость, а скорее спорное явление. Дело в том, что зодчие прошлого имели дело с небольшим числом типов построек. А если и «расширяли» этот круг, то композиционно-художественные решения и архитектурные формы, допустим, верфи или завода также отличались стабильностью образов и приемов.

В XIX веке возникла потребность в сооружениях, которых не знало «традиционное» зодчество. Надо

Здание кондитерской фабрики «Красный Октябрь» на Берсеневской набережной. Первая официальная запись о фирме «Эйнемъ. Товарищество паровой фабрики шоколада, конфетъ и чайныхъ печеній» появляется в 1867 году. Сейчас в историческом здании на набережной остались только музей и цеха по производству шоколада ручной работы. Фото: В. Разумов, 2015 год

было строить то, чего ранее не существовало: вокзалы, универмаги, выставочные залы и другие здания новых типов. Это приводило архитекторов к затруднениям. Промышленно-фабричная архитектура – это целый культурный пласт в истории архитектуры. Долгое время и по сей день в отечественном искусствознании господствует мнение о том, что во второй половине XIX века в России не строилось ничего ценного, а архитектура переживала застой.

Соответственно, такая неизученная область, как фабричная архитектура, долгое время не считалась чем-то ценным. Между тем, как показывает сегодняшнее время, она вовсе не была «тупиковой ветвью развития архитектуры». Напротив, для фабричных комплексов даже характерны архитектурные стили, такие как модерн, неоклассицизм. Но больше всего зданий было построено в стиле эклектики. Однако, как и в советское время, этому слову придают некоторый негативный оттенок, подразумевая, что эклектика – это «мешанина».

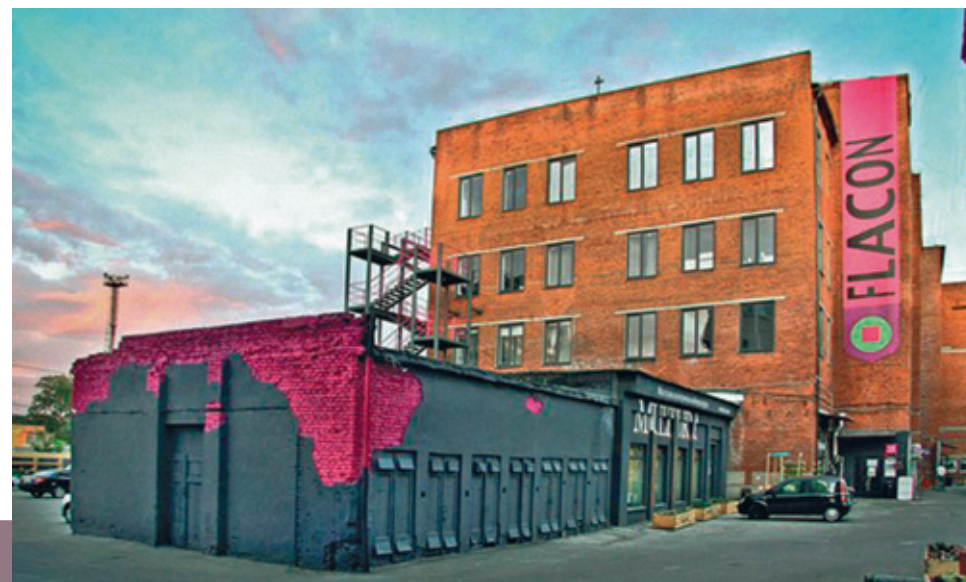
Уже давно общеизвестно, что на самом деле название стиля происходит от слова «выбирать» – и это своего рода следствие демократизации общества того времени.

Хотя «выбирать» приходилось немногим. Стиль фабричных комплексов Москвы, как, впрочем, и других

городов России, определяли вкусы и предпочтения заказчика и желание архитектора «понравиться» заказчику. Тем не менее сильнее конъюнктуры было стремление объединить «красоту и пользу» – вот потому большинство фабричных зданий строилось из красного кирпича. Это позволяло избегать ремонтов и создавать видимость богатой отделки. Прием оказался столь удачным, что впоследствии был распространен на здания больниц, школ, профессиональных училищ и так далее.

Долгое время производственные здания не считались входящими в сферу архитектуры, и их строили инженеры. А между тем при возведении этих объектов в силу их специфических особенностей как бы по ходу действия разрабатывались как новые виды строительных конструкций, так и новые приемы организации внутреннего пространства, что впоследствии оказало революционизирующее воздействие на формирование всей архитектуры.

Поскольку требовалось разрабатывать конструкции обширных залов, минимально загроможденных стенами и столбами, чтобы создать условия для беспрепятственного движения людей или установки станков, а также для незатрудненной обзорности пространства и ориентации в нём, то это привело к таким новшествам, как остекленные крыши, организация внутренних мостиков-переходов. Для пассажиров создавались огромные

Дизайн-завод «Флаконт»

Фото: Ф. Смирнов, 2016 год

«Галерея Жиро» – важный элемент исторического прошлого Москвы, объект культурного наследия, находящийся на территории делового квартала «Красная Роза» в Хамовниках. Фото: 2000-е годы (до реставрации) и 2014 год (после реставрации)

витринные окна, для фабрик — «спецходы» и спецфундаменты. Все эти и другие новшества требовали применения нетрадиционных решений планировки помещений и архитектурной композиции. Даже близость водных артерий, требующихся для производства, меняла сам облик зданий и городов.

Несмотря на «инновационность» такого рода, развитие новой архитектуры сопровождалось трудностями и происходило неравномерно, с большими перерывами. Всё новое не получало повсеместного распространения и еще не скоро привело к изменению традиционных архитектурных приемов.

То есть на творческое осмысление перемен требовалось время. Надо было отрешиться от привычных представлений об архитектурных формах и композиционных приемах и выработать новые практические приемы, соответствующие новым задачам. На первых порах формам, которые возникали при строительстве зданий новых типов, с применением новых конструкций, пытались придать «художественный вид», не совершенствуя их, а декорируя старыми, привычными мотивами. Это и есть самое интересное для нашего сегодняшнего зрителя.

Невероятно удивляет, что во многих фабричных корпусах прослеживаются черты рыцарских замков, присутствует налет готического стиля или неоклассики.

Да и, к слову сказать, на строительстве особо не экономили. Создавались по-настоящему качественные здания по оригинальным проектам, которые должны были поддерживать престиж архитекторов и владельцев фабрик.

В середине XIX века французский подданный Клод Жиро открыл в Москве фабрику по производству шелковых тканей. Неподалеку от фабрики жил Лев Николаевич Толстой. Такое соседство Льва Николаевича явно устраивало, благо давало вечный повод для горьких размышлений о тяжелой рабочей доле. «Против дома, в котором я живу, — писал Толстой в статье «Рабство наших дней», — фабрика шелковых изделий, устроенная по последним усовершенствованным приемам механики. Сейчас, сидя у себя, слышу непрерывающийся грохот машин и знаю, что значит этот грохот, потому что был там. Три тысячи женщин стоят на протяжении 12 часов за станками среди оглушительного шума и производят шелковые материи».

Очевидно, что Толстой рассуждает о капитализме и эксплуатации, но мы не будем вслед за классиком переживать за тяжелый труд рабочих и вернемся к теме.

Историки выделяют два типа промышленных объектов того времени: с открытой территорией, где здания располагаются в произвольном порядке, и с периметральной застрой-

Фото: Ф. Смирнов, 2014 год

кой, когда по периметру располагаются здания, «связывающие» фабрику с миром, — склады, заводоуправление, конторы, дома специалистов и казармы рабочих и т.д.

Необходимо отметить, что здания постоянно достраивались. Но высокая строительная культура XIX века способствовала тому, что все работы проводились очень деликатно и их следы фактически незаметны.

В фабричных корпусах немало «изюминок», которые не видны снаружи. Например, в некоторых из них еще остались шикарные металлические колонны с капителями, лестницы, фонари, а кое-где на территориях фабрик сохранились и булыжные мостовые. Все эти детали незаметны невооруженным взглядом, к ним нет открытого доступа, их трудно сфотографировать, а во многих случаях — они просто утрачены ввиду джентрификации.

Да, именно джентрификация трансформирует красоту этих сооружений, приводя замшелые и потертые квадратные метры в пригодную нынешнему времени реальность.

Обыкновенная джентрификация

Что это такое джентрификация? Разрушение наследия? «Тюнинг»?

Здесь обратимся к словарям.

Джентрификация (от англ. «gentrification») — это комплексное изменение городской среды, происходящее в результате переселения состоятельных граждан в те районы города, которые ранее либо были заселены представителями низших классов, либо находились в состоянии упадка и представляли заброшенную промзону. Также термин «gentrification» часто употребляется в отношении процесса

возрождения старых промышленных городских кварталов, основанных в прошлом веке индустриальной экономикой (данный процесс иногда называют городской рециркуляцией — перестройкой фабричных и заводских кварталов в жилые с созданием всей необходимой инфраструктуры). Невзирая на определения, позволим себе выразиться грубее. С некоторой долей сомнения скажем, что сегодня в Москве джентрификация — это превращение грязного, привокзального, руинированного, неблагополучного и «дешевого места» в модное, дорогое и престижное.

Безусловно, что с того времени, как были построены фабричные комплексы, изменилось многое: технологический процесс, принципы организации производства, производительность труда. Так что фабричные здания в прежнем виде уже не нужны. Да и на роль «Музея промышленности под открытым небом» они не подходят ввиду своего плачев-

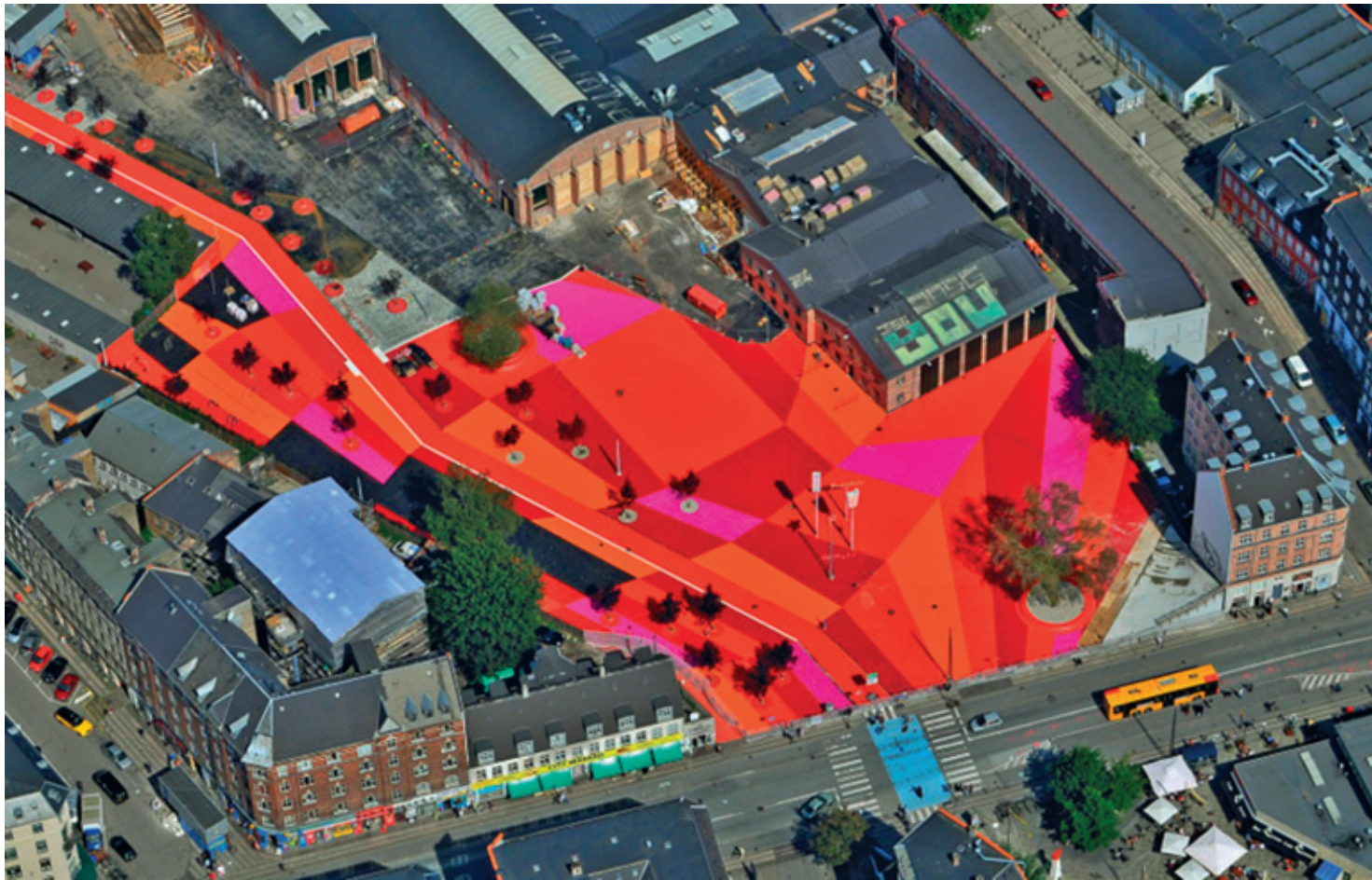
ного состояния. Для владельцев они, как правило, обуза. В этой ситуации и сами владельцы фабричной недвижимости вплотную сталкиваются с необходимостью перепрофилирования этих активов. Всё это кажется современным, однако проблема отнюдь не нова.

Серьезный масштаб она впервые приобрела во второй половине XIX века. И даже не в Москве.

Например, после Отечественной войны 1812 года в Россию перестали завозить западные ткани, кроме того, московские фабрики были уничтожены пожаром. Все потребности страны в текстиле удовлетворяли фабрики Иваново-Вознесенска и окрестностей. Как пишет известный краевед Ивановской области Александр Тихомиров: «Это был золотой век, когда текстилем занимались все, кому не лень, а ивановские фабриканты купались в роскоши. Само собой, в это время было построено большое количество фабричных зданий. Главным образом ручных ситцепечатных

Перекуем мечи на орала. Е.В. Вучетич. 1957 год. Фото: Ф. Смирнов, 2014 год

производств, которые представляли собой здания из двух каменных этажей и высокого холодного чердака, где сушили ткань.

А потом начался кризис, связанный, как и сейчас, с нехваткой хлопка. Сырье на местные фабрики тогда поставлялось из Америки, где в 1861–1865 годах шла война между Севером и Югом. Поставки хлопка резко упали. Фабриканты побогаче начали развивать машинное производство, а мелкие фирмы просто не выдерживали новых условий и разорялись. И по всему городу осталось множество зданий набойных производств. Часть из них снесли, часть начали использовать под самые невероятные цели: школы, театры (например, театр Демидова), жилые дома, общественные собрания, склады.

Потом те, кто выжил в конкурентной борьбе, перенесли свои фабрики на реку, где сложилась нынешняя фабричная застройка».

К этому можно добавить, что еще один кризис производства произошел в Иванове после революции.

Что делать? Было и стало

Итак, как оказалось, сейчас в Москве вновь актуален не новый, а старый-престарый вопрос: что делать с фабричными корпусами? С какими-то вопрос решен, а с другими... Уже решается. Как? Это — тема для отдельной статьи. В Москве и России есть удачные примеры ревитализации фабричных зданий. Более десяти лет назад начался процесс видоизменения и перепрофилирования этих поистине масштабных во всех смыслах помещений. Никто и подумать не мог тогда, насколько данное направление станет популярным. Давайте перечислим некоторые из них.

Так, в Москве корпуса фабрики «Красный Октябрь» стали самым что ни на есть модным местом, в Санкт-Петербурге в одной из бывших фабрик находится культурный центр «Ткачи». В упомянутом Иванове, по мнению специалистов, удачной находкой оказалось создание «ДербневЪ-Центра».

Площадь Суперкилен (Superkilen) в Копенгагене. Яркий пример начинающейся джентрификации в небогатом районе Норребро. <http://www.big.dk/#projects-suk>

ИТАК, КАК ОКАЗАЛОСЬ, СЕЙЧАС В МОСКВЕ ВНОВЬ АКТУАЛЕН НЕ НОВЫЙ, А СТАРЫЙ-ПРЕСТАРЫЙ ВОПРОС: ЧТО ДЕЛАТЬ С ФАБРИЧНЫМИ КОРПУСАМИ? С КАКИМИ-ТО ВОПРОС РЕШЕН, А С ДРУГИМИ... УЖЕ РЕШАЕТСЯ. КАК? ЭТО — ТЕМА ДЛЯ ОТДЕЛЬНОЙ СТАТЬИ. В МОСКВЕ И РОССИИ ЕСТЬ УДАЧНЫЕ ПРИМЕРЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ФАБРИЧНЫХ ЗДАНИЙ

В Москве не менее успешной оказалась еще одна модернизация — дизайн-завод «Флакон». История завода началась в 1841 году: в Москву приехали Альфонс Ралле и Фредерик Дютфуа, которые основали фабрику «А. Ралле и К°».

Сегодня, по идее создателей проекта, «Флакон» — это не просто офисный центр, а творческий кластер, в котором «люди креативных профессий» могут заниматься творчеством и при желании сотрудничать друг с другом. Широко известен другой проект — под названием «Даниловская мануфактура». Даниловская мануфактура была названа по монастырю, в окрестностях которого в XIX веке и построили предприятие. С первой половины XVIII века в этом районе находились ткацкие и ремесленные мастерские, которые постепенно наращивали обороты производства. В 1867 году небольшую красильную фабрику приобрел купец первой гильдии Василий Мещерин, и с этого момента начинается бурное развитие завода.

Сегодня «Даниловская мануфактура» — престижный бизнес-центр. Один из его корпусов назван в честь Мещерина («Корпус Мещерина»), а другой — в честь героя Великой Отечественной войны Николая Гастелло, который работал на фабрике с 1930 по 1932 год («Корпус Гастелло»). Другие здания получили названия в честь располагавшихся здесь цехов: «Фланелевый», «Сатиновый», «Ситцевый» и «Батистовый». Сочетание современных дизайнерских решений со стремлением сохранить архитектурный облик зданий XIX века было отмечено несколькими архитектурными премиями. Еще одним несомненным успехом стал проект изменения «Фабрики Станиславского». История фабрики начинается в 1785 году, когда Семён Алексеев основал предприятие «волочёного и плащёного золота и серебра», которое изготавливало проволоку, блесетки и канитель для золотых изделий и драгоценных украшений. С тех пор династия Алексеевых (и еще несколько московских семейств) владели предприятием и развивали его. К началу XIX века фабрика стала самой «мощной» в Москве, и ей понадобилось новое, более просторное помещение. Оно было найдено в Алексеевской слободе, где в 1850 году заработал обновленный завод. В конце XIX века

началась полномасштабная модернизация, в которой принимал участие великий актер и режиссер Константин Алексеев-Станиславский, руководивший предприятием с 1892 по 1917 годы. Отсюда и вытекает нынешнее название.

В 2003 году производство фабрики было перенесено в город Ивантеевка Московской области, а здание переоборудовано под офисы бизнес-центра «Фабрика Станиславского». Продолжается и культурная традиция: с 2008 года здесь работает «Студия театрального искусства» Сергея Женовача. Интересным также представляется проект бизнес-центра «Лефортово». Ткацкие ремесленные слободы на берегу Яузы известны еще со времен Петра I, который провел здесь свое детство и создал «потешные полки». Позже в районе нынешней Преображенской площади шили паруса для Петровского флота. Одно из самых крупных, «Товарищество шелковой мануфактуры в Москве», было создано на базе двух уже работавших здесь фабрик в 1881 году. Наступили перебои с государственным финансированием, производство было фактически остановлено, а в 2006 году было решено перенести его остатки в Московскую область. Освободившиеся цеха занял бизнес-центр «Лефортово». Многие были снесены, а в бывшей

Loft-квартал «Даниловская мануфактура»

Панорама «Винзавода»

Галерея Гельмана на «Винзаводе»

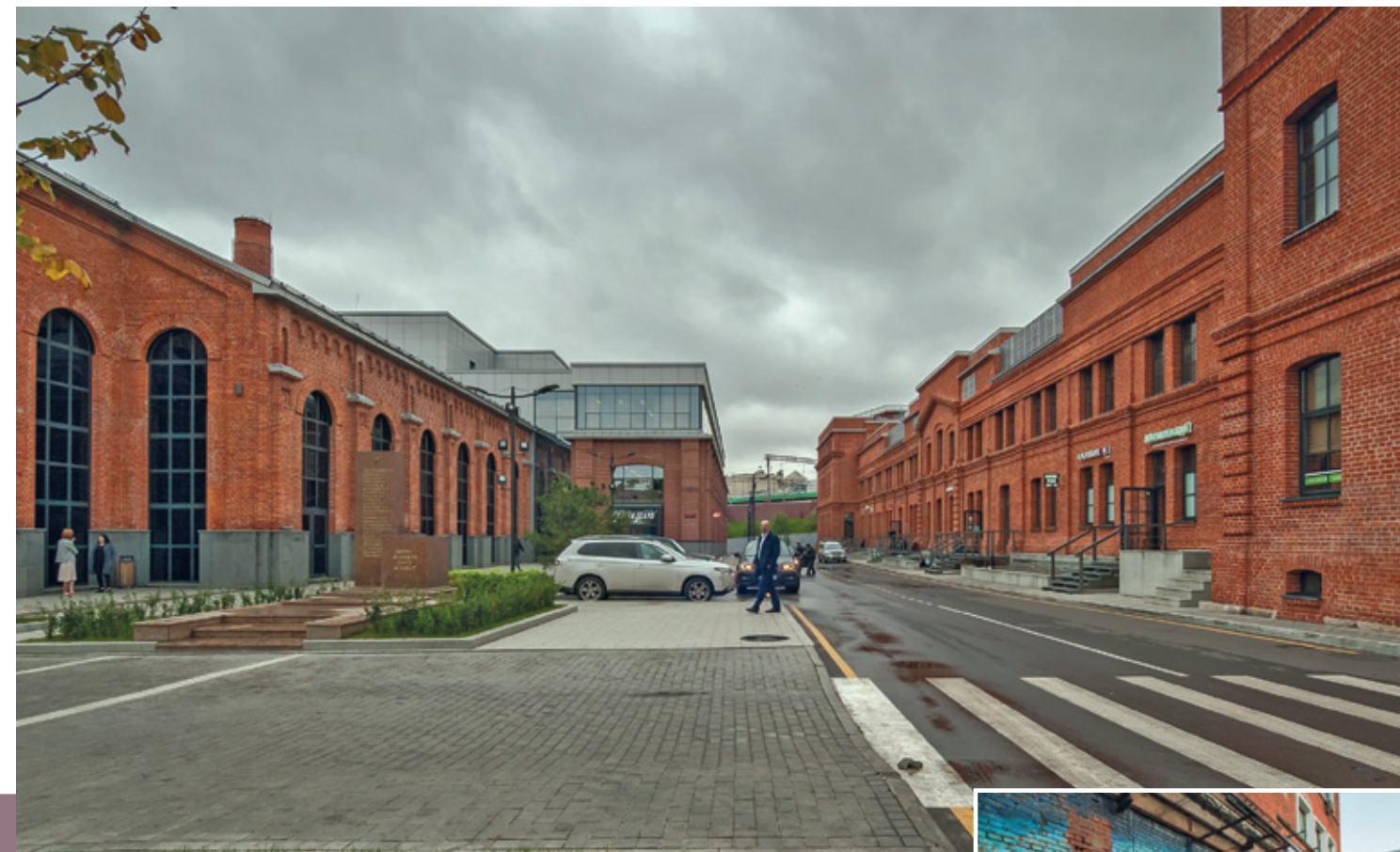

водонапорной башне расположена большая переговорная комната. Важным на карте города стал и центр «Красная Роза — 1875». На месте будущего завода «Красная Роза» располагалась усадьба Всеволожских, которую в 1875 году приобрел упомянутый ранее гражданин Лиона, купец Клод-Мари Жиро. Он решил построить на месте усадьбы фабрику, которая в будущем стала одной из самых крупных в Российской империи. Сегодня «Красная Роза»

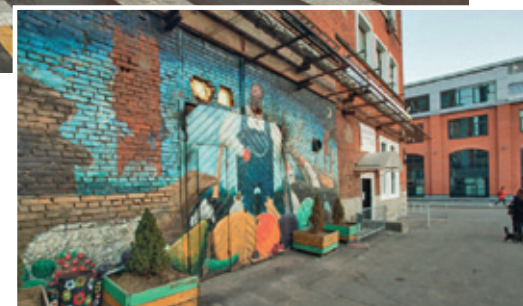
переживает второе рождение, теперь — в виде современного делового квартала, где расположены офисы таких компаний, как концерн «Калашников» и лидер российской IT-индустрии «Яндекс». Нельзя не упомянуть и Центр современного искусства «Винзавод». Первоначально место, где сейчас находится Центр современного искусства «Винзавод», принадлежало княгине Екатерине Волконской. Ее дом сохранился до наших дней: он стоит

слева от входа на территорию «Винзавода». В 1810 году усадьбу купил купец Никифор Прокофьев, который переоборудовал ее в пивоваренную фабрику. После этого предприятие несколько раз продавалось, сначала купцу Фридриху Даниельсону, затем — Вильяму Ватсону и Петру Дрейеру. В 1855 году ее приобрел известный купец и меценат Василий Кокорев. Некоторое время на месте «Винзавода» находилась фабрика сургуча, а в 1870—1880-х годах компания «Московская Бавария» стала производить здесь пиво, в том числе и знаменитое «Черное бархатное». После революции предприятие было переименовано в винный комбинат «Мосвинкомбинат», который работал до 2002 года. Именно его продукцию прославил в своей поэме «Москва-Петушки» Венедикт Ерофеев.

Совсем неподалеку от «Винзавода» действует Центр дизайна ArtPlay, известный как один из первых творческих кластеров Москвы. Он размещен на территории бывшего московского приборостроительного завода «Манометр», в районе Куржского вокзала. История его началась еще в 1886 году, но название «Ма-

Творческий центр «Завод "Арма"» (Московский газовый завод)

ценные старые постройки таким образом, чтобы получался законченный ансамбль.

Ряд фабричных зданий, естественно, признан памятниками архитектуры. Но очевидно, что не каждое здание, объявленное памятником архитектуры, таковым является. Политику властей на этапе принятия решения понять было можно: запретим что-либо переделывать, потом будем разбираться. Разбирательство затянулось. Теперь уже понятно, что состав памятников требует ревизии. Да и сам принцип отнесения зданий к этой категории — тоже. Не каждой фабрике повезло с месторасположением и архитектурой.

Тем не менее они занимают городскую землю. По статистике, на территорию промзон сегодня приходится почти 10% всей площади Центрального округа столицы. Так что «сносить нельзя помиловать». Или всё же джентрификация? Поживем — увидим.

нометр» завод получил уже при советской власти. В 1930-е годы он был единственным предприятием в СССР, выпускавшим оборудование для Московского метрополитена. В 1990-е годы завод считали неэффективным и выселили из Москвы. А в 2009 году в реконструированный цех въехал ArtPlay.

Другая история — у проекта «Новоспасский двор».

В самом начале XIX века на окраине Москвы, в Кожевнической слободе, некий швейцарский предприниматель купил небольшой участок земли, чтобы построить ситценабивную мастерскую. Буквально через несколько лет сюда поставили английские станки, и предприятие «Эмиль Циндель» стало набирать обороты. Почти 200 лет это было одно из крупнейших ткацких предприятий. Сейчас ситец носить почти перестали. С фабрикой надо было что-то делать. Владельцы предприятия весьма грамотно рассудили, что жилой квартал в этом районе (Дербенёвская набережная) вряд ли будет пользоваться успехом, и решили устроить в помещении фабрики бизнес-центр. Проект назвали «Новоспасский двор».

Не менее значим проект перестройки завода «Арма», которому посвящена отдельная статья в нынешнем номере.

Список этот далеко не полный. У Москвы есть и дальнейшие планы. Так, в числе планов — реконструкция бывшей чаеразвесочной фабрики, построенной в 1914 году в стиле модерн по проекту архитектора Романа Клейна. В 2017 году здесь должны появиться лофт-апартаменты. Помимо этого, в Москве еще осталось достаточное количество фабричных, производственных и просто жилых зданий, и, скорее всего, они будут перестроены по уже существующим сценариям. А может, изобретут новые. На очереди — завод «Кристалл» и многие другие.

Итого. Сносить нельзя помиловать

Сколько бы ни было красоты и пользы в фабричной архитектуре прошлого, сегодня она должна научиться быть полезной по-новому. Однако красота архитектуры фабрик и заводов лишь тогда видна обывателю, когда и если здание содержится в хорошем состоянии. То есть его нужно не реставрировать, а подвергать «глубокой» реконструкции.

Сегодняшнее мнение таково: фабрики и заводы — это историко-культурное наследие, но просто сохранять его не имеет смысла — нужно развивать комплексы, встраивая туда новые здания и сохраняя наиболее

Автор: **Олег Фочкин**

Коробьина И.М., Ратомская Ю.В., Золотницкая З.В., Оксенюк А.А. Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля. – М.: Кучково поле, 2016.

Альбом, подготовленный Музеем архитектуры им. А.В. Щусева, посвящен истории архитектуры двух монастырских ансамблей, утраченных в 1929 году. Авторы уделяют особое внимание шедеврам русской архитектуры XVI века — собору Чуда Архангела Михаила Чудова монастыря и собору Вознесенского монастыря; храмам XVII века — Алексеевской церкви Чудова монастыря и церкви прп. Михаила Малеина Вознесенского монастыря, работам архитектора М.Ф. Казакова 1770-х годов — крыльцу Алексеевской церкви Чудова монастыря и Архиерейскому дому (Малому Николаевскому дворцу), а также Екатерининской церкви Вознесенского монастыря, созданной в начале XIX века по проекту К.И. Росси. Отдельно рассматриваются история разрушения монастырей, а также конкурс на здание Военной школы имени ВЦИК.

Чудов монастырь, заложенный в 1365 году по преданию самим святым Алексием в память о чудесном исцелении от слепоты Тайдулы, матери хана Золотой Орды Джанибека, и избавлении столицы от угрозы вражеского нашествия, был окончательно уничтожен большевиками в 1930 году.

Собор Чуда Архистратига Михаила был разрушен еще раньше — в декабре 1929 года. Архитектор П.Д. Барановский в последний момент успел вынести раку с мощами святителя Алексия. В 1929 году был взорван и Вознесенский монастырь, основанный княгиней Евдокией, женой Дмитрия Донского.

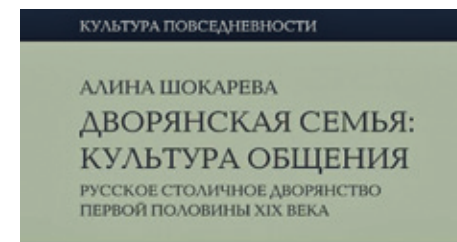
В книге рассматривается не только история создания и утраты двух великих монастырей, тесно связанных с самой историей нашей страны, но и то, каким образом можно сохранить память о них: «Обращение к исторической правде и попытка воссоздания важнейших фрагментов национального ландшафта страны требуют принципиально другого подхода. Одним из наиболее точных решений является концепция создания «археологического парка» на основе уцелевших элементов монастырских фундаментов. Может идти речь об экспозиции под открытым небом, объединяющей сохранившиеся документы и свидетельства, представленные в разных форматах, в целостный культурный ландшафт, который позволит посетителю самостоятельно реконструировать историческую картину в своем сознании».

Содержащий разнообразные исторические сведения научно выверенный текст проиллюстрирован множеством редких рисунков и фотографий.

Опарин Д., Акимов А. Истории московских домов, рассказанные их жителями. – М.: Эксмо, 2016.

Книга выходит в рамках издательской программы Музея Москвы.

Это рассказ о двадцати пяти жилых московских домах, построенных с XVII века по 1920-е годы. Каждая глава посвящена одному дому и состоит из исторического экскурса и воспоминаний жителей, сопровождается архивными документами, старыми и новыми фотографиями дома. Несколько лет автор текстов Дмитрий Опарин и фотограф Антон Акимов вели рубрику об исторических домах в журнале «Большой город». Когда рубрика закончилась, они продолжили собирать воспоминания жителей, искать старые фотографии и архивные документы, пробираться на чердаки и черные лестницы, фотографировать сохранившийся паркет и покрашенную в несколько слоев лепнину. В результате получилась эта книга.

Шокарева Алина. Дворянская семья. Культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.

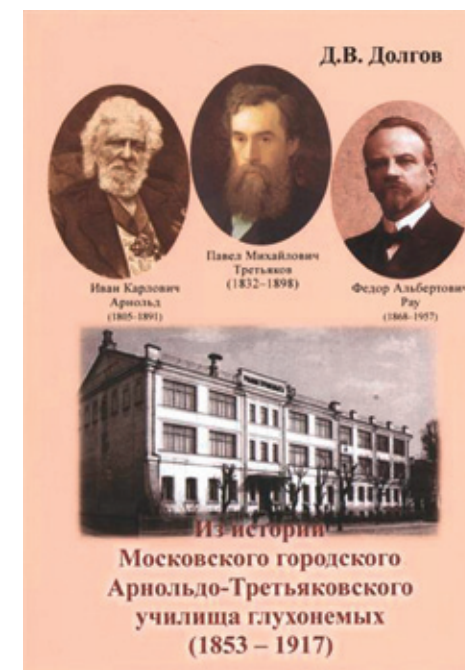
Эта книга рассматривает быт русского столичного дворянства начала XIX века, своеобразный благодаря условностям и негласным кодам, принятым в обществе, эмоциям, часть которых было уместно демонстрировать, а часть следовало подавлять. Книга, герои которой жили в эпоху, позднее названную золотым веком русской культуры, изобилует примерами из биографий, воспоминаний, писем, художественной литературы и может служить доступным введением в историю повседневности русского дворянства. Как общались между собой аристократы XIX века: супруги, родственники, друзья, начальники и подчиненные, — каким было застолье, как держали себя в дни радости и горя, какие этикетные нормы считали необходимым преподавать детям — обо всем этом можно узнать из работы историка Алины Шокаревой.

Долгов Д.В. Из истории Московского городского Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых (1853–1917). – М.: Спутник+, 2016.

В начале XIX века в Российской империи уже существовали учебные заведения для глухих. Это Санкт-Петербургское училище глухонемых, основанное в 1806 году. В Варшаве с 1817 года существовал Институт для глухонемых и слепых. В Москве с 1831 по 1844 годы была частная школа А.О. Кореи для глухих детей. В 1832 году был упразднен Виленский институт глухонемых. В Прибалтике еще в 1839 году в Риге было основано местное училище глухонемых. А в Одессе в 1843 году была создана частная школа для глухих девочек.

Стоит заметить, что это уже четвертая книга автора на данную тему. Ранее выходили работы «Московское общество глухонемых имени И.К. Арнольда (1912–1918)», «Арнольдовское попечительное общество в Москве (1869–1900)», «Московский отдел Попечительства Государыни Императрицы Марии Фёдоровны о глухонемых (1905–1917)».

Подлинные документы Московской общественной организации глухих позволили исследователю более подробно описать некоторые эпизоды из истории глухих москвичей. Московская городская организация Всероссийского общества глухих является одной из старейших общественных организаций, которая продолжает и сейчас активно участвовать в жизни глухих москвичей и занимает почетное место в истории Москвы. Существенную роль в сохранении и процветании училища сыграла благотворительная деятельность Павла Михайловича Третьякова в качестве председателя распорядительного комитета данного учебного заведения.

Фотография 1910-х годов.
Трамвайная линия проходила прямо по Красной площади мимо Спасской башни. Правда, совсем недолго. На трамвае – реклама Санкт-Петербургского Калининского пивомедоваренного завода – первого в России. Указ о его создании подписала Екатерина II. До революции в Кремль через Спасские ворота можно было попасть относительно свободно, закрытыми для посещения были только Большой Кремлевский дворец, места проживания чиновников из Министерства императорского двора и территория кремлёвских монастырей, особенно Чудова, где была резиденция Московского митрополита.

Журнал МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
учрежден в 2006 году Департаментом
культурного наследия города Москвы

Распространяется бесплатно

Издание предназначено для всех
интересующихся историей нашего города
и для людей, не чуждых заботы о будущем,
ведь люди, которые не хранят свою
историю, его лишены

Страстной монастырь. 1935 год.
Из документального фонда Москомнаследия

Монастырь упразднен, в его стенах организован Центральный антирелигиозный музей. Он не пользовался популярностью: верующие в оскверненное место не ходили, атеистам пережитки были малоинтересны.

Однако благодаря созданию музея сохранилось множество религиозных святынь. На колокольне – реклама «6-й автолотереи» добровольного общества Автодор. Автомобиль на колокольне

выглядит невинно по сравнению с четверостишием Есенина, которое краской накарябали иماجинисты еще в 1920-м:

«Вот они толстые ляжки
Этой похабной стены.
Здесь по ночам монашки
Снимали с Христа штаны».

№ 3 (45)

2016

